

*Благодарной памяти Алексея Ивановича Сидорова
(в монашестве Кирилла)*

«Область благочестия и правды»

***Очерки аскетики египетских подвижников
IV–V вв.***

2025 г.

Данный труд был вдохновлен доктором церковной истории, патрологом, профессором А. И. Сидоровым и выполнен под его руководством как выпускная дипломная работа в Православном Свято-Тихоновском Богословском институте (в настоящее время ПСТГУ) в 1998 году. Впоследствии текст был несколько отредактирован ввиду возможной публикации, добавлено образное название (слова из «Жития преподобного Антония»). В окончательном варианте он представляет собой ряд очерков, посвященных аскетике древних христианских подвижников Египта, изложенной на основании источников IV–V вв., имеющих в русском переводе. Первоначально в качестве основного источника был взят сборник «изречений» отцов, известный под названием «Древний патерик», но впоследствии область исследования была расширена и дополнена творениями других аскетических авторов. Цель настоящего труда – разобраться в «едином на потребу», обратившись к истокам православной духовности, к достоверному опыту святых отцов.

Представляем это небольшое исследование вниманию православного читателя с благодарной памятью о почившем профессоре Алексее Ивановиче Сидорове (принявшем в конце жизни монашество с именем в честь преподобного Кирилла Радонежского), направившем духовный поиск автора в «область благочестия и правды».

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	5
<i>Начало монашества</i>	5
<i>Основные виды иноческого жительства</i>	7
<i>Исторический смысл монашества</i>	8
<i>Духовный смысл монашества</i>	9
<i>О первоначальных источниках монашеской письменности</i>	10
<i>Изречения отцов</i>	12
<i>О славянских переводах «Изречений отцов»</i>	13
<i>Настольная книга для иноков</i>	15
ОЧЕРК ПЕРВЫЙ. «В МИРЕ Я ОДИН, ДА БОГ»	16
<i>Отречение от мира</i>	16
<i>«Жизнь по миру» и «жизнь по Богу»</i>	17
<i>«Мир сей». Страсти</i>	19
<i>Нестяжательность</i>	21
<i>Отшельничество</i>	22
<i>Странничество</i>	24
<i>Юродство во Христе</i>	24
<i>Монашество</i>	25
ОЧЕРК ВТОРОЙ. «БОРЕНИЕ ЛЮБВИ»	28
<i>Делание по Богу</i>	32
<i>Память смерти</i>	34
<i>Страх Божий</i>	35
<i>Плач о грехах</i>	36
<i>Телесное воздержание</i>	37
<i>Рассудительность</i>	39
<i>Борьба за бесстрастие</i>	40
<i>Хранение сердца</i>	42
ОЧЕРК ТРЕТИЙ. НЕВИДИМАЯ БРАНЬ	44
<i>«В мире есть сатана»</i>	45
<i>Помыслы</i>	49
<i>Врачевство покаяния</i>	54
<i>Место духовной брани</i>	56
ОЧЕРК ЧЕТВЕРТЫЙ. «УЧИЛИЩА ДОБРОДЕТЕЛЕЙ»	58
ОЧЕРК ПЯТЫЙ. «СЛАЩЕ МЕДА И СОТА»	61
ОЧЕРК ШЕСТОЙ. «ОТ СЛОВЕС СВОИХ ОПРАВДИШИСЯ»	64
<i>Слово</i>	64
<i>Безмолвие</i>	66
ОЧЕРК СЕДЬМОЙ. ВОСХОЖДЕНИЕ УМА К БОГУ	69
ОЧЕРК ВОСЬМОЙ. «ОТ БЛИЖНЕГО НАМ ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ»	75
<i>«Люди взяли суд Мой»</i>	76
<i>Терпение зла от людей</i>	77

ОЧЕРК ДЕВЯТЫЙ. ДУХОВНОЕ РУКОВОДСТВО	80
<i>Старец и ученик</i>	81
<i>Послушание</i>	83
ОЧЕРК ДЕСЯТЫЙ. «ВРАТА К БОГУ»	85
<i>Смиренномудрие</i>	
<i>Искушение славой</i>	89
ОЧЕРК ОДИННАДЦАТЫЙ. «СОВЕРШЕННОЕ ОБЩЕНИЕ»	92
<i>Любовь к ближнему</i>	92
<i>Совершенство добродетелей</i>	94
ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ПУТЬ СКОРБЕЙ	97
ЛИТЕРАТУРА	99

Введение

О начале монашества, памятниках древней монашеской письменности и, в особенности, об «Изречениях отцов»

НАЧАЛО МОНАШЕСТВА

В начале IV века прекратились гонения на Церковь, престол римских цезарей стали занимать императоры-христиане и христианство было объявлено господствующей религией. К этому времени относится появление на исторической сцене монашества. Хотя подвиг монашеский был известен гораздо ранее, однако именно в IV веке монашество стало массовым движением внутри Церкви. Зародившись сначала в Египте, оно быстро распространилось по всем областям Римской империи.

Отцом и основателем монашества считается прп. Антоний Великий. Родился он в 251 г. в Египте, близ Фиваидской пустыни, в семье благочестивых и знатных христиан. Когда ему было около 20-и лет, однажды в церкви во время богослужения он услышал слова Евангелия: *Аще хощеша совершен быти, иди, продаждь имение твое и даждь нищим, и гряди вслед Мене, и имети имаши сокровище на небеси (Мф. 19, 21)*, которые принял «за напоминание свыше». В точности исполнив их, он «начал упражняться в подвижничестве, внимая себе и пребывая в терпении»¹. 35-и лет от роду Антоний ушел вглубь Фиваидской пустыни в полном уединении служить Господу трудом и молитвой. Здесь он провел около 20-и лет, после чего стал наставником иноков.

В то время, когда преподобный Антоний услышал зов Божий, в Египте уже были монастыри, хотя и немногочисленные. Был известен и подвиг пустынножительства². Но Антоний справедливо почитается отцом и основателем монашества – ибо он первый возбудил общее стремление к этому образу жизни. Церковные историки Созомен и Феодорит указывают на прп. Антония как на первого опытного и мудрого руководителя других людей, которых он массами привлекал в иночество примером своей жизни³. Антоний мирно скончался в 356 г., в возрасте 105-и лет. Почти все великие подвижники Египта – современники преподобного Антония – были либо его учениками, либо получали от него наставления и пользовались его советами.

Прп. Антоний явил образец строгого отшельничества, монашескому же общежитию (киновии) положил начало Пахомий Великий. Прп. Пахомий начинал свой монашеский подвиг в уединении под руководством фиваидского пустытника. Однажды, путешествуя по пустыне, близ селения Тавенна на берегу Нила он услышал голос, повелевший ему основать в этом месте обитель. Тогда же ему явился ангел с медной доской, на которой был начертан устав монашеской жизни, ставший основанием всех последующих монашеских уставов.

¹ Житие преподобного отца нашего Антония... 2–3. // Свт. Афанасий Великий. Творения. Т. 3. ТСЛ, 1903. С. 180–181.

² О подвижниках I–III вв. см., напр. в введении свящ. М. Хитрова к кн. пресв. Руфина «Жизнь пустынных отцов» (Троице-Сергиева Лавра, 1898).

³ Свящ. Стефан Лобачевский. Св. Антоний Великий. Одесса, 1906. С. 17.

Под руководством Пахомия в конце его жизни было 9 монастырей в Фиваиде, в которых число иноков доходило до 10 тысяч. Скончался прп. Пахомий в 348 г., будучи 53-х лет. Прп. Антоний говорил ученику Пахомия Закхею, что отец их «устроил благое дело при помощи Божией... и, собрав такое множество братьев, оказал великую услугу [Церкви]»¹.

После смерти прп. Пахомия Тавенскими обителями управляли его ученики Петроний (всего 30 дней до своей кончины), затем Орсисий. До 367 (или 368 г., когда скончался) с Орсисием разделял управление обителями любимый ученик Пахомия прп. Феодор, прозванный Освященным (он один из немногих тавенских иноков получил священство). Жизнь прп. Феодора Освященного, а также замечательные его поучения к инокам записал в письме к Феодору, Патриарху Александрийскому, Аммон, юношей три года проживший в Тавенских монастырях, а впоследствии ставший епископом.

По свидетельству прп. Кассиана, в начале V в. тавенское братство составляло более 5-и тысяч монахов и сохраняло прежние строгие правила общежития².

Одновременно с мужским возникло в Египте и женское монашество. Из жития прп. Антония узнаем, что он отдал свою сестру на воспитание в обитель девственников, и впоследствии она была начальницей дев.

В области Александрии в келье на берегу Нила в течение 60 лет жила подвижница Сарра. Там же, вблизи Александрии, во времена архиепископа Феофила подвизалась мать Феодора.

Начало женскому иноческому общежитию положил также Пахомий Великий, основав на другом берегу Нила женский монастырь, в котором первой жительницей, а затем начальницей была его сестра. В этом монастыре прп. Пахомий ввел те же правила, что и в мужских. Во времена Палладия, автора "Лавсаика" (начало V в.), в одной из женских Тавенских обителей в селении Мин было 400 сестер³.

В ряду подвижниц Египта одно из первых мест занимает прп. Синклитикия. Жизнь ее была апостольская, сосредоточенная «в вере и убожестве». Она имела дар учительства от Бога. В конце жизни, претерпев мучительную тяжкую болезнь и сподобившись небесного видения, она мирно почилла около 350 г.

К концу IV века египетские пустыни наполнились жилищами иноков. Горные хребты, образующие Нильскую долину, с каменистыми скатами и ущельями, представляют удобные местности для отшельнической жизни. Там и появились обители: к востоку от Нила до самого Чермного моря и Синая, и к западу – до самых Ливийских пустынь.

В Нижнем Египте, к западу от нижней части Нильской дельты, в Ливийской пустыне, возвышается Нитрийская гора, где в конце IV в. подвизалось 5 тыс. иноков. Первым пустынножителем здесь был прп. Аммон († 357 г.). Преп Макарий Египетский († 390–391 г.), один из ближайших учеников Антония Великого, считается основателем пустынножительства в Скиту, в 24-х часах пути от горы Нитрийской в сторону Нила. Это дикая песчаная пустыня, где изредка попадались ключи с водой, едва пригодной для питья. Здесь имели кельи старцы Нитрийской горы: Макарий, Серапион, Памво, Агафон, а

¹ Из Жития прп. Пахомия. См.: Казанский П.С. История православного монашества на Востоке. М., 1854. Ч. 1. С. 122.

² О постановлениях киновитян. 4,1.

³ Лавсаик. Гл. 33.

иные времена уходили сюда для большего безмолвия¹. Многочисленное братство имела пустыня Келлий. Были монастыри близ Александрии. В городе Оксирихе монастырей было больше, чем частных домов, и епископ города насчитывал у себя 20 тыс. монахинь и 10 тыс. монахов².

По образному сравнению одного отечественного исследователя, монашество, подобно плодотворному Нилу, разлилось по всему Египту и дало ему плодоносие небесных плодов. Сколько было народу в городах, столько почти было иноков в пустынях³. «Монастыри в горах, – пишет святитель Афанасий Александрийский († 373 г.), – подобны были скиням, наполненным божественными ликами псалмопевцев, любителей учения, постников, молитвенников, которых радовало упование будущих благ и которые занимались рукоделами для подаяния милостыни, имели между собою взаимную любовь и согласие. Подлинно представляется там как бы особая некая область благочестия и правды»⁴.

Учеником прп. Антония Иларионом († 371–372 г.) было основано монашество в Палестине. Независимо, примерно в это же время, появилось оно и в Сирии.

Расцвет монашества продолжался до конца V – начала VI века. В Египте же он закончился еще ранее. Архиепископ Феофил (вступивший на Александрийскую кафедру в 385 г., † 412 г.), преследуя оригенистов, по чрезмерной ревности разогнал образованнейших нитрийских иноков. Тавенские обители были разорены, вероятно, дикими кочевниками блеммийцами. Египет вскоре отпал от Православия и попал под владычество аравитян. Феофилакт Симокат писал, что при Маврикии (582–602 гг.) Египет покрыла «туга невежества».

В период своего первого расцвета монашество сформировалось как церковный институт, получило устав по определению Церкви, обязательный для всех монахов.

ОСНОВНЫЕ ВИДЫ ИНОЧЕСКОГО ЖИТЕЛЬСТВА

Иноческая жизнь в первое время была весьма разнообразна, и уже тогда выделилось две основных ее формы – отшельническая и кинувийная, или общежительная.

Как уже упоминалось, великие отшельники были еще прежде прп. Антония. Одного из них, прп. Павла Фивейского, «совершеннее его и прежде его поселившегося в пустыне», Антоний нашел там по внушению Божию и стал свидетелем его блаженной кончины⁵. Подвиги отшельников, подвизавшихся в IV в. во внутренней Фиваидской пустыне, – прп. Онуфрия Великого и др., – описаны прп. Пафнутием, иноком одного из Фиваидских монастырей.

Прп. Антоний, начавший свой подвиг отшельником, позволил селиться около себя желающим подражать его образу жизни. Он не вводил среди своих учеников общения имуществ, не определял общих правил для жизни. Руководство его было исключительно духовно-нравственным. Заметим, что жизнь большей части иноков времени расцвета монашества в Египте более приближались именно к таким обычаям.

¹ Луг духовный блаж. Иоанна Мосха. Сергиев Посад, 1915. Прим. к гл. 54.

² Казанский П.С. Общий очерк жизни иноков египетских в IV и V веках. М., 1872 С. 1–2.

³ Казанский П.С. История православного монашества на Востоке. С. 41. Его же. Общий очерк жизни иноков египетских в IV и V веках. М., 1872. С. 1.

⁴ Житие преподобного отца нашего Антония... Гл. 44 // Творения. Т. III. С. 214–215.

⁵ Об этом пишет блаж. Иероним в «Жизни Павла Пустынника» // Творения. Ч. 4. Киев, 1880. С. 1–12.

В киновиях же иноки жили по общему для всех уставу, в строгом подчинении настоятелю (авве) и начальникам, при полной нестяжательности.

Отмечают еще как особый вид иноческого жительства лавры, образцами которых были иноческие общины Нитрийской горы и Скита. Подвижники жили отдельно по кельям, располагавшимися в виде улицы (откуда и название). По субботам и воскресеньям иноки собирались вместе для богослужения. Избирался начальник, или главный пресвитер горы или общины монахов¹.

ИСТОРИЧЕСКИЙ СМЫСЛ МОНАШЕСТВА

Исторически монашество возникло как реакция на упадок христианской жизни в обществе христиан. Забвение «единого на потребу» было причиной того, что ревнующие о чистоте христианской жизни оставляли общество и удалялись в пустыню, находя в монашестве «удобнейший и безопаснейший путь к исполнению заповедей Евангелия» (святитель Иоанн Златоуст)². Об этом свидетельствует и прп. Кассиан: «Те, у которых была еще ревность апостольская, помня о том первом совершенстве, удаляясь из своих городов и от общения... стали пребывать в местах уединенных. Они мало помалу, с течением времени, отделяясь от общества верующих, стали называться монахами, единожительствующими – по строгости одинокой и уединенной жизни»³.

Но есть и другая, сокровенная причина всего, что совершается в Церкви. Тайнозритель увидит в явлении монашества прежде всего благодеяние Божественного промысла, неизменно направляющего судьбы Церкви и мира. По замечанию П.С. Казанского, «Дух Божий движет событиями истории, и дух молитвы пустынных отшельников был живительным началом одряхлевшего от язычества общества и источником для него небесной благодати, полагающей семена новой жизни»⁴.

Удаляясь в пустыню, иноки прерывали историческую связь с языческим миром и как бы на новой земле, под новым небом устраивали свою жизнь на новых началах, исключительно религиозных, христианских. Христианские подвижники стали для мира тем же, чем были мученики в первенствующие времена – живым свидетельством святости христианской веры, образцом чистейшей нравственности, побуждением и подкреплением для колеблющихся, орудием обращения для неверных⁵.

Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин называет монахов «новыми мучениками»⁶, подчеркивая их общность и преемство с подвигом мученичества. Главным побуждением к иноческой жизни, по замечанию прп. Пахомия, была ревность подражать подвигу мучеников⁷. Своим подвигом пустынники привлекали ту же благодать, которая влекла христианских мучеников на страдания за Христа. Порой она изливалась на новых подвижников в таком изобилии, что они молили Господа: «удержи волны благодати Твоя»⁸.

¹ Луг духовный блаж. Иоанна Мосха. Сергиев Посад, 1915. Введение. Гл. 2. С. XX.

² Казанский П.С. Общий очерк жизни иноков египетских в IV и V веках. С. 66–70.

³ Собеседование 18. Гл. 5. См.: Свящ. Стефан Лобачевский. Св. Антоний Великий. С. 14.

⁴ Казанский П.С. Общий очерк жизни иноков египетских в IV и V веках. С. 85.

⁵ Казанский П.С. История православного монашества на Востоке. С. 41.

⁶ Там же. С. 9.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 10.

Особый промысл Божий в явлении монашества проявляется и в том, что с самого его возникновения Церковь обрела в иноках «своих подлинных глашатаев», восприняв их литургию, их духовность, их «тип святости»¹. Монахи более всего трудов положили и в защите православного учения. Их глубокое знание человеческой души, добытое постоянным самонаблюдением и опытное исполнение заповедей Евангелия стало основанием православного аскетического учения, которого они были истинными творцами.

Само слово «монах» впервые употребил церковный историк Евсевий Памфил как синоним слова «подвижник», «аскет»².

ДУХОВНЫЙ СМЫСЛ МОНАШЕСТВА

Многие подвижники избирали монашеский подвиг, буквально следуя евангельскому призыву, и это не случайно – ибо основания монашества глубоко коренятся в Евангелии. Сам Спаситель указал на девство, отречение от своей воли и имущества, удаление от мира и родных и на жизнь, исключительно посвященную стяжанию Царства Небесного, как на высшую степень христианской жизни³. По слову св. евангелиста Иоанна, вся яже в мире: похоть плотская и похоть очима и гордость житейская, несть от Отца, но от мира сего (1 Ин. 2, 16). Монашеские обеты – это обеты отречения от мира как игрища страстей, от троякой греховной похоти, господствующей в мире, ради жизни, всецело устремленной в Царство Небесное.

Отречение от мира уже вскоре после возникновения монашества стало рассматриваться не только как акт свободного произволения или обет, но как некое таинственное сакраментальное событие, как бы второе крещение. В «Житии преподобного Антония» уже встречается мысль, что вступивший в монашество не судится за мирские дела. Один старец, принимавший иноческий образ, видел, как на одежду монашескую сходила благодать, подобная благодати крещения. Возвращение к жизни мирской, хотя ничем не стесняемое, считалось предосудительным и гибельным для души⁴.

Независимо от исторических условий, главным побуждением к монашеству всегда было стремление к высшему совершенству, и главной двужущей силой, влекущей подвижников в пустыню, была пламенная любовь ко Христу.

«Как озябший от стужи бежит изо всех своих сил, поскольку чувствует удовольствие в том, что нагревается, – говорил прп. Феодор Освященный тавенским монахам, – так и мы искали Бога всею силою своих желаний, вкушали Его неизреченную благодать и сладость Его присутствия, когда имели счастье находить Его...»⁵

Прп. Пахомию, незадолго до его смерти было видение о страшной участи нерадивых иноков. «Господи, – воскликнул он, – если такова судьба иноков, то зачем Ты восхотел, чтобы были киновии и монастыри? Помяни завет Твой, в котором Ты обещал до конца сохранить служащих Тебе. Ты знаешь, что с тех пор, как я принял иноческий сан, я смирялся пред Тобою, не вкушал досыта хлеба и воды». – «Не хвались, слабый человек, –

¹ Сидоров А.И. Архимандрит Киприан Керн и традиция православного изучения поздневизантийского исихазма // Архимандрит Киприан (Керн). Антропология св. Григория Паламы. М., 1996. С. LVIII.

² Зарин С.М. Аскетизм по православно-христианскому учению. Спб, 1907. Т. 1. Ч. 2. С. VIII.

³ Мф. 6,33; 22, 11-12; 16, 24; 19, 21; Мк. 8, 34; 10, 21; 10, 29–30; Лк. 8, 22.

⁴ Казанский П.С. Общий очерк жизни иноков египетских в IV и V веках. С. 9.

⁵ Казанский П.С. История православного монашества на Востоке. С. 203.

услышал он голос в ответ, – но проси прощения. Все держится Моим милосердием... Семя твое духовное не оскудеет до конца века»¹.

За многие века, прошедшие с тех пор, воздвигались гонения на иноков, ослаблялась иногда их духовная жизнь, но всегда среди них были и есть души, возвышающиеся над бездной погребели, воспаряющие к небу и озаряемые светом Божественной благодати.

О ПЕРВОНАЧАЛЬНЫХ ИСТОЧНИКАХ МОНАШЕСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Древняя история монашества засвидетельствована как в творениях церковных писателей того времени, так и в оригинальных памятниках монашеской письменности.

«Едва появившись на исторической сцене, – замечает А.И. Сидоров, – монашество породило обильную литературу, богатую по своему духовно-нравственному содержанию и многоликую по жанровым особенностям. Памятники этой литературы объединяло то, что почти все они, как правило, были написаны иноками и для иноков, что и позволяет говорить о «монашеской письменности» как некоем своеобразном виде христианской литературы. Впрочем, поскольку монашество всегда мыслило себя как воплощение идеала жизни во Христе и по Христу, то не удивительно, что творения отцов-подвижников сразу же стали наиболее читаемыми произведениями среди всех православных христиан, каковыми они остаются и доныне»².

Рассказы о древних св. подвижниках имеются у многих церковных писателей того времени. Святитель Афанасий Александрийский вскоре после смерти прп. Антония составил его житие для римских иноков, дабы, «услышав о нем и подивившись ему», устремились они «к той же цели, какая и им была предположена». В нем святитель называет жизнь святого Антония «достаточным образцом подвижничества»³. «Житие Антония» святителя Афанасия Александрийского – это первый памятник православной агиографии⁴, а также и «первый опыт аскетического синтеза»⁵. Преемник Афанасия Тимофей описал житие Аполлоса и других подвижников⁶. Руфин в продолжении «Церковной истории» Евсевия пишет об «отцах монахов» – учениках Антония: двух Макариях, живших в верхней и нижней пустынях, Исидоре из Скита, Памво из Келлий, Илие и Павле, живших в Апелоте, Павле, Пимене, Иосифе – в Писпере. Ученик Макария Египетского Евагрий записал несколько наставлений прп. Антония и Макария в послании к Анатолию. Несколько изречений отцов собрано в его аскетических писаниях⁷.

О великих подвижниках своего времени писали и историки древней Церкви: Сократ Схоластик (описавший период 306–439 гг.), Ермий Созомен (311–423), Феодорит Кирский (325–428).

Блаженный Иероним (†420) написал «Жизнь Павла Фивейского» и «Жизнь Илариона Великого».

¹ Там же. С. 191–192.

² Сидоров А.И. Предисловие к «Творениям древних отцов-подвижников». Изд. «Мартис», 1997. С. 7.

³ Афанасий Великий, свт. Житие преподобного отца нашего Антония... // Творения. Т. 3. ТСЛ, 1903. С. 178.

⁴ Настольная книга священнослужителя. Т. 2. М., 1978. С. 511.

⁵ Флоровский Г. Восточные отцы V–VIII вв. Париж, 1933. С. 145.

⁶ Созомен. Кн. VI. Гл. 29. См.: Казанский П.С. Об источниках для истории монашества египетского. М., 1872. С. 16.

⁷ Слово о духовном делании. 91–100 // Творения. М., 1994.

В конце IV в. (около 390 г.) прп. Иоанн Кассиан посетил пустынных Египта и вскоре затем, в 417–419 гг., составил свои послания «О постановлениях киновитян» и «Собеседования египетских подвижников», в которых описал устройство монашеской жизни египетских и палестинских монастырей и аскетические поучения старцев Скитской пустыни, Фиваиды и Нижнего Египта.

В 394 г. появляется «История монахов», автором которой до середины XIX в. считался Руфин. Хотя авторство его опровергается исследователями древней монашеской письменности, но несомненно, что Руфину принадлежит латинский перевод «Истории монахов», сделанный вскоре же после ее написания на греческом языке. Здесь рассказ о жизни египетских монахов предлагается в форме художественного повествования о путешествии автора по Нилу. «История монахов» в переводе с латинского на русский язык была издана под заглавием «Жизнь пустынных отцов».

В 420 г. епископ Еленопольский Палладий написал, адресуя некоему Лавсу, придворному императора Феодосия Младшего, книгу о египетских подвижниках, получившую название «Лавсаик». В ней он рассказывает о подвижниках, которых лично знал и встречал, о других сообщает от «людей верных» и в общем изображает «аскетический идеал – идеал безстрастия»¹.

Издrevле существовали также собрания поучительных историй из жизни великих подвижников и их наставлений (называемых «апофтегмами», то есть «изречениями»). Эти сборники, разнообразно именуемые («Рай», «Цветник», «Старчество» и др.), в научном обиходе получили общее название «Aporhtegmata patrum» («Изречения отцов»). В переводах на славянский язык они обычно именовались «Патериками» («Отечниками»).

Древние отечники основывались в значительной мере на устном предании, которое уже в первые времена монашества было весьма обширно. Так, церковный историк Созомен писал в начале V в.: «Хотя нелегко было отыскивать учеников Антония, ибо они старались скрываться ревностнее, чем многие из нынешних домогаются знаменитости, – но монахи египетские любили говорить о подвигах отцов. Они считали важным делом чрез преемство неписанного предания тщательно хранить память о добродетелях древнейших подвижников»². Отдельные истории иногда заимствовались из более ранних источников: «Лавсаика», «Истории монахов», «Жития Пахомия», «Жития Антония», сочинений Евагрия.

В «Библиотеке» Патриарха Константинопольского Фотия³ имеется описание одного древнего сборника изречений египетских подвижников, называемого «Andrwn agiwn biblos» («Книга святых мужей»), причем святитель предполагает, что описываемая рукопись является извлечением из более обширного собрания – «Великого лимонаря» («цветника»). По предположению проф. П. Казанского, извлечениями из «Великого лимонаря» могли быть и «История монахов», и частично «Лавсаик»⁴. Можно предположить, что и славянский «Скитской патерик», представляющий собой достаточно

¹ Флоровский Г. Указ. соч. С. 162.

² Церковная история. Кн. 1. Гл. 13, 14. Цит. по: Казанский П.С. Об источниках для истории монашества египетского. С. 4.

³ Photii. Biblioth., cod. 198; Migne. Patr. gr., 103, col. 664–665.

⁴ Казанский П.С. Об источниках для истории монашества египетского.

беспорядочные записи «деяний и поучений, и божественных начинаний» отцов, является переводом или самостоятельным извлечением из этого «Великого лимонаря»¹.

Патерики были широко употребляемы в монашеской среде, о чем свидетельствует, в частности, следующий эпизод из «Луга духовного» Иоанна Мосха (нач. VII в.): «Пришел к нам старец высокой добродетели. Мы прочитывали в книге «Рай» («Paradeisos») изречения св. отцов. А старец всегда любил читать о них. Он, казалось, весь был проникнут ими, и, коренясь в его сердце, они произращали плод добродетели», – и далее приводится рассказ о том, как старец радушно встретил разбойников, пришедших грабить его келью, и отдал им все свое имущество, разбойники же, «удивившись злоте́рпению старца, возвратили все в келью и раскаялись». Заметим, что эта же история содержится в «Древнем патерике» (о котором далее скажем подробнее) (гл.16, ст.20). А в главе 55 «Луга духовного» упоминается книга «Biblion gerontikon» («Старчество»).

ИЗРЕЧЕНИЯ ОТЦОВ

Древние собрания изречений дошли до нас в нескольких редакциях, которые делятся на два вида, или типа: систематические («по главам») и алфавитные. Проф. П. Казанский полагает, что в основе их – два извлечения из «Великого лимонаря».

Упомянутый сборник, описанный патриархом Фотием («Книга святых мужей») представляет собой редакцию «по главам». В первоначальном виде он не сохранился, но, судя по описанию, подобный же сборник, лишь с некоторыми расхождениями, был в первой четверти VI века переведен на латинский язык диаконом Пелагием и суб-диаконом Иоанном под названием «Verba Seniorum». Латинский текст был впоследствии издан Розвейдом в «Vitae Patrum» и переиздан в «Латинской патрологии» Миня (т. 73)². Греческий подлинник, с которого был сделан этот перевод, ученые относят к середине V века³.

Две более поздних греческих редакции систематического собрания, также с некоторыми расхождениями, сохранились в Синодальном собрании (рукописи № 452 (XI–XII вв.) и № 163 (XII–XIII вв.))⁴. Русский перевод, сделанный В. Рождественским (в основном по рукописи № 462 с использованием других рукописных и печатных источников), был впервые напечатан в журнале «Душеполезное чтение» за 1961 г.⁵ под

¹ Казанский П.С. Об источниках для истории монашества египетского. С. 9–10. «Скитский патерик» помещен полностью в Макарьевских «Великих Четьх Миней» под 31 декабря. См.: Архиепископ Иосиф. Подробное оглавление Четьх Миней митрополита Макария. М., 1892.

² Перевод Пелагия содержится в кн. V (18 глав), продолжение перевода суб-дикона Иоанна – в кн. VI (4 главы).

³ И. Троицкий заключает это из внутренних данных памятника: например, здесь упоминаются имена императора Феодосия Младшего (408–450 гг.) и Кирилла Александрийского (†444 г.) и нет никаких следов более позднего времени. См.: Троицкий И. Обзорение источников начальной истории египетского монашества. Сергиев Посад, 1906. С. 322–325.

⁴ ГИМ. Синодальное собрание. № 452 и 163.

Известны и другие редакции «по главам»: перевод на латинский язык менее полного греческого сборника, сделанный диаконом Пасхазием, изданный в «Vitae Patrum» и переизданный в латинской патрологии Миня (т. 73); перевод греческого сборника апофтегм, приписываемый Мартину, помещен в 74-м т. Патрологии Миня; в 73-м т. Патрологии Миня имеется еще некоторое количество апофтегм в переводе, приписываемом Руфину.

⁵ Последующие издания «Древнего патерика»: М., Тип. Готье, 1861; М., 1874; М., 1891 (изд. Афонского Русского Пантелеимонова монастыря); М., 1899; репринт с изд. 1899 г.: М., 1991, и др.

названием «Древний патерик». Именно этот текст систематического собрания «изречений», под тем же названием, главным образом, и известен современному русскому читателю.

Недавно была издана коптская версия систематического сборника изречений (апофтегм) в переводе А.И. Еланской¹. Из современных русских изданий отметим 15 апофтегм об авве Амоне в переводе А.И. Сидорова, включенных в кн. «Творения древних отцов-подвижников»² (часть из них имеется в «Древнем патерике»).

Алфавитная редакция (по именам отцов) впервые упоминается лишь в XII веке. Об обширной книге св. старцев Скита, Фиваиды и Ливии, ранее других составленной в Египте и излагающей в алфавитном порядке деяния и изречения отцов, пишет патриарх Антиохийский Иоанн.

Алфавитная редакция появилась, вероятнее всего, во второй половине V в. (поскольку наибольшее количество следов в нем оставило именно это время³) и является более поздней, чем систематическая.

Греческая алфавитная редакция («Изречения святых старцев») была впервые издана в 1628 г. Котельером. Русский перевод вышел в 1845 г. и назван «Достопамятными сказаниями о подвижничестве святых и блаженных отцов»⁴[19].

Древние алфавитные сборники включали, вероятно, и систематическую часть, состоящую из анонимных повестей и изречений, о чем свидетельствуют, например, дошедшие до нас славянские переводы. Так, славянский Азбучно-Иерусалимский патерик имеет, кроме алфавитной, и анонимную часть, в которой материал расположен «по главам»⁵.

О СЛАВЯНСКИХ ПЕРЕВОДАХ «ИЗРЕЧЕНИЙ ОТЦОВ»

Житие св. равноапостольного Мефодия, просветителя славян, сообщает о том, что среди первых книг, переведенных им на славянский язык, были «отеческие книги» – вероятно, это был один из древних греческих отечников.

Ученые предположительно считают, что ранее других на славянский язык был переведен «Патерик скитский» (в наиболее древних списках именуемый просто «Патерик»). Этот патерик представляет собой систематическое («по главам») собрание «изречений» и во многом соответствует описанию Патриарха Фотия. Возможно, этот патерик был переведен самим Мефодием в Моравии или Паннонии в 80-х годах IX в., и есть то, что в житии именуется «отеческими книгами»⁶.

¹ Изречения египетских отцов. Памятники литературы на коптском языке / Введение, перевод с коптского и комментарии А.И. Еланской. Петербург, 1993.

² Изд. «Мартис», 1997. С. 21–24.

³ Например, здесь упоминается о смерти Юлиана (363 г.) (1-я апофтегма об Епифании), неоднократно упоминаются события, современные Халкидонскому собору (351 г.), как события, «о которых еще и ныне многие помнят». См.: Троицкий И. Там же.

⁴ Издания «Достопамятных сказаний»: М.: Унив. тип., 1845; М., 1846; М., 1855; с издания 1855 г.: Вечно, 1955; репринт с последнего издания: Троице-Сергиева Лавра, 1993, и др.

⁵ Казанский П.С. Об источниках для истории монашества египетского. С. 9–10.

⁶ Так предполагает Н. Ван-Вейк на основании лингвистических данных (1930-е гг.). См.: Словарь книжников и книжности Древней Руси / Отв. ред. Лихачев Д.С. Вып. 1. Л., 1987. С. 324.

Патерик в Древней Руси мыслился как сборник, включающий «жития и чудеса и дела божьего и преподобных мужей» (инок Поликарп, один из составителей Киево-Печерского патерика. См.: Филарет, архиепископ Черниговский. Обзор духовной русской литературы. Кн. 1. Спб., 1884. С. 55). В

Кроме собственно «изречений», «Скитский патерик» включает извлечения из различных сочинений аскетического характера: Иоанна Златоуста, Макария Египетского, Стефана Фивейского, Моисея Египетского, аввы Исаии и др. Этот Патерик дошел до нас в нескольких рукописных списках¹.

Другой славянский перевод представлен в т.н. «Азбучно-Иерусалимском патерике». Это собрание «изречений», состоящее из двух частей: «алфавитной» и «анонимной», где материал расположен «по главам». Рукописи не ранее XIV в., в которых известен этот патерик, включают также извлечения из «Луга духовного», «Лавсаика», «Истории египетских монахов» и др., что является, вероятно, плодом благочестивого усердия переводчика, хотя, возможно, дополнения были включены уже в греческий текст, с которого делался перевод. Азбучно-Иерусалимский патерик сохранился в нескольких полных и выборочных списках².

Изречения прп. Антония Великого и прп. Арсения, соответствующие алфавитной редакции «Изречений», включены в «Египетский патерик», содержащий, кроме того, «Историю монахов», «Лавсаик», отрывки из «Церковных историй» Феодорита Кирского и Созомена, посвященные преподобным отцам, и др. «Патерик Египетский» входит в Макарьевские Четьи Минеи под 30 июня.

Анонимная часть «Азбучно-Иерусалимского патерика» с предисловием в XVI веке получила название «Патерик Иерусалимский». В XVII веке на основе этого патерика возникла новая компиляция – «Патерик алфавитный», включающий предисловие и алфавитную его часть с дополнениями.

В 1630–1640 гг. соловецким иноком-книжником Сергием (Шелониным) на основании более ранних редакций был составлен «Патерик алфавитный (или азбучный)», изданный старообрядцами (Супрасль, 1791).

Сборники апофтегм в славянской редакции частично включались в «Изборники» и «Прологи», или «Синаксари».

Влияние переводных патериков сказалось и на первых оригинальных древнерусских произведениях такого рода. Со временем возникло множество собственно русских патериков, из которых древнейший – Киево-Печерский патерик, составленный первоначально в первой трети XIII века из переписки Владимиро-Суздальского епископа Симона и печерского монаха Поликарпа. Ученые полагают, что некоторые сюжеты и мотивы Киево-Печерского патерика восходят к патерикам Египетскому, Синайскому (основу которого составляет «Луг духовный»), Скитскому³.

Киево-Печерский патерик, в свою очередь, оказал сильное влияние и на церковно-славянскую, и на новую русскую литературу (в XVII–XX вв. издавался более тридцати раз; имеется три перевода на русский язык: Филарета, архиепископа Черниговского; Е. Поселянина – М., 1897; М. Викторовой – К., 1870).

В XVI в. был составлен Патерик Волоколамский, а в XVII в. – Патерики Псково-Печерский и Соловецкий.

предисловии к рукописному «Патерику скитскому» переводчик характеризует сборник как «повести и жития св. отец, како безмолвие со всяцем терпением держати» (Строев П.М. Библиологический словарь. Спб., 1882. С. 381).

¹ Словарь книжников... С. 323–325.

² Там же. С. 301.

³ Там же. С. 309.

Русские патерики, разделяя с древнегреческими многие характерные черты и общие нравственно-учительные цели, вместе с тем имеют свои отличительные особенности. Повествования об отцах в них ближе к житийным, они содержат множество исторических, бытовых и психологических деталей, – в общем, дают цельный образ подвижника, включая все, что можно было собрать о нем. Это уже не отдельные изречения и рассказы, а достаточно полные повествования о жизни и учении того или иного отца¹.

В XIX веке древние патерики были переведены на русский язык, и наряду с этим русская литература обогатилась несколькими десятками новых, составленных по географическому признаку, сборниками жизнеописаний подвижников какого-либо одного монастыря, города, епархии, области. Особая ценность этих сборников, чаще всего озаглавленных «Патериками», или «Цветниками», в том, что наряду с известными житиями прославленных Церковью святых в них включались редкие жизнеописания местно-чтимых подвижников, найденные издателями в рукописных сборниках, а иногда и вновь составленные по архивным материалам, свидетельствам современников, устным церковным и монастырским преданиям². Характерно для новых патериков и то, что они стали уже не сугубо монашескими, в них включались также примеры благочестия и святости в миру.

Из составленных в новое время следует отметить «Отечник» святителя Игнатия Брянчанинова, которой представляет собой выписки из различных древних патериков и творений св. отцов. Цель сборника – «направить деятельность монаха на истинный путь богоугождения»³.

НАСТОЛЬНАЯ КНИГА ДЛЯ ИНОКОВ

Начиная с самых древних времен «Изречения отцов» были весьма популярны среди христиан, особенно же среди иноков. Для последних они являлись поистине настольной книгой. «Это была, – по слову профессора И.Троицкого, – своего рода энциклопедия, в которой можно было найти не только все существенное, что касается всего вообще круга монашеских обязанностей – и внутреннего делания, и внешнего благоустройства, но иногда даже мелочи. Она могла быть в некотором смысле учебником монашеской дисциплины, а пожалуй, и была таковым, и усердно изучалась представителями восточного монашества древних (и последующих) веков»^{4*}. Таковыми остаются они и донныне.

¹ Там же. С. 309.

² Диакон А. Троицкий. Введение к «Соловецкому патерику». Репр. изд. Синодальной библиотеки. М., 1991. С. II–III. Далее здесь приводится список наиболее примечательных новых (XIX–XX вв.) собраний русских житий.

³ Вступление к «Отечнику».

⁴ Троицкий И. Обзорение источников начальной истории египетского монашества. Сергиев Посад, 1906. С. 338.

Очерк первый

«В мире я один, да Бог»

ОТРЕЧЕНИЕ ОТ МИРА

Жизнь каждого христианина является подвигом, однако подвиг отречения от мира всегда почитался выше других. «Хорош и тот подвижник, – говорит авва Иоанн Ликопольский, – который, живя в мире, всегда творит добрые дела, оказывает братолюбие, страннолюбие, подает милостыни, благодетельствует приходящим к нему, помогает больным и блюдет себя от соблазнов. Это – добрый, истинно добрый подвижник: он на деле исполняет заповеди, хотя не чужд и земных попечений. Совершеннее и выше его тот, кто, посвятив себя созерцательной жизни, от житейских дел востек к созерцанию и, предоставив заботиться о них другим, сам, отвергшись от всего, предстоит Богу, и никакою другою заботою не отвлекается назад. Таковой с Богом соединяется и с Богом живет, всегда восхваляя Его непрерывными песнями»¹.

Отречение от благ временной жизни, по рассуждению духовному, – лучшее, что можно избрать человеку, имея в виду цель его жизни. «Взирая на мир, – говорит преподобный Антоний, – не будем думать, что отреклись от чего-то великого. Ибо и вся земля эта мала пред целым небом... Притом... если и не оставим сего ради добродетели, то оставим впоследствии, когда умрем, и оставим... кому не хотели бы... Какая выгода приобрести то, чего не возьмем с собой? Не лучше ли приобрести то, что можем взять с собою... приобретения, которые уготовят нам пристанище в земле кротких, прежде нежели придем туда»².

Сам образ жизни подвижников в ожидании конца в надежде «явиться лицу Христову», выражает их всецелую самоотдачу для будущей жизни³. «Презирая мир сей, пренебрегши смертью и отказавшись от самих себя... ставшие посмешищем для мира, они... обретают отдохновение в мире ином»⁴. Святитель Афанасий Великий говорит об «иноках, оставивших свою собственность и вписавшихся в число жительствовающих на небесах»⁵.

Евангелие требует отречения не только внешнего, но и, прежде всего, внутреннего, освобождения от душевных привязанностей ко всему временному. Внешнее отречение – это, по слову преподобного Макария Великого, «отречение от всех мирских вещей», а внутреннее – это «отречение и от самих мыслей об этих вещах, чтобы не воспринять помыслов мирского попечения»⁶.

Кроме того, отречение – не удел лишь иноков. Все спасающиеся тем или иным образом должны действительно отказаться от жизни по законам «века сего», от «жизни по миру» и избрать «жизнь по Богу». Для этого, впрочем, не обязательно уходить в пустыню. Можно жить в миру, владеть земным богатством и пребывать в совершенном отречении от мира. Так, авве Антонию Великому было открыто, что в городе есть некто подобный

¹ Лавсаик. 41; см. также: Жизнь пустынных отцов. 1. С. 25.

² Свт. Афанасий Великий. Житие преподобного Антония... Гл. 17, 87.

³ См., напр., Лавсаик. 5.

⁴ Прп. Макарий Египетский. Духовные беседы 51, 1.

⁵ Житие преподобного Антония... Гл. 14.

⁶ Прп. Макарий Египетский. Духовные беседы. 56,1.

ему, врач по званию, избыток свой отдающий нуждающимся и каждый день воспевающий трисвятое с Ангелами Божиими¹.

«ЖИЗНЬ ПО МИРУ» И «ЖИЗНЬ ПО БОГУ»

Что значит «жить по миру»? «Жить по миру, – поясняет авва Исаия, – это значит воображать себя постоянным жителем в сем веке, значит заботиться о теле больше, нежели о душе»². И далее замечает: «Всего этого должно избегать, как говорит апостол Иоанн: не любите мира, ни яже в мире (1 Ин. 2, 15)».

Для приближения к Богу, для приобретения вечной блаженной жизни с Ним, необходимо расположение души прямо противоположное тому, что требует «жизнь по миру». Необходимо «возненавидеть мир и все, что в нем, возненавидеть всякое плотское успокоение». Кая бо польза человеку, аще приобрящет мир весь, и отщтит душу свою (Мк. 8, 36)?

Сердце человека не может одновременно любить Бога и что-либо кроме Бога. «К чему привязано сердце человека, – пишет преподобный Макарий Египетский, – и к чему влечет его пожелание, то бывает для него богом... К чему привязано сердце и чем пленен ум, то и есть для человека его бог». Бывает же и так, что человек отрекся от мира, от внешних благ его, но привязан к себе самому, или к дому, или к родительской любви. Таковой, замечает преподобный, выйдя широкой дорогой из мира, в мир впадает узкою дверью³.

«Отречемся жизни сей, чтобы жить для Бога, – поучает приступающих к подвижничеству авва Антоний. – Будем алкать, жаждать, наготеть, бодрствовать, плакать, вздыхать в сердце своем; будем испытывать себя, сделались ли мы достойными Бога. Презрим плоть, чтобы спасти душу свою»⁴. Инок должен жить как бы уже умерший, имея каждый час смерть перед глазами своими⁵.

Человек предназначен к небесному жительству, поэтому ничто земное, никакая земная деятельность и успех не могут удовлетворить его вполне: если он сделает и новое небо, и новую землю, то не может остаться безпечальным⁶.

Совершившееся в душе и жизни подвижника истинное отречение от мира освобождает его от рабства диаволу-миродержцу. Удаляясь от всего вещественного и от плотских удовольствий, отлагая всякий гнев и злобу, подвижник тем самым отрекается от «диавола и всех дел его»⁷. А поскольку миродержец, очевидно, ревнует о верности своих «подданных», то для достижения свободы от мира подвижнику нужно противостоять диаволу (Иак. 4, 7), вступить с ним в духовную брань, в которой сражается человек, но побеждает в конечном счете Бог. В этом смысле авва Исаия говорит, что «бегать мира» – значит повергать себя самого пред Богом и всею силою противиться всякому помыслу, всеваемому от врага (ибо помыслы – это его оружие)⁸.

¹ Древний патерик (далее – Д. п.) 18. 1.

² Д. п. 2. 16.

³ Беседа 43. 3.

⁴ Д. п. 3. 1.

⁵ Д. п. 1. 13; 10. 51.

⁶ Д. п. 11. 58.

⁷ Д. п. 1. 16.

⁸ Д. п. 2. 15.

Отсутствие всякой греховной привязанности к миру – необходимое условие власти над демонами, данной христианам Господом (см. Лк. 10, 19). Замечателен в этом отношении рассказ Древнего патерика о некоем великом старце, удостоившемся дарований от Бога, славного своей добродетелью. Приняв залог от царя, он возлюбил стяжание и – утратил власть над демонами. На его недоумение демон ответил ему: «Ты стал как один из нас; оставив заботу о Боге, стал заниматься заботою земною, и потому я не слушаю тебя»¹.

Свобода от мира не является, между тем, конечной целью подвижничества, но лишь условием для усвоения уже здесь, на земле, иной жизни, «жизни по Богу». «Если кто ради Господа, – пишет преподобный Макарий Египетский, – оставив своих, отрекшись от мира сего, отказавшись от мирских наслаждений, от имени, от отца и матери, распяв самого себя, сделается странником, нищим, ничего не имеющим, вместо же мирского спокойствия не обретет в себе Божественного упокоения, вместо временного наслаждения не ощутит в душе своей услаждения духовного, вместо тленных одежд не облечется в ризу Божественного света по внутреннему человеку, вместо сего прежнего и плотского общения не познает с несомненностью в душе своей общения с небесным, вместо видимой радости мира сего не будет иметь внутри себя радости духа и утешения небесной благодати, и не примет в душу, по написанному, Божественного насыщения... одним словом, вместо сего временного наслаждения не приобретет в душе своей возжеленного нетленного услаждения, то стал он солию обуявшею, он жалок паче всех людей, и здешнего лишен, и Божественным не наслаждался... Отрекшемуся от мира сего должно твердо веровать, что ему еще ныне, при содействии Духа, надлежит мыслями перейти в другой век, и там жить, увеселяясь и наслаждаясь духовными благами»².

Как же стяжать «иное жительство»? Для этого, по слову святых подвижников, необходимо «совершенно покориться Всецарю Богу и всем Его заповедям и непрестанно во всякое время и во всяком деле иметь Его пред собою»³. Нужно заботиться о том, чтобы иметь руководителем своим Бога, предавать себя Богу со многими слезами, повергать себя пред Богом и оставлять свою волю⁴.

Воля Божия – спасение человека, возвращение его к Себе, принятие в общение с Собой, дарование ему вечной блаженной жизни. Но Бог дает вечные блага не всем желающим, а лишь тем, «кои имеют общение с Божественным Словом и служат Ему добродетелями»⁵.

Живущий по Богу живет с Богом⁶. Бог является взыскующим Его и не противится удерживающим Его, слышит призывающих Его с сердечным усилием, подает просимое тем, кто просит о чем-либо с правильным разумением, заботой и усилием сердечным, не связываясь ничем от мира, но стараясь о душе своей⁷.

Имеется множество свидетельств того, что древние подвижники были воистину небожителями в этом мире, живущими в общении со святыми, Ангелами и Самим

¹ Д. п. 11. 75.

² Беседа 49. 1, 2.

³ Д. п. 1, 16.

⁴ Д. п. 10. 167; 11. 61; 15. 92.

⁵ Д. п. 10. 130.

⁶ Д. п. 11. 106.

⁷ Д. п. 11. 5, 31.

Господом. Например, преподобный Макарий Египетский проводил гораздо больше времени в беседе с Богом, нежели в земных занятиях. Марку подвижнику святое Причастие подавал Ангел¹.

Отметим важность условий «правильного разума» и «сердечного усилия». Исключительно важно держаться православного учения и избегать всякой ереси. Не вразумляемого еретика следует отсекал, «дабы и самому не упасть с ним в бездну»². Полезно соглашаться на обвинения во всевозможных грехах, ибо это дело смирения, но нельзя соглашаться с обвинением в ереси, ибо ересь отлучает от Бога³. Второе условие указывает на необходимость христианского подвига.

«МИР СЕЙ». СТРАСТИ

«Мир сей» святые подвижники часто именуют «тьмою» или даже, по их сродству, «адом»⁴. «Как бывает мгла распростертая по всей вселенной, – пишет преподобный Макарий Египетский, – и человек не видит человека, так со времени преступления тьма века сего лежит на всей твари, на всем естестве человеческом»⁵.

Сия «тьма» сосуществует в сердце человека в некоем смешении с Царствием Божиим, которое возрастает в нем подобно зерну горчичному или пшеничным колосьям среди плевел, как это представлено в Евангелии (см. Мф. 4, 31; 13, 25). В самом сердце человеческом, этом «малом сосуде», по слову преподобного Макария, есть «змии и львы, ядоносные звери, все сокровища порока, пути негладкие и стропотные и пропасти; там также и Бог, там Ангелы, там жизнь и Царство, свет и все сокровища благодати...»⁶.

«Материей» же этого «мира», отпавшего от Бога, являются греховные страсти человеческой души⁷. Об этом говорит святой апостол и евангелист Иоанн Богослов: все, еже в мире – похоть плотская, и похоть очес, и гордость житейская. Все это несть от Отца, но от мира сего есть (1 Ин. 2, 16). Собственно, это и есть «мир сей», этим исчерпывается все многообразие «мира сего» с точки зрения аскетики.

Впрочем, миром св. отцы иногда именуют и весь видимый мир, творение после падения. Этот «мир, исполненный всякого разнообразия», преподобный Макарий Великий уподобляет «человеку богатому, владеющему великолепными и огромными домами, изобилующему серебром и золотом, различными стяжаниями и всякою прислугою, но внезапно объятому болезнями и немощами; все родство стоит перед ним, и при всем богатстве не может избавить его от болезни... Видимый этот мир и вкушаемый в нем покой, в какой мере благоприятны телу, в такой мере раздражают страсти души и увеличивают ее злострадание»⁸.

¹ Лавсаик. 18, 19.

² Д. п. 10. 31.

³ Д. п. 10. 12.

⁴ См.: Св. Аммон. Послание четвертое, 6.

⁵ Беседа 43. 7.

⁶ Прп. Макарий Египетский. Беседа 43. 7.

⁷ В аскетике греховные страсти называют обычно просто страстями. От греховных страстей различаются страсти безгрешные, то есть такие страдательные состояния человека, каковы голод, жажда, утомление, болезни, смерть и подобные, которые являются следствием грехопадения первозданного человека и которые, в отличие от греховных страстей, добровольно воспринял Господь Иисус Христос для нашего спасения.

⁸ Прп. Макарий Египетский. Беседа 45. 3.

«Мир сей» называют «игралищем страстей», хитросплетением страстей. Это и есть «сети диавола, распростерты по земле», которые обходит одно лишь смиренномудрие¹.

Сети миродержца как бы «сотканы» из греховных «помыслов», которыми враг улавливает человеческие души. Авва Евагрий называет «восемь основных помыслов, которыми объемлются все другие помыслы» и подробно описывает каждый из них и его действия в душе человека. Соответственно этим помыслам различают и восемь греховных страстей².

Греховные страсти – это то, что в душе человека сродно миродержцу, «удел» его в человеке, и вместе с тем составляет средостение между человеком и Богом. Страсти суть те одеяния, «порфира тьмы», в которую «лукавый князь облек душу», все существо ее осквернив, «всю пленив в царство свое, не оставив свободным от своей власти ни одного члена ее, ни помыслов, ни ума, ни тела», – говорит преподобный Макарий Великий. Причем вначале лукавый облек в «злобу свою, т. е. в грех» душу человека, и таким образом тело сделалось страждущим и тленным³.

Покорившись страсти, человек становится «преобладаем ею»⁴. Таковой уже не раб Божий, ибо раб Божий – тот, в ком владычествует Бог. Работающий страстям не может считаться ни рабом Божиим, ни другом, ни сыном и не может иметь дерзновения пред Богом, ибо дерзновение подается лишь истинной чистотой, которой Бог требует от человека⁵.

В той мере, как «похотствует тело», душа не знает Бога. То же можно сказать и о всякой душевной страсти. Сила Божия не может обитать и имя Божие не может святиться в человеке, преданном страстям. Страсти не дают возможности жить по Богу – а значит, и с Богом⁶. Чтобы жить с Богом, необходимо искоренить в себе страсти.

Посредством страстей враг спасения человеческого «улавливает» подвижника. Покорившись страсти, подвижник попадает в плен диаволу⁷. Однако «похитить душу нашу в страсти безчестия» враг может не всегда, а лишь тогда, когда она удалилась от Бога. Божественная благодать непреступна для диавола, она также «попалает» всякую страсть. Но, «удалившись умом от созерцания Бога», мы оказываемся пленниками страстей (а через них – и диавола)⁸.

Итак, в христианской аскетике «мир сей» понимается, главным образом, как совокупность греховных страстей. Несовместимость жизни по Богу с жизнью по миру – это следствие несоответствия страстей замыслу Божию о человеке.

Начало отпадения от Бога – в произволении человека, в злом (не истинном) направлении его воли. Ослабление воли к спасению, к единению с Богом имеет следствием отпадение от Бога в страсти, в стихии «мира сего». Греховные страсти – это порождения «злой воли», богопротивления. Собственно, страсти происходят от

¹ Д. п. 15. 3.

² Евагрий. Слово о духовном делании. 5–14.

³ Прп. Макарий Египетский. Духовные беседы. 2. 1.

⁴ Д. п. 4. 27.

⁵ Д. п. 11. 30.

⁶ Д. п. 10. 128; 1. 11, 10. 77; 5. 12.

⁷ Д. п. 4. 27.

⁸ Д. п. 11. 89, 35.

первородного греха, следствием которого, по слову преподобного Макария Великого, стало повреждение, омрачившее душу человека, облекшее ум стыдом и ослепившее очи сердечные, так что человек не может сознавать живущего в нем греха¹.

В свете сказано становится понятным аскетическое требование отречения от мира, находящего свое выражение в монашеских обетах и в жизни подвижников. Оно не есть следствие нелюбви к творению Божию, напротив, как увидим далее, оно-то парадоксальным образом становится высшим проявлением любви человека в падшем мире. Отречение от мира имеет вполне определенную нравственно-аскетическую цель – исцеление от греховных страстей и воспитание души христианина для Царствия Небесного, приобретение добродетельного строя души, не имея которого, она окажется негодной для вечной блаженной жизни.

Совершенное очищение от страстей, по слову преподобного Макария Великого, и есть «искупление». Вместе с «полным и явным вселением Святого Духа в чистое сердце» они составляют «покой христиан», покой неизреченный, неземной, причастность которому, хотя временами и отчасти, свидетельствует о приближении к цели, об истинности пути².

НЕСТЯЖАТЕЛЬНОСТЬ

Аще хочещи совершен быти, продаждь имение твое, и даждь нищим, – говорит Господь (Мф. 19, 21). Эту заповедь Христову прямо исполнили многие подвижники. Так поступил, например, преподобный Антоний Великий, отец монашества. Удивительных примеров нестяжательности иноков в древней монашеской литературе можно найти великое множество. В Древнем петерике рассказывается, например, об авве Арсении. Однажды ему принесли завещание умершего родственника, оставившего ему очень большое наследство, он хотел разорвать его, говоря: «Я умер прежде этого родственника»³. Заповедь о нестяжательности исполнялась так тщательно, что даже книги, лежащие на окне в келье монаха считались «удержанным достоянием вдов и сирот»⁴.

Если у человека есть имение, то, желая угодить Богу, можно по-разному распорядиться им, но, по убеждению древних святых подвижников, лучше всего имение отдать нищим – тогда будешь безпечален⁵. Тем же, кто отрекся от мира, и вовсе непозволительно удерживать имение и позволять себе какое бы то ни было излишество и роскошь. «Оттого, что монахи носят дорогую одежду, запустели здешние места», – сетует один старец.

Монашеская нищета – не случайное установление. Если монах удерживает какое-либо имение, то его удаление от мира оказывается бесполезным: он перестает быть тем, чем был в миру, и монахом не делается. Увлеченный желанием совершенства, он не исполнил необходимого для этого условия. Удержанное имение становится как бы

¹ Прп. Макарий Египетский. Беседа 45. 1, 2.

² Великое послание. XI. 11; XII. 1, 2; XIII. 1, 15.

³ Д. п. 6. 2.

⁴ Д. п. 6. 16.

⁵ Д. п. 10. 80.

лазейкой для демонов, которые не упускают случая к нападению и терзают лукавого или нерассудительного монаха¹.

Нужно быть осторожным и бдительным относительно пристрастия к земным стяжаниям, ибо оно свойственно «ветхому человеку», в той или иной мере живущему в каждом из потомков Адама. Непозволительно, например, найдя, брать чужое. В «Древнем патерике» имеется множество примеров совершенного безразличия к имуществу².

Полная нестяжательность весьма полезна для воспитания души подвижника. «Пренебрежение [мирскими благами] приводит к ведению, тогда как любовь к мирским благам покрывает мраком душу», – говорит святой Аммон³. Нестяжательность является «совершенным благом для могущих понести». «Как белье, когда мнут и полощут, вымывается и очищается, так и крепкая душа чрез произвольную нищету еще более укрепляется». Нестяжательность не только врачует душу от пристрастия к земному богатству, но и возводит ее горе, уча искать Покровителя и Питателя в Самом Боге⁴.

«Если удержишь монеты, то на них положишь надежду свою, а не на Бога (Пс. 54, 23), Который имеет попечение о нас. Когда же потеряешь их, то Бог уже не попечется о тебе», – ответил старец брату, спросившему его, можно ли удержать монеты на случай болезни⁵. Благоволение Божие оставляет тех, которые творят себе идолов.

Не только монахам, но и мирянам надо остерегаться хранить надежду свою «в кошельке с деньгами». Навеваемый от врага помысл часто внушает собрать несколько денег на старость или болезнь; но Бог хочет, чтобы Его последователи оставляли себе только необходимое от труда своего, а остальное употребляли на милостыню. О рабах Своих, имеющих надежду на Него, печется Сам Бог и всегда слушает их в нуждах. «Я раб, – говорит авва Силуан, – и Господь мой сказал мне, ты делай Мое дело, и Я буду кормить тебя; а откуда возьму пищу, об этом не спрашивай; ты только делай, и Я буду кормить тебя». Этот старец, слушая Господа, когда мог, трудился и тогда кормился от мзды своей, а когда не мог, питался милостыней. Такой образ жития был причиной его душевного покоя⁶.

ОТШЕЛЬНИЧЕСТВО

Отшельничество имеет целью удаление от видимых причин для возбуждения страстей и поводов к рассеянности, «начала зол», охранение себя от искушений слуха, языка и взора. В пустыне остается одно лишь искушение – в сердце⁷. Удаление от людей избавляет от преткновений, возникающих по причине встреч с ними, от которых свободны только совершенные монахи, могущие сохранять одинаковое, ровное отношение ко всем братьям, к мужчинам и женщинам⁸. Но еще не достигшим внутреннего покоя и безстрастия полезно внешнее удаление от поводов к преткновениям.

Подвигу уединения научил подвижников Сам Господь. Так, преподобному Арсению Великому на его вопрос о том, как спастись, Господь ответил: «Бегай от людей,

¹ Д. п. 6. 14, 1.

² Д. п. 6. 19; 6. 8.

³ О радости... 33.

⁴ Д. п. 6. 17, 22.

⁵ Д. п. 6. 26.

⁶ Д. п. 6. 25, 27, 28.

⁷ Д. п. 2. 26, 27, 2.

⁸ Д. п. 4. 38, 74.

и спасешься. Бегай, молчи, пребывай в уединении, ибо в этом корни безгрешности»¹. Преподобный Арсений называет и причину своего удаления от людей. Это не пренебрежение ими или презрение к ним. «Бог видит, что я люблю вас», – говорит он. Но у людей воли различны, тогда как на небе тысячи и мириады имеют одну волю – «поэтому я не могу оставить Бога и быть с людьми»². Цель удаления от людей – совершенная жизнь с Богом.

Несмотря на то, что имеет место удаление от людей и буквальное, внешнее, однако важнее уединение внутреннее, одиночество в сердце («если человек скажет в сердце своем, что в мире я один, да Бог...»). Монах означает «уединенный» – одинокий в сердце своем. В таком внутреннем удалении от всех он находит спокойствие и основание для иной жизни, жизни с Богом³.

В Царстве Небесном люди связаны иными узами, отличными от человеческих привязанностей в этом мире. Удаление от людей внешним образом не нарушает единения во Христе. А если этим подвижник приближается к Богу, то даже способствует такому единению. «Молюсь Богу, чтобы изгладилась из сердца моего память о тебе», – ответил преподобный Арсений благочестивой знатной девице, хотевшей вопреки его желанию видеть святого⁴. Он ответил так потому, что воспоминание о девице было бы поводом к возбуждению страсти: известно, что «через женщин враг воюет на святых». Отшельничество не противоречит любви. Любовь Христова – иная, чем любовь человеческая. Святой будет молиться о ее душе.

Ради общения в будущей жизни отсекаются земные привязанности, по слову Господа: Аще кто грядет ко Мне, и не возненавидит отца своего, и мать, и жену, и чад, и братию, и сестер, еще же и душу свою, не может Мой быти ученик (Лк. 14, 26)⁵.

Лишенный ради Господа всякой помощи человеческой, пустынножитель привлекает к себе обильную помощь Божию. «В пустыне не было рядом ни одного человека, и Бог помогал тебе, а в мире люди помогают тебе», – говорит Господь епископу Оксиринхскому Апфию, который, живя в миру, не мог иметь такую же строгость, как прежде, живя в пустыне; повергая себя пред Богом, он спрашивал: «Неужели отступила от меня благодать?»⁶ Сколь же дорога для подвижника эта благодать, помощь Божия, могущая несравненно более всякого земного могущества доставить все нужное, укрепить и утешить! Преуспеть в подвиге и добродетели можно лишь по благодати Божией.

От Бога бывает также и то, что, скрываясь и стараясь пребывать в уединении, подвижники «делались повсюду известными и славными, ради добродетели их и пользы других»⁷.

Отрекшийся от мира не должен сожалеть о родных – иначе он мыслью опять будет возвращаться в мир. Но для него насущно почаше вспоминать о часе смерти, когда никто из родных не сможет помочь⁸. Он не должен более заботиться о своих близких¹, возлагая

¹ Д. п. 2. 3, 4.

² Д. п. 2. 5.

³ Д. п. 11. 12.

⁴ Д. п. 2. 10.

⁵ Д. п. 1. 40, 73; 4. 26.

⁶ Д. п. 15. 13.

⁷ Житие преподобного Антония... Гл. 93, 94.

⁸ Д. п. 11. 112.

всю надежду на Господа, Который отныне берет на Себя все попечение о них. «Ты заботишься о матери твоей, или Я пекусь о ней?» – сказал Господь некоему благочестивому брату, собравшемуся было отнести в город хлеб своей бедной матери. Инок внял словам Божиим, и за веру его Бог послал матери хлеб чрез другого монаха.

СТРАННИЧЕСТВО

Среди разных видов и степеней отречения от мира высшим и совершеннейшим отцы называют странничество. Оно превосходит нестяжательность, равно как и отшельничество, и многие другие подвиги, почитается даже более звания монашеского. Ищущим спасения и совершенства он доставляет великие преимущества. В странничестве обнаруживаются особые тщание и любовь к Богу². Взявшие на себя этот подвиг подражают Сыну Человеческому, Который в мире не имел где приклонить голову (см. Мф. 8, 20).

Что означает странничество? Прежде всего, это подвиг внутренний. Странствовать – это значит молчать, куда бы ты ни пришел, говоря: ни в каком месте я не имею дела. Это значит во всяком месте, где бы ты ни жил, иметь мудрость пришельца. Странник – это тот, кто удерживает язык свой, кто не допускает, чтобы слово имело над ним власть; уходит, подобно псу, когда его гонят³.

Странничество – это отрешение от всего любимого и обречение себя на все лишения и скорби; это жизнь сокровенная, желание унижения и стеснения, начало Божественной любви, отречение от тщеславия, глубина молчания; странник избегает всякой связи с людьми, как со своими, так и с чужими⁴. Избравшие этот подвиг оставляют свою собственность, нося с собой совершенную веру и надежду и твердость сердца против своих пожеланий, которые устрашают искушениями и жестокой бедностью или болезнями – «ибо не будет никого, кто бы мог позаботиться о тебе»⁵. Подвиг странничества покрывает даже некоторое нерадение подвижника⁶.

ЮРОДСТВО ВО ХРИСТЕ

Мир, лежащий во зле, предлагает иноку множество соблазнов. Чтобы избежать их, опытные в подвижничестве указывают два пути: либо «бегать от людей», либо «шутить с людьми и миром, делая из себя юродивого»⁷.

Юродство во Христе позволяет удалиться от тщеславия, скрыть свой подвиг, охранить свое сокровенное жительство пред Богом. Это великий дар Божий, человек не может по своему произволению воспринять его. Иные употребляли много трудов для приобретения его, весьма ценили и боялись потерять его. Принимающие этот подвиг избегли прославления от людей, вместо славы получая презрение⁸. За внешней личиной юродства скрывается внутреннее делание, сокровенное от людей, но любезное Богу. Древний патерик рассказывает о некоем брате принявшем на себя юродство, который по

¹ СРАВ.: Д. п. 8. 15.

² Д. п. 7. 8.

³ Д. п. 15. 57, 47; 10. 43; 15. 79.

⁴ Д. п. 10. 112.

⁵ Д. п. 7. 8.

⁶ Д. п. 18. 40.

⁷ Д. п. 8. 30.

⁸ Д. п. 15. 12; 8. 22.

настоятельной просьбе аввы Силуана открыл ему свой тайный подвиг: он каждодневно, следя за своими помыслами, приучал себя принимать добрые и уклоняться от злых (весьма суровым способом – соизмеряя меру преуспеяния с количеством своей скудной пищи)¹.

Подвиг юродства во Христе избирают «по редкому смирению и самоуничижению». Он очень высок пред Богом. Так, отшельнику Питириму Ангел указал на одну блаженную, которая, «хотя все презирают ее, сердцем никогда не отступает от Бога». Притом добавил в укор ему: «А ты, никогда не живши в мире, блуждаешь мыслью по городам»². Юродство есть труднейший, но и удобнейший путь жительства с Богом, находясь среди мира.

МОНАШЕСТВО

Три монашеских обета – целомудрие, нестяжательность и послушание – выбрали в себя все рассмотренные выше виды отречения от мира. Целомудрие и нестяжательность предполагают жительство без семьи, без душевных привязанностей и «безбытность», определенного рода странничество. Послушание как отречение от своих желаний и разумения подобно юродству во Христе. Через послушание старцу монах послушен воле Божией. Отказываясь от своего разумения, он приобретает духовный разум.

Преподобный Макарий Великий говорит, что монашество есть «совершенная мера призвания и неисследимого богатства любви Христовой», «совершенная мера христианского усыновления»; эта мера требует от человека отречения большего, чем вообще для спасения. Монахи «должны считать себя за ничто... со всей силой и усердием предавая себя всегда благу, отвергаясь... вместе со всем, что принадлежит веку сему, и собственной души, ежедневно с радостью и веселием беря крест свой и следуя за Ним». Если такие души будут смиренно помышлять о себе и «как истинные правдолюбцы будут до конца ежедневно приумножать свой труд, скорбь, брение и подвиг, всегда забывая задняя простираясь вперед (Флп. 3,13), алкая и жаждая правды (Мф. 5,6), по увещанию Господа, и имея сокрушенное сердце (Пс. 50,19)... не насыщаясь подвигами постов, бдений и милостыни и причастием даров Духа... пребывая всегда нуждающимися относительно добродетели... то они смогут благоугодить Богу и стать наследниками Царства... и, вследствие своей возвышенной любви к Богу, будут вознаграждены высшими дарами»³.

В древности монашество воспринималось как таинство, по благодати подобное крещению. Так, Древний патерик рассказывает о видении, бывшем некоему прозорливому старцу: силу, какую видел он стоя шею над купелью крещения, видел и над одеждой монаха, когда принимает он схиму⁴. Преподобному Антонию Великому в видении было открыто, что при принятии монашества, подобно как и в таинстве крещения, изглаживаются грехи, совершенные человеком от рождения⁵. Святой Аммон замечает, что

¹ Д. п. 8. 31.

² Лавсаик. 37. 38.

³ Великое послание. V. 3, 4, 5; VI. 2; XI. 1.

⁴ 18. 36.

⁵ Житие преподобного Антония... Гл. 65.

не случайно изменяется при этом имя человека, ибо он «вступает в жизнь иную, угодную Богу и более великую»¹.

Чин монашеский очень высок, он превосходит все иные чины христиан². Это чин ангельский, жизнь по подобию Ангелов³. Монах уподобляется Ангелам тем, что всегда желает и побуждает себя предстоять пред лицом Отца Небесного и творит Его волю⁴.

Монашество – это воинство Христово. Состоит оно в том, чтобы не делать ничего земного, а все духовное, чтобы пребывать в молчании и ни о чем другом не думать, как о чаянии Господа⁵.

В этом мире монахи являются пришельцами в чужой стране, и поэтому они не должны ни во что мирское вмешиваться⁶. Монах собственно означает уединенный, удаляющийся от людей. Однако, удалившись от всех, он оказывается соединенным со всеми – но иными, духовными узами, прообразом тех уз, которыми будут соединены удостоившиеся вечной жизни в Царстве Небесном⁷.

Монахи осудили себя на изгнание; изгнание же это состоит в том, что они сделались чуждыми мирских забот. Имея в мире славу, монах меняет ее на поношение, изобилие яств – на недостаток в хлебе⁸.

Чтобы вступить в воинство Христово, нужно презирать честь и покой, отсекал пожелания плоти и сохранять все заповеди Божии. Монаху приличны странничество, бедность и молчание с трезвенностью. Монах должен совлечься вещества мира и распять себя в борьбе⁹.

Монашество предполагает постоянный особый подвиг, состоящий в том, чтобы всюду творить дело Божие¹⁰ и противостоять диаволу, который особенно ненавидит монашество (низложить монаха – великое дело в очах диавола). Усердствуя в этом, демоны «подвижничество представляют бесполезным, возбуждают в людях отвращение от монашеской жизни, как самой тяжелой и обременительной, и препятствуют вести этот, противный им, образ жизни»¹¹.

Отличительная особенность монашеского пути – надеяться на благодать Божию и блюсти ум. Сокровище монаха – произвольная нестяжательность, он должен собирать сокровище на Небеси (см. Мф. 6, 20). Печать монаха – совершенное смирение. Монах должен быть ниже идолов, которые уста имеют, и не возглаголют, очи имеют, и не узрят, уши имеют, и не услышат (Пс. 113, 13–14) и считать себя так же, как идолов – мерзостью. Он должен сокрушиться подобно попанному куколю – иначе не может быть монахом¹².

¹ Св. Амон. Послание 5. 1.

² Д. п. 5. 42; 10. 171.

³ Д. п. 11. 72.

⁴ См. Евагрий. Слово о молитве. 113.

⁵ Д. п. 11. 48, 81; 1. 33.

⁶ Д. п. 10. 8.

⁷ См. Евагрий. Слово о молитве. 113.

⁸ Д. п. 14. 17.

⁹ Д. п. 1. 23; 11. 48, 114; 6. 20.

¹⁰ Д. п. 11. 78.

¹¹ Житие преподобного Антония... Гл. 25.

¹² Д. п. 6. 24, 18; 10. 93; 15. 17.

Напротив, нельзя назвать монахом того, кто жалуется на свой жребий, кто воздаёт злом за зло, кто гневается и проч.¹

Как ни высок чин монашеский, однако и среди мирян есть такие, которые превосходят иных монахов в духовном преуспевании, постоянно беседуя с Богом, уста которых святы². «Все люди плавают в неизвестности, ибо жизнь наша – море, – говорит блаженная Синклитикия. – Иноки как бы плавают в тихой части моря, днем, руководимые солнцем правды; а мирские – в опасных водах, блуждают в ночи от неведения. Но и мирской может спастись в буре и опасности, если будет вопить ко Господу и бодрствовать, а инокам случается идти ко дну от нерадения»³.

В IV–V веках монашество сформировалось как церковный институт. Преподобный Пахомий ввел у себя в монастыре данный Ангелом Устав. Монахи стали отличаться от мирян особым одеянием, которое явилось символом их внутреннего подвига: куколь (маленькая шапочка, покрывавшая голову до шеи, какие обычно носили младенцы) символизировал незлобие; аналав (соответствующий в современном монашеском облачении параману у мантийных монахов, или, точнее, у схимников) – знак креста; пояс – знак мужества. Объясняя значение монашеских одежд, духовные наставники древних подвижников призывают их вести жизнь, соответствующую иноческому образу⁴.

¹ Д. п. 10. 76.

² Д. п. 17. 13.

³ Д. п. 11. 70.

⁴ Д. п. 10. 174.

Очерк второй «Борение любви»

Между царством мира сего и Царством Божиим – расстояние крестного пути, пути покаяния, борьбы, всяческих лишений, стеснений телесных и постоянного принуждения себя¹. Путь этот начинается со стяжания веры в Бога и непрерывного стремления к Нему. Вера Христова, говорит преподобный Антоний Великий, даруется от Бога и есть «истинное богочестие», она сообщает «точное ведение» о Боге; в силе ее – «таинство боговедения»². За верой следует подвиг и труд богоугождения, т.е. «делание» заповедей «в телесном и душевном борении»³.

«Относительно горнего рождения от Духа, – пишет преподобный Макарий Египетский, – Бог установил, чтобы в духовном преуспянии были труд, борение и ристалище, добровольно избираемые человеком и преодолеваемые им со многим терпением... Так установила Божия благодать, чтобы каждый приобретал себе духовное возрастание посредством собственной воли и хотения, а также путем труда и борения»⁴.

Совершается крестный путь человека к Богу под покровом смирения. Ступени его – заповеди евангельские. Безопасно взойти по ним можно лишь в постоянном трезвении и бодрствовании над собой⁵.

Путь спасения начинается с познания самого себя. Познание же себя состоит, прежде всего, в том, чтобы увидеть свои грехи⁶. Затем нужно возненавидеть грех – иначе невозможно сотворить правду.

Этот путь внутренне открывается как путь от греха к святости, от работы страстям и диаволу к чистоте и богоугождению. Отсюда первая цель подвижничества – очищение души от страстей. «Трудами подвижничества приобретается свобода от страстных пожеланий», – говорит Иоанн Ликопольский⁷.

Итак, желающему спасения предлежит борение, подвиг, или «делание», как именуют преподобные отцы всякий духовный труд. «Если желаешь спасения, – учат они, – нужно делать все, что приводит к нему». «Ни я, ни Бог не помилует тебя, – говорит старец ученику, – если ты сам не помилуешь себя и не благоугодишь Ему»⁸. Однако этот великий по земным меркам труд оказывается ничтожным в сравнении с приобретаемыми вечными благами. По замечанию преподобного Антония Великого, «обетование вечной жизни покупается за малую цену: если и все восемьдесят или сто лет пребудем в подвиге, то царствовать будем не равное ста годам время, но вместо ста лет воцаримся на веки веков»⁹.

Этот труд невозможно совершить своей силой, без помощи Божией. Спасение наше совершается не нами, а Богом – однако не без нас. «Трудись понемногу и не унывай, и Бог

¹ Д. п. 1. 13.

² Житие преподобного Антония... Гл. 77, 78, 80.

³ Макарий Египетский, преподобный. Великое послание. III, 1.

⁴ Великое послание. II, 5.

⁵ Д. п. 1. 7, 13, 16.

⁶ Д. п. 15. 15; 3. 22.

⁷ Лавсаик. 39.

⁸ Д. п. 10. 41, 4.

⁹ Житие преподобного Антония... Гл. 16.

Своей благодатию восстановит тебя в прежнее состояние», – поучает старец впавшего в искушение брата¹. Иными словами, в деле спасения необходимо взаимодействие (синергия) человека и благодати Божией.

«Сверху, от Бога, – пишет преподобный Макарий Египетский, – проливается благодатный дождь, и душа, как добрая земля, впитав его, приносит плоды Духа... Без соединения со своим Небесным Женихом Христом душа оказывается бесплодной и нечадородной вдовой в Царстве Небесном. Однако Небесный Жених без усердия со стороны человека и без усилия его воли не может обитать в нем, ни соединиться с ним»². «Как невозможно усвоить возрастание преуспеяния посредством одной лишь Божией силы и благодати, без содействия и усердия самого человека, – продолжает тот же святой отец, – так невозможно и достичь совершенной воли Божией и прийти в полную меру свободы и чистоты лишь посредством собственной силы и настойчивости, без содействия и помощи Святого Духа»³.

Приобрести спасение мы можем лишь в этой временной жизни, поэтому нужно ценить данное нам время. Погубляющий время не найдет его подобно потерявшему золото или серебро. Здесь, на земле, надо подвизаться для будущих благ, чтобы не тщетно провести время жизни, «стараться о душе своей», заботясь, чтобы на суде представить ее неосужденной⁴. Постыдно будет расточившим настоящее время, когда они потом будут призваны к суду. Распушенная жизнь не принесет им тогда никакой пользы – ибо жизнь дана нам не для развлечения и наслаждения, а для совершения крестного пути в последовании Христу. Жизнь – это подготовка к смерти⁵.

Бог ищет от человека готовности. Мера же совершенства человека не ограничена – до конца жизни он может преуспевать в меру божественную⁶. «Подвижник должен искать благ, которых не имеет, – говорит блаженная Синклитикия, – подобно тому, как собирающие земное богатство, подвергаясь трудам и опасностям, хотя бы и много приобрели, за ничто почитают то, что имеют, и стремятся к тому, чего не имеют»⁷.

Преподобные отцы различают образы, или степени, подвижничества. «Если хочешь последовать Господу нашему Иисусу Христу, – говорит авва Исаия, – то сохраняй Его слово и умерщвляй ветхого человека. Если же хочешь прилепиться к Нему, то должен до самой смерти отсекал всех, удаляющих тебя от креста, должен приготовить себя к понесению уничижения и к спокойствию в отношении к злословящим тебя, должен смирить себя пред желающими властвовать над тобою, должен соблюдать безмолвие и никого не осуждать в сердце своем»⁸.

Не все, однако, могут достигать этих «высочайших мер христианства». Для таких христиан, побеждаемых «леностью произволения и немощью», остается возможность наследовать жизнь вечную, если они возьмут на себя подвиг веры и благодарения Богу. «Благодаря некой милости Божией и собственной вере» они могут «обрести правый образ

¹ Д. п. 7. 47.

² Беседа 52. 6.

³ Великое послание. III, 1.

⁴ Д. п. 11. 82, 86, 83, 31.

⁵ Д. п. 7, 40; 11. 82, 83.

⁶ Д. п. 11. 119; 10. 13.

⁷ Д. п. 10. 97.

⁸ Д. п. 1. 8.

мыслей, и не стать супротивниками научений Духа», и избежать того, чтобы оказаться «вне жизни вечной, явив себя неверующими»¹.

Также каждому историческому времени свойственна своя мера подвига. Так, древние подвижники «сотворили заповеди Божии», следующие за ними достигнут лишь половины их дела. А живущие после них, «люди рода оного» не будут иметь дел совсем, «но придет на них искушение, и оказавшиеся достойными в оном искушении окажутся выше» и первых, и вторых. Соответственно подвигу подается и спасающая благодать Божия. Так, древние подвижники уподобляются имеющим огненные крылья, людям же «сего поколения» даются крылья не огненные, но «слабые и немощные», однако же ими и они спасаются «с большою скорбию»².

Важно спастись, однако имеет значение и то, в какую меру совершенства пришел подвижник – в Царстве Небесном обители многи суть (Ин. 14, 2). Пути же устраивает Промысл Божий, Духом Святым открывая их внимающим призыву Господа и искренно устремляющимся к спасению. Критерием истинности избранного пути может служить совесть подвижника. Так, например, святой Макарий спасался малым подвижничеством внешним, и совесть не укоряла его. Другой же пустынный, Павел Фермейский, при большем подвижничестве был укоряем совестью, и святой Макарий ответил ему, что либо сердце его нечисто, либо причина укора – леность³.

Добродетели приобретаются трудами, их не может дать мирская мудрость. Простолудин наравне с ученым может стяжать их, если имеет к этому усердие⁴.

Опытные иноки призывают новоначальных приучить себя (навыкнуть) непрестанно трудиться понемногу и не унывать; трудиться мало-помалу⁵. «Если будем работать непрерывно, то найдем путь жизни», – говорит один из старцев. Каждый день нужно полагать начало, преодолевая свойственную ветхому человеку леность, которая «вооружается против всякого доброго дела и ввергает людей в беспечность»⁶.

Делание необходимо внешнее (телесное) и внутреннее (душевное); этого требуют и заповеди евангельские. Внешнее делание – рукоделие, пост, молчание, поучение и подобн. Однако главное делание подвижника – внутреннее. Внутреннему деланию души соответствует образ пути узкого и скорбного. Оно может состоять, например, в том, чтобы «носить всюду порицание самого себя, куда бы ни шел», или в том, чтобы делать насилие своим помыслам и для Бога умерщвлять свои пожелания⁷. Дело души есть то, что бывает по заповеди Божией, а не по собственному рассуждению⁸. Внутреннее делание может быть соединено с внешним, однако второе без первого бесполезно.

Главным делом подвижника является делание внутреннее, рукоделие же – «поделье». Однако человеку надо работать, пока он живет на земле. В то время как душа трезвится, чтобы наследовать Царствие, тело должно работать, чтобы прокормить себя⁹.

¹ Прп. Макарий Египетский. Великое послание. XIII. 13.

² Д. п. 18. 10, 11.

³ Лавсаик. 22.

⁴ Д. п. 10. 7.

⁵ Д. п. 7. 47; 10. 156.

⁶ Д. п. 11. 120, 64; 10. 83.

⁷ Д. п. 10. 89, 111.

⁸ Д. п. 10. 163.

⁹ Д. п. 10. 32, 34, 35; 11. 93.

Временную жизнь христианина старцы уподобляют строению здания добродетелей, основание которого – телесное делание, т.е. псалмопение, рукоделие, и проч.¹ Сам же подвижник подобен дереву, в котором листья – труд телесный, а плод – хранение сердца. Всяко убо древо, еже не творит плода добра, посекаемо бывает, и во огонь вметаемо (Мф. 3, 10). Впрочем, нужно и лиственное прикрытие, и украшение – т.е. труд телесный.

Рукоделие способствует подвигу душевному, так что успех последнего в значительной степени зависит от телесного делания. Недаром рукоделие названо в числе оснований подвижнической жизни. «Хотя и имеешь пропитание, делай (занимайся рукоделием), сколько можешь, только не возмущайся», – говорит ученику авва Пистимон².

Наука подвижничества – не изобретение человеческого ума, но учение небесное. Авву Антония подвижничеству научил Ангел Божий. Однажды, впав в большое омрачение помыслов, он в скорби говорил Богу: «Господи, я хочу спастись, а помыслы не дают мне; что мне делать в скорби моей? Как спасусь?» – Тогда увидел он Ангела, чередовавшего рукоделие с молитвой. «Делай так, и спасешься», – сказал Ангел Антонию, и святой послушал его³.

Итак, телесный труд необходим для того, чтобы: 1) удовлетворять потребности тела; 2) подавлять греховные страсти (особенно т. н. телесные); 3) облегчить борьбу с помыслами.

В среде древних отцов (как, впрочем, и последующих) можно видеть множество примеров подвигов чрезвычайных. Так, авва Амон, чтобы победить гнев, четырнадцать лет молился Богу днем и ночью; авва Виссарион сорок ночей провел среди терния, стоя без сна⁴.

«Будем подвизаться, – призывают святые подвижники, – ибо и при сем едва можем избежать суда Божия»⁵.

Путь в Царство Небесное требует не только труда, но и мужества, терпения и твердости. Многие, не имея этих качеств, возвращаются в мир. Возвращение в мир из пустыни символизирует возвращение от богоугождения к жизни по страстям мира сего.

Ищущий Владыку Христа неуклонно стремится к кресту, побеждая все соблазны, – пока не достигнет Распятого. Он как бы увлекаем Самим Богом, иначе никто не может возгореться желанием Царствия Божия, однако от человека требуется твердое произволение.

Необходимо всегда иметь перед глазами цель подвига – иначе, по слову преподобного Макария Великого, хотя бы кто «и целиком посвятил себя, таковой не может достойно переносить труд, борение, усилие, голод, жажду ради правды... и обретает расслабленность и беспечность»⁶.

Зная цель подвижничества и великие дары Божии, невозможно не возгореться желанием многих трудов. Не видя же цели, подвижник скоро ослабевает в своей ревности

¹ Д. п. 5. 21.

² Д. п. 5. 21; 6. 15.

³ Д. п. 7. 1.

⁴ Д. п. 7. 3, 4.

⁵ Д. п. 15. 66.

⁶ Великое послание. XIII. 6.

к подвигу. Объясняя это, некий старец приводит пример собак, преследующих зайца; гонится до конца лишь та, которая первая увидела зайца и бросилась за ним; остальные же, не видевшие цели и побеговшие вслед за первой, вскоре возвращаются назад¹.

Царство Божие есть «небесное веселие Духа», «духовная радость и веселие в вечном Свете». «Достойные же и верные души» чрез деятельное общение с Духом, уже здесь удостаиваются получить «задаток и начаток Его». Прозревая, хотя отчасти, цель своих стремлений и трудов, они укрепляются в желании «принять участие в борении любви за небесные блага»².

«Каждый обязан плодоносить в любом деле, совершаемом ради Господа, ... – пишет преподобный Макарий, – чтобы не лишиться вечной жизни, оказавшись бесплодным»³. Плоды подвига – любовь, мир, радость, смирение, долготерпение, вера и др., обнаруживаются в подвижнике явно уже в этой жизни, и это есть «плодоношение Духа». Если таковых не оказывается – напрасны усилия подвига⁴.

ДЕЛАНИЕ ПО БОГУ

Подвиг лишь тогда истинен и приводит к цели, когда совершается ради Бога и не по своему разумению, а по воле Божией. Иными словами, всякое делание подвижника должно быть «деланием по Богу»⁵. Это крайне важное условие подвига, так как без его соблюдения все труды могут оказаться бесполезными.

По существу, внешние дела безразличны, важно внутреннее расположение человека. «Не все ли дела равны, – говорит авва Нестерой, друг аввы Антония, – чего желает по Богу душа твоя, то делай и блюди сердце твое»⁶. Всякий шаг, сделанный ради Бога, хотя бы в нем и не было другой нужды, бессмысленный с точки зрения здравого смысла, исчисляется и за великую цену считается пред лицом Господа⁷. Стремление исполнить малейшую заповедь Христа «восходит как воня благоухания» к Богу⁸.

Внешние же подвиги сами по себе, совершаемые не по заповеди, бесполезны и даже вредны. «Ты отогнал от себя страннолюбие», – ответил старец брату, у которого от усердия к посту в горшке взошел тростник⁹. Не поможет (в искании Бога) ни пост, ни знание Священного Писания, ни пение псалмов, если не имеем того, чего ищет Бог – любви и смирения¹⁰.

Неистинное душевное расположение стало причиной падения многих подвижников. Так, девственнице Иерусалимской, жившей в строгом подвижничестве и впавшей по причине гордости в тяжкие грехи, епископ Палладий говорит, что «это случилось с нею потому, что она подвизалась не по духовному расположению и не по любви к Богу, но напоказ людям, ради суетной славы, которой ищет растленная воля»¹¹.

¹ Д. п. 7. 40, 34.

² Великое послание. V. 5; VIII. 3, 4.

³ Там же. X, 6.

⁴ Там же. IX. 1, 2, 12.

⁵ Д. п. 11. 4.

⁶ Д. п. 1. 6.

⁷ Д. п. 7. 36; 17. 39.

⁸ Д. п. 17. 39.

⁹ Д. п. 10. 135.

¹⁰ Д. п. 10. 123.

¹¹ Лавсаик. 32.

Однако в совершенстве исполнить заповеди невозможно – поэтому подвижник должен постоянно испытывать себя: что исполнил из того, чего хочет Бог, и что сделал такого, чего Он не хочет, и каяться¹. Нельзя также надеяться на свои добрые дела или служение, но просить непрестанно помощи Божией². Не должно размышлять в сердце своем, что совершенно сделали что-либо доброе, пока имеем дыхание в жизни своей – человек не может быть уверен в плодах своего поля, пока не соберет их³.

Многоразличны делания по Богу, и каждому вопрошающему старцы дают конкретные советы, исходя из его духовного состояния⁴. Можно ради Бога переносить скорби, работать, подавать милостыню. Можно, если не способны на большие подвиги, по крайней мере, хранить свою совесть в отношении к ближнему и удаляться от всякого зла⁵.

Во всяком деле, поучает преподобный Макарий, «предметом искания пусть будет одно – иметь в душе сокровище и жизнь... Работает ли кто, или молится, или читает, да имеет оное непреходящее стяжание, то есть Духа Святого»⁶. «Только бы все делалось по любви к Богу и определялось бы целью достичь, с помощью благодати Божией, бесстрастной чистоты»⁷.

Древний патерик повествует о четырех старцах, которые подвизались вместе в пустыне; трое из них безмолвствовали, а четвертый служил им в необходимом. И все четверо, по их молитве и милосердию Владыки Господа, обрелись вместе на небесах – подвиги их оказались равны пред Богом, хотя внешне различались⁸.

Бог требует от делателя весьма многого – правильного устройства души и чистоты помыслов. Истинный делатель обнаруживается смирением и самоотверженной любовью: он переносит порицание и отрицает свою волю для Бога в отношении к ближнему. Таковой подвизается в добре для Бога, не имея ничего худого в помыслах своих. Дело Божие он исполняет со всей ревностью и сокрушением и нерассеянным умом, в подражании мытарю, чтобы не подвергнуться осуждению с фарисеем. Труд подвижничества истинен тогда лишь, когда имеется бесстрастие в теле и скорбь в сердце. «Остроконечное сердце» вступившего на стезю подвига должно превратиться в «источники вод»⁹.

«Господь сделал легкой заповедь Свою (речь идет о чаше холодной воды, поданной во имя ученика), дабы никто, даже имеющий немощное и расслабленное произволение, не был лишен участия в благе... Только бы сделанное было совершено ради Бога, а не ради славы человеческой... по страху Божию и с любовью Христовой», – замечает преподобный Макарий Великий¹⁰.

Напротив, своеволие и упорное противление воле Божией губительны для человека. Держащий свою волю не по Богу и не желающий слушать других, считая себя знающим,

¹ Д. п. 11. 85.

² Д. п. 1. 7.

³ Д. п. 11. 25.

⁴ См., например, Д. п. 1. 14.

⁵ Д. п. 10. 38.

⁶ Духовные беседы. 3, 3.

⁷ Великое послание. XI, 11.

⁸ Д. п. 18. 47.

⁹ Д. п. 10. 170, 133; 11. 26, 24; 15. 65.

¹⁰ Великое послание. X, 3.

едва ли, с трудом, может прийти на суд Божий. Однако совершивший дело по своей воле в неведении еще имеет надежду спасения: он может прийти на путь Господень¹.

Истинный делатель должен быть бдительным и всегда иметь память о Боге – ибо, потеряв ее, легко уклониться от пути. Гнев, небрежение, желание учить и празднословие мира сего бывают причиной этого бедствия. Напротив, кротость и долготерпение привлекают любовь Божию².

Истинного делателя Господь снабжает благодатными средствами, помогающими в подвиге, – таковыми как память смерти, страх Божий, сокрушение во грехах и другие. Это «рабочие орудия монашеской жизни». К ним принадлежат, кроме упомянутых, внимание к себе, хранение себя и рассуждение³. Сюда же можно отнести и воздержание телесное. Эти добрые навыки человека являются лишь пособиями на пути к жизни вечной, в которой они будут не нужны – ибо там память смертная истребится вместе с самой смертью, страх Божий уступит место любви Божией, плач о грехах не будет иметь места там, где нет греха и т.д. Назовем их подвижническими добродетелями – как принадлежащими времени подвига, в отличие от добродетелей, простирающихся за пределы временной жизни – в вечность.

ПАМЯТЬ СМЕРТИ

Среди древних монахов эта добродетель цвела пышным цветом. Так, авва Арсений имел страх смерти с того времени, как стал монахом⁴.

Подвизающемуся ради Христа не страшно временное страдание, ибо он имеет надежду успокоения. «Но меня объемлет страх того весьма мрачного времени, – говорит авва Исаия, – если я отвержен буду от лица Божия, и никто не явится на помощь мне, и не будет надежды на успокоение»⁵.

Упражнение в памятовании о конце земного пути было особым делом монахов, особенно «безмолствующих»⁶. Польза его в том, что оно «уничтожает приятность удовольствия и восстанавливает клонящуюся к падению душу»⁷. «Помни всегда об исходе твоём, не забывай вечного суда, и не погресишь в душе твоей», – говорит авва Даниил, повторяя мысль ветхозаветного мудреца⁸.

Когда страх смерти и последующего за нею явления пред Богом заполняет все существо подвижника, грех не может увлечь его сердце⁹. Страху смерти всегда сопутствует надежда спасения. В этом смысле можно сказать, что спасение совершается между страхом и надеждой. «Смерти должно ожидать, как перехода к лучшей жизни», – говорит блаженный Иоанн Ликопольский¹⁰.

Старцы уподобляют мир темнице, а христиан узникам. «Пойди, имей такие же мысли, какие имеют преступники, находясь в тюрьме. Они постоянно спрашивают

¹ Д. п. 10. 110.

² Д. п. 11. 19.

³ Д. п. 1. 22.

⁴ Д. п. 15. 9.

⁵ Д. п. 3. 7.

⁶ Д. п. 3. 4.

⁷ Житие преподобного Антония... Гл. 19.

⁸ Д. п. 11. 17.

⁹ Д. п. 3. 6.

¹⁰ Лавсаик. 39.

других: где судья? когда придет он? – и от ожидания плачут... Так и монах должен непрестанно внимать себе и обличать свою душу, говоря: увы мне, как я предстану на суд Христов, чем буду оправдываться пред Ним?»¹

Память о «горьком часе смерти» возбуждает воспоминание о посмертной участи людей – об аде, где в горьком молчании или страшном стенании, в страхе и мучении пребывают души грешников, и о будущем суде, на котором грешникам приготовлен стыд пред Богом и Христом, пред Ангелами и Архангелами, и Властями, и всеми людьми и страшные наказания. А праведникам – общение с Богом и Христом Его, с Ангелами, Архангелами, Властями, и со всем ликом святых, неисчислимыя блага и радость².

Удостоившиеся при жизни быть восхищены и видеть суд Божий, участь грешников и праведников, не могли после этого смотреть на «временный свет», от которого «нет нам никакой пользы»³. А проводившие до того жизнь в беспечности налагали на себя суровые подвиги покаяния, боясь, что не вынесут стыда пред Христом и святыми Ангелами в день судный за злые дела свои и нерадение о спасении в течение временной жизни⁴.

СТРАХ БОЖИЙ

Св. отцы говорят, что страх Божий – это начало и конец подвига⁵. Подвижник должен заботиться о том, чтобы иметь его во все время своей жизни. Рождается это спасительный страх от сознания величия Божия и своего ничтожества пред Ним, нечистоты, недостойнства общения с Богом, а значит, недостойнства спасения. «Я по силе моей делал, чтобы соблюсти заповеди Божии, – говорил перед смертью авва Агафон, – но почему знать, угодил ли я Богу; не имею дерзновения, пока предстану Богу: ибо иное суд Божий, а иное – суд человеческий»⁶.

Страх Божий ограждает человека от увлечения грехом и вселяет надежду на единого Бога, тем самым возводя его от «века сего» к Отцу будущего века. Он побуждает подвижника заботиться о добродетелях – так, чтобы ни одна из них не оскудела от него. Страх Божий, вселяясь в человека, просвещает его и учит всем добродетелям и заповедям Божиим, дарует познание истины, подобно тому, как светильник освещает темную комнату. Он очищает ум человека, «снедает» тело его. Приобретший страх Божий имеет полноту благ⁷.

Добродетели и все вообще блага дарует Бог, но человек должен быть способным вместить их, для чего необходим духовный труд. Так и страх Божий – это великий дар Отца Небесного, но подвизающийся должен делать усилие, чтобы приобрести (стяжать) его.

Для спасения достаточно и одного страха Божия, так как вообще всякая истинная добродетель влечет за собой и все другие, вместе с полнотою благ. С другой стороны, ни одна добродетель не может быть совершенно исполнена в ущерб какой-либо другой.

¹ Д. п. 3. 3.

² Д. п. 3. 4, 8.

³ Д. п. 3. 32, 43.

⁴ Д. п. 3. 32, 43.

⁵ Д. п. 11. 56.

⁶ Д. п. 11. 9.

⁷ Д. п. 3. 6, 9; 15. 26; 3. 16, 17, 45.

ПЛАЧ О ГРЕХАХ

Тот поистине человек, кто познал самого себя. А познать самого себя – значит увидеть свои грехи. Зрение грехов своих для святых подвижников было причиной непрестанного плача; они считали, что и многих слез недостаточно, чтобы оплакать грехи свои – факт, достойный удивления новоначальных, однако опытным в подвижничестве известно, что дар слез может вместить лишь душа, достигшая уже определенной меры совершенства. Насколько человек приближается к Богу, настолько же сознает себя грешником (Ис. 6, 5)¹. Когда Бог посетит человека, то нет ему иной заботы, как о грехах своих. Мир, лежащий во зле, подобен Египту; когда Бог порази Египет, то не было ни одного дома, в котором не было бы слез². Так и жизнь подвижника в этом мире оказывается заполненной не чем иным, как слезами, плачем о грехах. «Пойдем же в кельи свои, – увещевает ученика авва Пимен, – и будем размышлять о грехах своих»³.

Укорение себя в грехах является средством восхождения к чистоте и охранения души, способом восстать от некоторого падения, а также и необходимым средством для духовного восхождения. Преподобный Макарий Египетский говорит о том, что, лишившись по промыслительному Божьему попущению первых даров Духа – страха Божия и теплоты сердечной, подвижник не должен отступать, но приобретать «вторую теплоту» – невозмутимую, надежную и постоянную. Для этого «должно усиленно открывать свои помыслы Богу днем и ночью, всякий час рыдать пред Ним и, скорбя, избличать душу свою, говоря: «как могла ты быть нерадивой до сего дня и бесплодной во все дни жизни своей?» ... Когда человек не устает... так избличать душу свою... то к нему сразу же подступает вторая теплота, которая во всем лучше первой»⁴.

Плач о грехах, как и всякая добродетель – это дар Божий, и получить его – великое благо для человека. Многие желают иметь этот плач, но не получают тотчас, потому что слезы даются за многие труды. Они подобны земле обетованной, к которой шли израильтяне сорок лет. Бог желает сокрушения души, чтобы она постоянно стремилась в эту землю⁵. Дар слез – это первый дар благодати, подаваемый душе, очистившейся от страстей и есть признак и начало бесстрастия.

Сокрушение, – поясняет св. Амон, – есть «дух покаяния», приемлемый от Бога призывающими Его, который приходит, чтобы очистить их от нечистоты душевной. Препятствуют прийти этому Духу гордыня, памятозлобие, осуждение грешника и неимение истинной любви. Если хотя одна из этих неправд будет в человеке, то не может он покаяться, и Бог не примет его молитвы⁶.

Получив же дар слез, нужно пользоваться им осторожно по причине многообразных козней вражиих. Ибо враг спасения человеческого, не терпя этого дара, прилагает все усилия, чтобы отвратить взор подвижника от зренья грехов своих – часто направляя его на недостатки других⁷. Враг также часто окрадывает подвижника помыслом тщеславия, лишая спасительного плача.

¹ Д. п. 15. 39.

² Д. п. 3. 42.

³ Д. п. 3. 26.

⁴ Беседа 57. 5.

⁵ Д. п. 3. 44.

⁶ Св. Аммон. Послания. 7. 2; 8.

⁷ Д. п. 3. 22.

В числе средств для стяжания дара слез св. отцы называют воздержание от собственного суждения, или уклонение от высокоумия. Без этого невозможно упражняться в плаче. Плач же, как и страх Божий, всему учит – там же, где нет плача, невозможно уберечься от греха¹.

Эта добродетель была весьма распространена среди древних подвижников. Так, авва Арсений во все дни жизни своей, сидя за рукоделием, имел в пазухе плат для утирания слез, падающих из очей его. «Я желал бы всегда плакать, как плакала Мария при Кресте Спасителя», – восклицает авва Пимен. «Горе мне, горе! – сокрушается авва Исаия, – ибо я вхожу в общение со Христом всякий раз, когда причащаюсь, а затем вхожу в союз с врагами Божиими; я облечен именем Христовым, но работаю врагам Его, делаю то, чем гнушается Бог, и потому напрасно жду от Него исцеления; увы мне, ибо я не подвизался в борьбе дотолде, чтобы победить мне врагов Христовых, которые не оставили во мне ни одного члена чистым пред Богом, и потому Он не может воцариться во мне». «Я не имею столько тщания, чтобы угождать Богу моему, сколько имеет театральная женщина, чтобы угождать развратным людям!»²

Слезами душа человека очищается от зла, получает оставление грехов. Плач производит в душе добродетели и охраняет их³. Плач есть путь, указанный нам Писанием и отцами нашими, и нет иного пути ко спасению. Старцы призывают «возлюбить скорбь», ибо этим обретается Бог; непрестанно удерживать ее в душе своей. Так безутешно плачет женщина на могиле своих родных, и ее не отрешили бы от скорби удовольствия всего мира⁴.

Да и, не желая скорби, нам все равно не избегнуть слез; плакать нам необходимо – так устроил о нас Господь, – или здесь, добровольно, или там, по причине мучений. Кто не плачет о себе здесь, тот будет вечно плакать там⁵.

Плач – это добродетель особенно монашеская. В скорбь должна быть погружена вся жизнь монаха. Труд монашеский состоит преимущественно в том, чтобы бодрствовать день и ночь, пребывая в молитвах и уязвляя сердце свое, проливая слезы и призывая милость с неба⁶.

ТЕЛЕСНОЕ ВОЗДЕРЖАНИЕ

Богу «свято и любезно» житие во всяком воздержании, являющее на земле образ небожительства, дарующее подвижнику общение с Ангелами и Самим Богом⁷. Воздержание телесное – то есть ограничение себя в отношении еды, питья, сна, вообще потребностей телесных – облегчает подвиг инока и предохраняет от всяческих превратностей. Непонятное людям, чуждым христианского упования, воздержание на самом деле оказывается столь значимым, что без него невозможно безопасно взойти от земли на небо.

Древние подвижники весьма ограничивали себя в телесных нуждах. Например, преподобный Арсений проводил всю ночь в бдении, а наутро, когда одолевал его сон,

¹ Д. п. 15. 25; 11. 60.

² Д. п. 3. 2, 30, 10, 11, 12, 31.

³ Д. п. 3. 21, 28, 25.

⁴ Д. п. 3. 29, 1, 23.

⁵ Д. п. 15. 9.

⁶ Д. п. 3. 24, 34.

⁷ О девственнице Пиамуне // Лавсаик. 33.

ненадолго засыпал сидя, говоря себе: «Иди, злой раб». Он же говорил, что настоящему подвижнику довольно уснуть один час¹. Чтобы приобрести воздержание, древние иноки подвергали себя всяческому ограничению и стеснениям телесным².

Особенно старцы предупреждают учеников своих против винопития, ибо оно неизбежно навлекает «навет помыслов» и делает человека жертвой происков вражиих³.

Отцы также весьма ограничивали себя и в еде – в частности, потому, что у пресыщенного рождаются такие же вожделения, как и у сластолюбца⁴. Однако, испытав все виды поста, нашли, что лучше есть каждый день понемногу – это путь царский и удобный для нас⁵.

«Будем питаться словесами Божественными, услаждаться сказаниями святых отцов – не питая чрева, но веселясь духовно», – призывают они своих учеников и всех нас. Смысл воздержания – ограничить телесные потребности и этим дать место духу господствовать в душе, – потому что невозможно одновременно Богу работати и мамоне (Мф. 6, 24). «У тех, которые услаждаются удовольствиями, душа, однажды ниспадшая в тину сладострастия, с трудом может взирать к Богу или мудрствовать что-либо достойное Бога»⁶.

Один старец объяснил, что плотские удовольствия надо отвергать для того, чтобы «пресечь повод плотского духа», который всегда борется с подвижником, ища удовольствий, возмущает ум и отгоняет разумение. «Плотской дух» – это похоть плоти, не любить которую призывает святой Иоанн Богослов (1 Ин. 2,15–16). Так именуется и злой дух, демон чревоугодия, побуждающий человека на невоздержание⁷.

Начальник невоздержания – диавол. Враг спасения человеческого, он всячески старается усилить в подвижнике худую склонность. Так, один брат, победивший греховные помыслы, понуждающие его на невоздержание, увидел «силу диавола, как дым выходящую из недра его»⁸.

Помысл невоздержания иногда внушает подвижнику взять чужое имущество, в чем есть «двойное зло»: воровство и невоздержание. Поэтому в отношении чужого имущества старцы проявляли особую осторожность. Авва Зенон, например, странствуя по пустыне и утомившись, отказал помыслу, побуждающему его взять огурец с чужого огорода. При этом он убедился на деле, что не сможет перенести наказания за воровство – простоять на жаре пять дней⁹.

Опытные в подвижничестве полностью владеют своими пожеланиями. Некоторые из них не различали вкуса пищи, принимая мясо за овощи¹⁰; в некоторых случаях, ради Бога, они ели сверх надобности или вовсе забывали о еде¹¹.

¹ Д. п. 4. 2, 3.

² См.: Д. п. 4. 7, 13, 19, 28, 42, 70, 81.

³ Д. п. 4. 86, 23, 44, 45.

⁴ Д. п. 4. 4, 6, 12, 83. Лавсаик. 39.

⁵ Д. п. 10. 59.

⁶ Д. п. 4. 88; 18. 35.

⁷ Д. п. 4. 14, 62.

⁸ Д. п. 4. 67, 70.

⁹ Д. п. 4. 8, 22, 17.

¹⁰ Д. п. 4. 72, 75.

¹¹ Д. п. 4. 76, 46, 68, 69, 78.

Но неопытным надо быть осторожным, ибо невоздержание в пище обессиливает и низвергает ум в борьбе с врагом, вовлекает его в сеть вражью; плотское наслаждение изгоняет из души страх Божий и разрушает всякое доброе ее делание. Воздержание же, напротив, более всех других средств, смиряет душу¹.

Воздержанию способствует пост. Пост для монаха – узда греха; он «иссушает потоки греховных удовольствий»; тело, «иссушенное постом», может извлечь душу из глубины страстей².

Посту учит Сам Господь и Своим примером, и вразумлением свыше. Так, один старец, будучи больным, вкушал похлебку, в которую ученик его по рассеянности влил плохое масло, ничего не говоря при этом. Когда же ученик узнал и стал раскаиваться, старец утешил его словами: «Если бы Бог хотел, чтобы мы ели, то влил бы ты меда»³.

Вместе с тем посту телесному уделяется значение несравненно меньшее, чем исполнению любой евангельской заповеди. «Лучше есть мясо и пить вино, и не снестать в оклеветании брата своего», – говорит авва Иперехий. Ради любви к братьям авва Макарий принимал от них вино и пил; однако и посту воздавал затем должное, зная, что подвижник должен «иссушать свое тело», чтобы «не погубить в себе монаха» – за стакан вина, выпитый ради любви к братьям, он целый день не пил воды⁴.

Когда дело касается исполнения евангельских заповедей, особенно о любви к ближнему, то заповедь предпочитается воздержанию. В таких случаях не только позволительно, но и богоугодно нарушить пост ради заповеди. Пост разрешается или послабляется ради «дела любви»⁵. Ибо пост дан нам в помощь как пособие к исполнению заповедей евангельских, и ради пособия не позволительно нарушать саму заповедь. Ядущий же по любви исполняет две заповеди: оставляет свою собственную волю и успокаивает братьев⁶.

РАССУДИТЕЛЬНОСТЬ

Дело Божие должно исполнять с рассудительностью. Под рассудительностью же отцы чаще всего понимают не простое человеческое рассуждение, но вразумление от Бога.

Иной целый день трудится, и не может срубить дерева, а другой, искусный в рубке, и немногими ударами сваливает дерево. Так же бывает и в делании Божиим. Не имея рассудительности, многие изнурили плоть свою, не получив от того пользы и даже удалились от Бога. Можно нести великие труды подвижничества без всякой пользы и в конце оказаться вне Царствия Божия⁷.

Рассудительность помогает человеку найти путь Божий и с осторожностью следовать по нему, держась «истинного делания», которого ждет от человека Бог.

Так, чрезмерным подвигам старцы предпочитают умеренное подвижничество – «царский путь», самый безопасный. Ибо в чрезмерных подвигах есть опасность удалиться от истинного делания и попасть в плен врага. Легко принять средство за цель и впасть в

¹ Д. п. 4. 32, 61, 39, 35.

² Д. п. 4. 54, 55.

³ Д. п. 4. 71.

⁴ Д. п. 4. 29, 59; 10. 48.

⁵ Д. п. 4. 48.

⁶ Д. п. 13. 11.

⁷ Д. п. 14. 17; 11. 3; 19. 84, 123, 1; 18. 3.

страсти тщеславия и гордыни, тогда как истинное делание смиренно. Отцы предостерегают от этого, говоря, что чрезмерное подвижничество происходит от врага. Божественное же подвижничество отличается умеренностью¹. Подобно тому, как чрезмерно натянутый лук преломляется, так и в чрезмерных подвигах от приражения той или иной страсти начинающий подвижник может легко сокрушиться². Каждый должен избирать себе образ жизни по силе³.

БОРЬБА ЗА БЕССТРАСТИЕ

Человек, избравший путь спасения, находит врага, прежде всего, в самом себе. Этот враг – «ветхий человек». «Ветхий человек» – это то, что в человеке ложно, не истинно, истина же – «новый человек». «Ветхим человеком» апостол Павел называет греховные страсти (Кол. 3, 9; Еф. 4, 22; Рим. 6, 6). Они столь прочно утвердились в потомках падшего Адама, что подвижники, которым Господь открывал истину о самих себе, восклицали: «я весь нечистота»⁴.

Страсти губительны для человека, они не дают ему возможности приблизиться к Богу, «просветить душу свою», не дают душе преуспевать⁵. Очищение от греховных страстей – ближайшая цель подвига; однако оно оказывается иногда делом всей жизни – потому что страсти борются с человеком до самой смерти⁶.

«Душе, жаждущей сочетаться с Небесным Царем и желающей стать одним духом с Ним, – замечает преподобный Макарий, – следует уподобиться Его безукоризненной и чистой красоте... Поэтому следует очищать душу не только от явных прегрешений... но и от страстей и тайных грехов, насилующих ее...». Полное избавление от страстей – необходимая черта «новой твари во Христе»⁷. Преподобный Макарий говорит далее, что достижение такой чистоты – цель всякого делания, ибо без нее невозможно стяжать плоды, т.е. добродетели. «Если же не обретаем их в себе, то напрасно и тщетно любое делание наше»⁸.

Страсти с трудом оставляют человека, потому что «сосуды их внутри нас». Чтобы освободиться от страстей, имеющих душу и тело человека своим «седалищем», надо «отдать им залог»⁹. Очистившись же от страстей, душа приобретает чистоту, бесстрастие. Бесстрастие же не есть простое умерщвление страстей, но, по слову Евагрия, – «здоровье души»¹⁰. Заметим, что в традиции исихазма, нашедшей свое ясное выражение в трудах подвижников XIV века, бесстрастие понимается как «новая и лучшая энергия».

В аскетической литературе страсти подразделяются обычно на душевные и телесные. Что касается числа их, то исчислить все страсти невозможно – таково их

¹ Д. п. 10. 106, 101.

² Д. п. 10. 3.

³ Д. п. 10. 9.

⁴ Д. п. 10. 144, 124.

⁵ Д. п. 4, 31; 11. 80, 29.

⁶ Д. п. 10. 30.

⁷ Прп. Макарий Египетский. Великое послание. III, 3; IV, 1.

⁸ Там же. IX, 10.

⁹ Д. п. 10. 94.

¹⁰ Д. п. 4. 49; 15. 23; 11. 9; Евагрий. Слово о духовном делании. 56.

«Духовный метод, очищающий страстную часть души», авва Евагрий называет «деланием». Очистить душу от страстей, однако, недостаточно; разумная душа нуждается в питании; таковым для нее «является ведение, которое одно только имеет обыкновение соединять нас со святыми Силами...».

многообразии. Авва Евагрий (а вслед за ним прп. Иоанн Кассиан Римлянин, Ефрем Сирий, Иоанн Лествичник, Григорий Палама и др.) перечисляет восемь главных греховных помыслов, которым соответствует восемь главных страстей¹.

По отношению к внутреннему, сокровенному человеку, образу Божию в человеке, страсти есть нечто внешнее и чуждое. От них страдает внутренний человек (отсюда и название: страсть означает «страдание»). Часто уклонение к нечистоте происходит по неведению истинного блага – ибо душа еще не вкусила горнего. Победить «внешние страсти» можно лишь тогда, когда «внутреннее делание – по Богу»².

В развитии страсти гнева (мщения, воздаяния злом за зло) авва Пимен указывает четыре степени: когда страсть лишь в сердце, далее – во взоре, на языке и в деле. Таковы же, собственно, и ступени развития всякой страсти. Старцы испытали и нашли, что легче всего (и предпочтительнее) искоренять страсть тогда, когда она еще только в сердце: в этом случае не перейдет она во взор; если же перешла во взор, то следует остерегаться проявить ее в речи; если же скажешь, то нужно приложить все старания, чтобы удержать себя от дела (греха)³.

Опытные подвижники дают конкретные советы, как побеждать страсти – как все вообще, так и каждую в отдельности.

«Два корня великие и крепкие», помогающие благодатию Божией победить все страсти – это страх Божий и смиренномудрие⁴. Для одоления страстей Господь дал нам заповеди. «Повержение себя пред Богом» с сознанием и повиновением заповедям со смиренномудрием рождает любовь, а любовь рождает безстрастие⁵.

«Мы можем одолеть, с помощью Духа, сокрытые греховные страсти посредством многого моления, горячей веры и совершенного устремления к Богу», – пишет преподобный Макарий. Писание возвещает «полное искупление от страстей для тех, которые, чрез веру и борение, целиком посвятили себя Богу»⁶. Здесь находим одно из оправданий монашества – всецелое посвящение себя Богу имеет следствием совершенное исцеление от греховных страстей, без которого невозможно получить полноту обетований Божиих.

Относительно отдельных страстей отцы дают следующие советы. «Похоть горящую» угашает глад, труд и отшельничество; гнев укрощает псалмопение, долготерпение и милость – но все это должно быть в приличное время и в надлежащей мере⁷. Блудная страсть преодолевается воздержанием чрева и языка, подавляется трудами⁸.

¹ Евагрий. Слово о духовном делании. 6.

Однако кто был автором приводимой многими отцами схемы, подлинно неизвестно; в литературе она впервые встречается у Евагрия; Кассиан ссылается на египетского подвижника Серапиона. С. Зарин считает, что, вероятно, она была плодом аскетического опыта многих отцов (С. Зарин. Аскетизм... С. 312–315).

² Д. п. 10. 131; 11. 4.

³ Д. п. 18. 25.

⁴ Д. п. 11. 113.

⁵ Д. п. 15. 23.

⁶ Великое послание. III, 6; XIII, 11.

⁷ Д. п. 10. 24; Евагрий. Слово о духовном делании. 15.

⁸ Д. п. 5. 9, 11.

Блудной страсти, как особо опасной, старцы уделяют особое внимание¹. Согрешающий против целомудрия грешит против своего тела, тело же наше подобно одежде: если сбережешь ее, она останется в целости, если же не сбережешь – предается тлению².

«Дух уныния» «примешивается» к «печали по Богу», состоящей в сокрушении о своих грехах, о неведении ближнего и о том, чтобы не отпасть от предлагаемой цели. Уныние – это печаль, исполненная неразумия, которую наводит враг. Изгоняется эта страсть преимущественно молитвой и псалмопением³.

От человека требуется «труд и борьба», однако в конечном итоге страсти искореняет благодать Божия. Это особо подчеркивается в аскетических писаниях. Своими трудами невозможно преодолеть старость, но человек должен, совершая посильную службу Богу, возверзать на Него печаль свою (Пс. 54, 23)⁴. «У человека есть желание быть чистым, ... не иметь в себе порока, всегда пребывать с Богом, но сил на это у него нет». «Не дано и невозможно человеку искоренить грех собственною своею силою, – говорит преподобный Макарий. – Бороться с ним, противиться, наносить и принимать язвы – в твоих это силах; а искоренить – Божие дело. А если бы сам ты в состоянии был сделать сие, то какая была бы нужда в Господнем пришествии?»⁵ «В человеческих силах, – продолжает то же св. отец, – отсесть, усердно подвизаясь и борясь, нечистые страсти, обитающие вместе с душой и телом, сделав их бездейственными, но полностью искоренить плевелы страстей, посеянные врагом в человеческую природу, даже и для истинно верующих возможно лишь при помощи силы Божией»⁶.

ХРАНЕНИЕ СЕРДЦА

По причине склонности нашей природы к греху, мы должны иметь особое попечение о своей душе, которое в аскетических творениях отцов называется «хранением сердца», «хранением чувств», «трезвением» или «бодрствованием».

Недостаточно искоренять страсти, важно охранять приобретенное вечное достояние – ибо через собственное нерадение мы часто лишаемся спасения. Отцы учат, что невозможно преуспеть ни в одной добродетели, не имея бодрственности. Лучше сделать мало и сохранить, такое дело твердо; но нет никакой пользы от многого сделанного и не сохраненного⁷.

Если сердце не имеет охранения, то Святой Дух мало-помалу удаляется от души, пока совсем не потеряет она теплоты своей, и враг, истребляя ее расположение к добру, осквернит злом и тело. Видя в человеке «хорошее расположение к Богу», Господь страхом Своим и памятью о муках побуждает подвижника бодрствовать и блюсти себя⁸.

Хранение сердца необходимо, во-первых, потому, что чрез чувства расточается наше «вечное достояние». «Через чувства наши, хотя мы и не хотим того, воры приходят», – говорит блаженная Синклитикия. Чувства подобны окнам, через которые,

¹ См. Д. п. 4. 82.

² Д. п. 5. 43.

³ Д. п. 10. 98.

⁴ Д. п. 5. 43.

⁵ Духовные беседы. 2. 3; 3. 4.

⁶ Великое послание. XIII, 11.

⁷ Д. п. 11. 67, 9, 90.

⁸ Д. п. 11. 73.

когда они открыты, дым входит извне, и дом (душа) не может не закоптиться. Особенно старцы предупреждают относительно языка, слуха и зрения. Так, совершенно невозможно сохранить сердце, если отворена дверь языка¹.

Во-вторых, внешние впечатления, получаемые от чувств, отвлекают от делания Божия, которое сокровенно совершается в глубине души².

Древний патерик дает нам замечательные примеры хранения чувств. Так, авва Элладий никогда не поднимал глаз своих вверх, чтобы посмотреть даже на кровлю церковную, боясь подпасть под власть похоти очес. А один пресвитер скитский, побывав в многолюдной Александрии, не видел иного лица, кроме архиепископа, к которому ходил. Так он хранил очи свои от рассеянности³.

Не только чувства, но и тело нужно хранить от вольности. «Нет страсти (дурного навыка) вреднее вольности; подвижнику не следует быть вольным, хотя бы он и один был в келье», – учат старцы⁴.

Следует остерегаться беспечности – страсти, противоположной трезвению. Нужно «смотреть за собой», замечать всякое поползновение души в страсть и не доводить себя до того, чтобы совесть обличала нас в каком-либо деле⁵. Если не искоренить «сего малого былия, – говорит некий старец, – будет великое болото»⁶.

Опытные подвижники советуют избегать общения с человеком, любящим спорить⁷, и вообще удаляться от всего, что может служить поводом к окрадыванию нашего сердца. Однако одной осторожности во внешнем поведении недостаточно – нужно, чтобы внутренний наш человек бодрствовал. Иначе, впрочем, невозможно сохранить и «внешнего человека»⁸. Важно внутреннее делание и хранение. Имея его, многие, даже живя в шумных городах и занимаясь делами, преуспевают⁹.

Заботливость о хранении сердца приносит подвижнику большую пользу и сторицею вознаграждается не только в жизни будущей, но и в настоящей. «Трезвенное сердце», кроме иных благ, привлекает дар прозорливости от Бога¹⁰.

¹ Д. п. 11. 68, 62.

² Д. п. 11. 63.

³ Д. п. 4. 66.

⁴ Д. п. 10. 11.

⁵ Д. п. 11. 8.

⁶ Д. п. 11. 94.

⁷ Д. п. 11. 59.

⁸ Д. п. 11. 97.

⁹ Например, Д. п. 18. 1.

¹⁰ См., например, Житие преподобного Антония... Гл. 59.

Очерк третий

Невидимая брань

Христианский подвиг, исполненный великого самоотвержения и трудов, обусловлен наличием столь же великих препятствий, воздвигаемых на пути к небу царящим в мире злом. Главные противники человеческого спасения – мир, плоть и диавол. Мир и плоть привязывают к себе посредством страстей; кроме того, в мире есть враг человека – миродержец – и воинство его. Стремление освободиться от связывающего человека зла вызывает сильное сопротивление со стороны князя века сего; на пути в Царство Небесное подвижнику невозможно избежать невидимой духовной брани.

Эта борьба предлежит всякому, приступившему «работать Господу»¹. Она многообразна и соответствует душевному устройению подвижника. Во главе страстей стоят бесы, приводящие их в действие, упорно воюющие с подвижником до самой его смерти. Главные орудия их – помыслы, по которым можно распознать нравы бесовские. Однако лишь стяжавший бесстрастие легко распознает козни врагов; ум же подвижника, еще не очистившийся от страстей, подобен сражающемуся в ночи².

Особенно явная и жестокая борьба ждет подвижников, избравших путь совершенного отречения от мира и всецелого служения Богу. Так, преподобный Антоний Великий, в начале своего подвига встретивший сильнейшее сопротивление со стороны духов злобы, выдержал двадцатилетнюю жестокую брань с ними. «Ненавидник добра завистливый диавол, – пишет свт. Афанасий в «Житии Антония», – видя такое расположение в юном Антонии, не потерпел этого, но как привык действовать, так намеревался поступить и с ним... Взаимная борьба их сделалась приметною и для посторонних...»³.

Собственно подвиг монашеский и состоит в том, чтобы вступить в борьбу с диаволом и силою Божиею одержать в этой брани победу. «Люди мужественные... готовые внимать воле Божией и сознательно идущие узким путем, ведут непрерывную брань с духами лукавства... Они суть... избранные воины Божии... – пишет преподобный Макарий Великий. – Только мужественные и благородные души, презревшие все земное... готовые подчиниться воле Божией... вступают в эту духовную брань». Большинство людей стремятся угождать Богу лишь внешним деланием, т. е. телом. «Но человеку Божию следует подвизаться и мыслию, и помыслами, и внутренним сокрытым произволением. Это и есть истинная борьба души пред лицом Божиим с незримыми помыслами, внушаемыми лукавыми силами»⁴.

В «Древнем патерике» рассказывается, как некий старец показал искушаемому брату «множество демонов, находящихся в волнении и шумящих, как бы готовящихся к сражению» на западе; на востоке же – «бесчисленное множество Ангелов преславных» и пояснил, что первые «воздвигают брань на нас», вторые же «посылаются от Бога на помощь святым», и – «больше тех, которые с нами, чем тех, которые против нас»⁵.

¹ Д. п. 10. 33.

² Евагрий. Слово о духовном делании. 34, 36, 43, 83.

³ Житие преподобного отца нашего Антония... Гл. 5.

⁴ Прп. Макарий Египетский. Духовные беседы. 53. 6, 8, 13.

⁵ Д. п. 18. 18.

Монах – это «боец духовный». Начальник брани – Бог, подающий нам победу, противник – супостат наш диавол. Брань эта трудна и опасна, так что не удивительно, если кто-то, оставляя поле брани, уходит обратно в мир; напротив, достойно удивления, когда кто-то «возмог убежать от уст врага». В этой трудной и опасной борьбе невозможно победить своей силой и никаким в мире оружием, – но лишь уповая на помощь Божию¹.

«В МИРЕ ЕСТЬ САТАНА»

Всякий христианский подвиг, даже самый незначительный, но многоценный в очах Божиих, не остается незамеченным и врагом спасения человеческого диаволом. Последний никогда не оставляет подвижника своей «заботой», присутствием и вниманием. Так, авва Макарий однажды видел сатану в его обычной заботе: он шел «навещать братию», неся им «пищу» на любой вкус и весьма огорчился, когда не нашел себе среди них «приятелей»².

Когда некий неразумный герой «Древнего патерика» помыслил о себе, что он «умер миру» (казалось бы, конец подвига), старец ответил ему: «Ей, брат, если ты говоришь, что умер миру, то сатана не умер»³. Если чистота, свобода от страстей достижима в большей или меньшей мере в этой жизни, то духовная брань не оставляет подвижника до самой смерти и даже по смерти (мытарства⁴), потому что бессмертен «сопротивник наш диавол».

Встречи с демонами были столь часты и даже обычны среди подвижников, что преподобный Антоний, например, подробно описывает многообразные их явления, бывшие ему, и наставляет учеников, как вести себя с ними в тех или иных случаях; также описывает их внешний вид, который они обычно принимают, становясь видимыми, особенно убеждая учеников приобретать «дарование различения духов»⁵.

Сатана всегда преследовал стремящихся угождать Богу, теперь же (говорит один из авторов «Древнего патерика») еще более, ибо время его близко, и он приходит в смятение. Он препятствует человеку во всяком добром деле, вводит ум в нерадение, когда предаем себя на служение Богу. Всегда желая гибели человеку, демоны обольщают не только грешников, но и людей, истинно мудрствующих и благочестно живущих, из зависти к ним, часто предлагая греховные помыслы под видом благочестия, – ибо иначе, как вследствие прельщения демонского, праведнику невозможно впасть в преступление. И чем более успеваешь подвижник, тем с сильнейшими встречается противниками⁶.

Собственно, «вся усердная брань супротивника направлена только на то, чтобы отвлечь ум от памяти о Боге, от страха Божия и от любви к Господу. Поэтому он использует всяческие земные обольщения, чтобы увести человека от подлинного блага к тому, что лишь кажется им»⁷.

¹ Д. п. 7. 56; 10. 33.

² Д. п. 18.14.

³ Д. п. 11. 76.

⁴ О воздушных мытарствах, проходимых душой по смерти, было откровение преподобному Антонию (Житие преподобного Антония... Гл. 65).

⁵ Житие преподобного Антония... 38–41, 51–53.

⁶ Д. п. 15. 60; 7. 7; 10. 127; 5. 44; 10. 102.

⁷ Прп. Макарий Египетский. Великое послание. VII. 9.

Демоны окружают человека, подобно рою пчел, «кружась около него и скрежеща на него зубами, Ангелы же Божии отгоняют их»¹. Когда человек в беспечности, то и демоны беспечны к нему. Восстают же против восстающего против них и принимающегося за дело Божие. Видя душу, восходящую горе и приближающуюся к Богу, враги, иссушаемые завистью, негодуют².

Как действуют демоны в этой борьбе?

Они окрадывают наше душевное богатство чрез чувства, возбуждая греховные страсти. Приходя отвне, производят волнение изнутри, «посеявая помыслы». Враг омрачает очи сердца и тогда уже унижает человека во всяком грехе; однако он не может уловить того, у кого просветились очи сердца³. Демоны могут действовать и непосредственно на наши сердечные и телесные чувства, «двигая и унося помыслы, колебля глубины сердца, к своей склоняя воле, и в служении ей рассеивая помыслы»⁴; могут отягощать душу или лишать ее мира и покоя⁵. Так, в борьбе с преподобным Антонием враг «возбуждал в уме его сильную бурю помыслов, желая отвратить его от правого произволения... влагал нечистые помыслы... приводил в раздражение члены... принимал на себя женский образ и во всем подражал женщине, только бы обольстить его»⁶. Иногда демоны являются в виде Ангелов, и даже в виде Самого Христа⁷.

Сатана губит нас через нас же самих и не без нас, подобно как и Бог спасает нас не без нашего участия. Он – «плетец кошниц»: сколько дашь ему концов, столько он и плетет⁸. «Войти» он может только тогда, когда будет принят. Авва Евагрий указывает, что бесы не знают наших внутренних помышлений – проросло ли посеянное ими, а узнают о внутреннем состоянии души по внешним признакам: произнесенному слову, движению тела. Ум же наш знает один Бог, сотворивший нас, и «Он не нуждается во внешних признаках для того, чтобы ведать сокровенное в сердце нашем»⁹. Преподобный Антоний Великий, описывая нравы и образ действий демонов, замечает: «Они какими нас находят, приходя к нам, такими и сами делаются в отношении к нам; и какие мысли в нас находят, такие и привидения представляют нам»¹⁰.

Диавол не перестает, бросая в нас всякую нечистоту, подобно неприятелю, осаждающему дом. Наше же дело – принять или не принять. Надо первое, что он ввергает, понемногу выбрасывать, чтобы дом оставался чистым – иначе он наполнится нечистотами, и Духу Святому невозможно будет войти туда¹¹.

Враг «имеет обыкновение осквернять и пачкать грязью заповедь Божию», – поясняет преподобный Макарий Великий, – но если мы исполняем ее в чистоте

¹ Д. п. 18. 39.

² Д. п. 11. 115, 116.

³ Д. п. 11.68; 10,46; 11.102.

⁴ Прп. Макарий Египетский. Беседа 43. 9.

⁵ Д. п. 10. 62; 7. 9.

⁶ Житие преподобного Антония... Гл. 5.

⁷ Д. п. 10. 126; 15. 83; 15. 85.

⁸ Д. п. 11. 100.

⁹ Слово о духовном делании. 47.

¹⁰ Житие преподобного Антония...

¹¹ Д. п. 11. 110.

сердечной, в страхе Божиим, с усердием и в любви к Богу, то такое исполнение заповеди освящается, и мы «оказываемся вне пределов власти лукавого»¹.

От демонов происходят многие откровения, поэтому надо быть бдительным и иметь рассуждение², не следует их слушать, хотя бы они по видимости говорили и правду или возбуждали нас на доброе.

«И какая нам от их откровений польза?.. – замечает преподобный авва Антоний. – Такое предведение... не составляет добродетели и, без сомнения, не служит доказательством добрых нравов... Нам надо... подвизаться и трудиться не для того, чтобы предугадывать, но чтобы доброю жизнью угодить Богу. Надобно молиться не о том, чтобы иметь предведение... но просить Господа, чтобы Он споспешествовал нам в победе над диаволом»³.

Рассуждение нужно иметь и для того, чтобы не принять свои хотения, мучащие нас, за действия демонов⁴. Неразумно винить демонов в том, что они препятствуют нам делать добро, ибо Господь сказал: се даю вам власть наступати на змию и на скорпию, и на всю силу вражию (Лк. 10,19)⁵. Власть же эта дается душе, «действительно отрешившейся от мира, то есть оторвавшейся от себя всякую порочность»; такая душа «не дает уже диаволу никакого доступа внутрь себя»⁶. Также для подвижника важно распознавать присутствие добрых Ангелов или злых демонов. Признаки явлений тех и других подробно описывает преподобный Антоний⁷.

Господь попускает невидимую брань особо ревностным инокам для их усовершеня, чтобы научить познанию своей немощи, учит их «не уповать на свое житие, а всегда прибегать к помощи Божией»⁸. Он Сам подает им необходимые орудия и силы для этой борьбы и неотступно помогает им⁹.

Попуская врагу искушать подвижников, Господь испытывает твердость их произволения и мужество. «Здесь пребывал я, Антоний, – отвечает Господь изнемогшему от борьбы преподобному Антонию Великому, – но ждал, желая видеть твое ратоборство; и поскольку устоял ты и не был побежден, то всегда буду твоим помощником...». Иногда, возбуждая усердие к большим трудам, Господь утешает ратоборцев и горними видениями¹⁰.

Среди орудий против духовного врага св. отцы указывают, прежде всего, на смирение. Это орудие действует «безотказно»: диавол всегда побеждается смирением. Смирение пожигает демонов и дает подвижнику власть над ними. Имеющий смирение смиряет демонов, не имеющий же смирения осмеивается ими¹¹.

Смирением обличается коварство демонов. «Не к другому ли ты послан? Ибо я не достоин видеть Ангела», – говорит явившемуся в виде Ангела демону один

¹ Великое послание. VII. 8.

² Д. п. 10. 2.

³ Житие преподобного Антония... Гл. 33, 34.

⁴ Д. п. 10. 87.

⁵ Д. п. 10. 91.

⁶ Жизнь пустынных отцов, 1, с. 11.

⁷ Житие преподобного Антония... Гл. 35–37.

⁸ Лавсаик. 27.

⁹ Д. п. 5. 10.

¹⁰ Житие преподобного Антония... Гл. 10, 13.

¹¹ Д. п. 15. 38, 68, 80, 42.

благоразумный брат. Другой брат отвечает в таком случае: «Я, живущий в грехах, недостоин видеть Ангела»¹.

Поскольку явления демонские были весьма часты, между иноками существовало следующее правило. «Кто бы ни пришел к ним, мужчина или женщина, старец или юноша, незнакомец или знакомый – прежде всего да сотворят молитву и призовут имя Божие. Чей бы образ ни принял на себя сатана, тотчас, по молитве, он исчезнет»².

Зная коварство диавола, следует быть осторожными относительно видений. «Как некоторые говорят, что мы видим видения Ангелов?» – спрашивает брат. «Блажен тот, кто всегда видит грехи свои», – отвечает старец. Видение грехов своих – это единственное несомненно истинное благодатное видение³.

Также опасно тщеславие, ибо оно отнимает у нас охранение Божие, и мы погибаем. Даже и во время мира, когда мы не имеем брани, не следует возноситься, а еще более смиряться⁴.

Другим орудием против врага является терпение. Демоны часто досаждают подвижникам помыслами (например, внушая оставить келью, развлечься, словом, отвлекая от дела Божия). В этом случае терпение с рассуждением – главные орудия против них⁵. Демоны нападают на нас, потому что мы отвергли от себя средства, данные нам для противостояния им – смирение и терпение, а также нестяжательность и др.⁶

Третье главнейшее орудие против демонов – обращение («прибегание») к помощи Божией в молитве⁷. За труд, преимущественно молитвенный, по слову преподобного Макария, нам даруется от Бога сила, превышающая наше естество и неприступная для враждебной человеку силы. Имея эту силу Божию, мы можем противостоять опасным козням диавольским⁸. Святой Аммон также указывает на то, что стяжавших эту силу боится сатана⁹. Сила эта именуется благодатью Божией.

Молитва полезна даже тогда, когда произносится без сердечного сокрушения: ибо если мы и не знаем силы наших слов, то демоны слышат их и отступают от страха. Молитвы (особенно псалмы) отгоняют от души лукавых духов, вселяя в нее Святого Духа¹⁰.

Щит против демонов – бесстрашие. Ибо диавол не иначе закрадывается к нам в сердце, как чрез какую-нибудь порочную склонность или нечистое желание¹¹. Душа не должна увлекаться греховными страстями и работать им, но всегда иметь дело Божие внутри себя – тогда враг не найдет себе в ней места. Наоборот, когда человек делается пленником врага, покорившись какой-либо страсти, то Дух Божий не находит себе в нем

¹ Д. п. 15. 83, 84.

² Жизнь пустынных отцов. 1. 24.

³ Д. п. 15. 105.

⁴ Д. п. 15. 82.

⁵ Д. п. 7. 53; 11. 105.

⁶ Д. п. 15. 72.

⁷ Д. п. 11. 110.

⁸ Великое послание. IV, 2.

⁹ Послание 2. 1.

¹⁰ Д. п. 5. 35; 11. 32.

¹¹ Жизнь пустынных отцов. 1, с. 11.

места и удаляется¹. Если человек всегда имеет перед очами своими Бога, то сила Божия пребывает с ним, и враг не может утратить его².

«При пришествии Господа враг пал и силы его изнемогли... – говорит преподобный Антоний Великий. – Потому они бессильны и не могут ничего более сделать, как только угрожать... По мере нашего преспеяния они сами изнемогают... Сильное орудие на них – правая жизнь и вера в Бога»³.

Тем же, кто претерпел великую брань и с помощью Божией вышел в ней победителем, даруется «великая благодать на демонов»⁴.

ПОМЫСЛЫ

Сатана воюет против святых преимущественно тем, что «сеет помыслы»; при этом он предлагает помыслы греховные, нечистые, лукавые, злые (ибо иных не знает)⁵.

Демоны, «желая воспрепятствовать нашему восхождению туда, откуда они ниспали... – говорит преподобный Антоний Великий, – прежде всего, предпринимают и покушаются положить на пути соблазны; соблазны же их – лукавые помыслы...»⁶. Брань их бывает многообразна. Авва Евагрий указывает, что «с мирскими людьми бесы ведут брань больше посредством вещей, с монахами же – преимущественно посредством помыслов... И насколько легче согрешить в мысли, чем на деле, настолько тяжелее брань мысленная брани, возникающей через вещи»⁷. Помысл вражий действует, как правило, не непосредственно на ум человека, но, возбуждая «страстную часть души, омрачает ум». Такое искушение является особенно монашеским; согласие на греховный помысл является для монаха грехом⁸.

Если страсти гнездятся в области пожеланий человека, то помыслы относятся к его мыслительной способности, к уму. Между теми и другими имеется некоторое взаимное соответствие, однако на вопрос о том, страсти ли порождают помыслы, или, напротив, помыслы являются причинами возбуждения страстей, св. подвижники не дают однозначного ответа. Вероятно, имеет место и то, и другое⁹. «Мысль приводит в движение страсти, или страсти – мысль?» – вопрошает авва Евагрий, и сообщает, что некоторые склоняются к первому мнению, а некоторые – ко второму¹⁰.

Существует множество помыслов (которые «воздвигают» ум человека), возбуждающих какую-либо страсть (например, тщеславие); вместе с тем один и тот же помысл может возбуждать разные страсти или сразу несколько страстей. С другой стороны, как замечает Иоанн Ликопольский в повести Руфина, «пустые и вредные

¹ Д. п. 10. 155.

² Д. п. 11. 92.

³ Житие преподобного Антония... Гл. 27, 28, 30.

⁴ См., например, о Моисее Ефиопляине в Лавсаике, 21.

⁵ Д. п. 10. 7 и др.

⁶ Житие преподобного Антония... Гл. 22, 23.

⁷ Слово о духовном делании. 48.

⁸ Там же. 74, 75.

⁹ Д. п. 5. 32.

¹⁰ Евагрий. Слово о духовной делании. 37.

По определению святого Иоанна Дамаскина, «страсть есть возбуждающее чувство движение желательной способности, вследствие представления блага или зла». (Цит. по: Зарин С.М. Аскетизм по православно-христианскому учению. С. 238.) Святитель Григорий Нисский говорит, что причина всякой страсти, начало ее – «худое делание ума»; все страсти произрастают из худого делания ума (Там же. С. 242).

помыслы» произрастают из корней, которые суть похоти, или нечистые склонности, или желания, противные воле Божией (то есть греховные страсти); о том же говорит и пресвитер Диоскор, указывая, что нечистые помыслы рождаются из нечистых пожеланий, которыми занята душа¹. Поэтому иногда говорят о «помыслах тщеславия, ненависти, кичливости ... зависти, любоначалаия»².

Авва Евагрий различает две ступени преуспевания подвижника: делание и ведение, соответствующие страстной и разумной частям души. Делание имеет целью достижение бесстрастия и пределом его является любовь, ведение же ведет к богословию (созерцанию). Также различаются и демоны, «докучающие» страстной и разумной частям души. Страсти по мере подвижничества искореняются, и «некогда произойдет совершенная гибель их», предела же ведения, по мнению большинства св. отцов, не существует. Когда побеждены страсти, тогда духовная брань «приготавливает подвижника ... уже к созерцанию»³.

Помыслы – это, с одной стороны, нечто внешнее душе человека. Злые помыслы «посеваются» в душу человека, и, если находят в ней благоприятную почву, прорастают в греховные страсти и дела. Поэтому, чтобы очистить душу от страстей, следует оставить не только греховные дела, но, прежде всего, самые помышления о них⁴.

Так же посеваются и добрые мысли – но те от Ангелов и произрастают в добродетели и добрые дела. Отличаются помыслы ангельские от помыслов, внушаемых бесами, тем, что за первыми следует мирное состояние души, а за вторыми – состояние смятения. Поэтому, замечает авва Евагрий, «невозможно противостоять помыслам, внушаемым Ангелами, но возможно отвергнуть все помыслы, внушаемые бесами»⁵.

С теми помыслами, которым подвижник «работал» в миру, бывает самая большая брань; и чем более греховную жизнь вел человек, тем большая, как правило, предстоит брань⁶.

С другой стороны, помыслы «присущи» душе, порождаются душой. Говорят о «внутренних помыслах», отличая их от «внешних приражений духов». Душа должна собирать свои помыслы, рассеиваемые грехом, повсюду блуждающие, как мать своих детей; непрестанно сосредоточивать их в искании и ожидании единого Господа⁷. В этом и состоит узкий путь к Богу.

Лукавые помыслы бывают причиной «гнева Божия», удаляют нас от Бога⁸. «Уловленный помыслами» (например, превозношения) подвижник лишается благодати Божией⁹.

Наоборот, добрыми помыслами мы приближаемся к Богу. Божественные помыслы соделывают человека подобным божественному огню¹⁰.

¹ Жизнь пустынных отцов. 1, 20.

² Прп. Макарий Египетский. Великое послание. III, 7.

³ Слово о духовной делании. 36, 84, 87.

⁴ Д. п. 10. 120.

⁵ Слово о духовном делании. 80.

⁶ См. например, о Моисее Эфиоплянине (Лавсаик. 21), или о брате покаявшемся (Лавсаик. 40).

⁷ Д. п. 11. 69, 47.

⁸ Д. п. 11. 65, 103.

⁹ Лавсаик. 47.

¹⁰ Д. п. 15. 59.

Однако иногда и нечистые помыслы могут служить нам во благо, будучи «покровом Божиим» нашего малого добра. Так бывает, когда мы видим во всяком деле только то, что осуждает нас и, порицая себя, не погубляем труда своего¹.

В человеке помыслы имеют «седалищем», или «жилищем» сердце. Они проникают в сердце, как и исходят из сердца (Мф. 15,19). Приходящие «извне» помыслы бывают добрые (ангельские) и злые (демонские), однако подвижнику, находящемуся еще лишь на пути к совершенной чистоте, преимущественно приходится иметь дело с помыслами, посеваемыми врагом.

Мы не можем воспрепятствовать помыслам приходить к нам, и поэтому нет нашей вины в том, что помышления входят в нас. Но наше дело – противостоять злым помыслам, поэтому, если мы во зло употребляем их, то тем бываем повинны суду².

Вражеские помыслы «стоят вне» и «воюют» против нас и, если не затворены «двери души», проникают в сердце³. «Двери души» – это страсти. Сатана сеет разнообразные помыслы – блуда, злословия и другие, не зная ни того, какой стрелой может быть побеждена душа, ни того, пожнет ли он⁴. Ему неизвестно, через какую «дверь» войдет в человека соблазняющий на грех помысл. Часто бывает, что помыслы входят свободно, не встречая никаких препятствий. Это случается тогда, когда мы вовсе и не замечаем их и не боремся с ними, а поступаем по ним⁵. Борьба же с помыслами свидетельствует о том, что страсти, хотя и не побеждены в человеке, – однако обузданы⁶.

Дело собственно подвижническое состоит в различении помыслов – принятии добрых и отвержении злых⁷. «Господь требует, чтобы ты вел брань с умом своим, не соглашался на порочные помыслы и не услаждался ими», – говорит прп. Макарий Великий⁸. Когда мы принимаем «супротивные помыслы», замечает авва Евагрий, то тем «оставляем Владыку и Бога и идем навстречу с нечистыми демонами», от чего огорчаются Ангелы, охраняющие нас⁹.

Опытные подвижники, испытанные в духовной брани, предлагают разнообразные способы борьбы со злыми помыслами.

¹ Д. п. 15. 96.

² Д. п. 10. 79, 117.

³ Д. п. 11. 95.

⁴ Д. п. 10. 46.

⁵ Д. п. 5. 5.

⁶ Д. п. 10. 18.

⁷ Д. п. 8. 31.

Сущность нравственного зла, по учению преподобного Макария Египетского, именно в том и состоит, что люди по собственной воле уклонились от «достоющего помысла». Уклонение это, собственно, состояло в том, что со времени Адамова преступления помыслы души, отторгшись от любви Божией, рассеялись в этом мире и смешались с помыслами вещественными и земными. Душа, не причастная Божественной благодати, наполняется лукавыми помыслами. Делание собственно подвижническое состоит в том, чтобы прилагать всё старание для того, чтобы «противиться лукавым помыслам», отличая естественные помыслы от лукавых, чтобы «непрестанно упражнять и возделывать с разумением ум и помыслы, соглашая их с волею Божией, а хотений [злых] помыслов не исполняя». С другой стороны, и «Дух Святой руководит душой именно посредством достойных души помыслов». Вот почему дело это столь важно и считается вершиной всякого делания. «Некоторые бывают внимательны к помыслам и весь подвиг совершают внутренно», – пишет преподобный Макарий (Зарин С.М. Указ. соч. С. 244–248).

⁸ Прп. Макарий Египетский. Духовные беседы. 3. 3.

⁹ Евагрий. Слово о молитве. 81.

Прежде всего, надо хранить чувства, ибо воспринимаемые через чувства впечатления («услышанное прискорбное слово») могут быть причиной борьбы с помыслом. Не следует «совершать» помыслы телесно, т. е. исполнять их на деле – тогда они со временем «истлевают и исчезают, подобно одежде в оставленном без присмотра сундуке». Нужно следить за тем, чтобы не «подавать руки» нечистым помыслам и пожеланиям, рождающимся в сердце, и не услаждаться ими – и они пройдут. Худые помыслы исчезают от терпения, подобно тому как змий и скорпий, закрытые в сосуде, со временем издыхают¹.

Особое значение в борьбе с помыслами имеет добродетель рассудительности. Каждый должен определить свою меру подвига: одним следует отсекаать помыслы тотчас же, чтобы не оскверниться (тем, которые имеют «малые меры»), другие (имеющие «большие меры») могут заниматься помыслами, но не покоряться им; старцы же, опытные в духовной брани, могут легко посмеяться над помыслами². От помыслов можно потерпеть кораблекрушение, и от них же можно получить венец. Терпение в противоборстве помыслу исходатайствует подвижнику венцы³.

Лукавые помыслы «бегут» всякой добродетели, особенно же смиренномудрия и скорби о грехах; последние не только изгоняют из души всякий демонский помысл, но и «питают ее собственно собою и от святых добродетелей»⁴.

В «Лавсаике» есть замечательный рассказ аввы Иоанна о падшем и покаявшемся брате⁵. Брат, преуспевая в подвижничестве, «забыв все добровольно, всё желание свое устремил к Богу, в ожидании часа, когда возван будет от сего мира; питался же более всего сладостию видений и надежд», и Ангел ежедневно приносил в подкрепление его телесных сил чистый хлеб. Однако «душа его захотела покоиться, ум его пал долу, и помыслы стали блуждать», постепенно он утратил прежний навык – и лишился небесного хлеба. Господь привел его к покаению, однако, быв прощен, он мог теперь питаться лишь пищей человеческой.

Приходящие нечистые и вредные помыслы «устрашает» страх Божий. Он подобен огню, пожигающему их, как тростник. Таково же действие и воспоминания о смерти и суде⁶.

Опытные подвижники, видящие приходящие к ним злые помыслы (образом подобные диким зверям), спасались от них, прибегая к Богу с молитвой⁷. Вообще молитва – главное орудие в борьбе с помыслами. «Когда вражеский помысл приступает к сердцу, – не иное что взыскивай, как молитву, на врага же изострай меч слез», – учат св. подвижники. В духовной брани важно всегда ум возводить горе, для чего рекомендуется изучать наизусть Евангелие и другие писания. Когда же приходит помысл, не обращать внимания книзу (занимаясь им), а всегда вверх (взывая о помощи к Богу), и помощь тотчас придет⁸.

¹ Д. п. 10. 47, 57, 56, 58.

² Д. п. 7. 13; 4. 84; 10. 107; 7. 11.

³ Д. п. 10. 117; 7. 50.

⁴ Д. п. 15. 22.

⁵ Гл. 41.

⁶ Д. п. 3. 4, 8; 11. 111.

⁷ Д. п. 11. 38.

⁸ Д. п. 18. 14.

«Желающий всегда избегать помыслов лукавого и избавляться от них, – учит преподобный Макарий Египетский, – должен обрести приют и убежище в Господе, беспрестанно помнить о Боге и доверять Ему», должен стараться, чтобы «ум находился превыше мира сего»¹.

Во время искушения, чтобы отогнать находящиеся помыслы, кроме молитвы, рекомендуется пост; полезно также благодарение². Для того же, чтобы совершенно «очиститься от всякой горечи лукавого», монахи прибегали к Телу и Крови Господа нашего Иисуса Христа³.

Особо следует сказать о помыслах хулы и блуда.

Первый никогда не происходит от человека, но от самого зложелателя; против него единственное средство – молитва с крестным знаменем⁴.

Второй – излюбленное орудие врага. Низложить монаха в любодеевание – великое дело в очах диавола, превосходящее все другие. Поэтому душа подвижника всегда должна быть «готова против демона блуда» подобно тому, как оруженосец стоит перед царем⁵.

Демоны часто действуют против подвижников через женщин. Они представляют соблазнительные образы даже тем, кто в жизни никогда не видел их. Так, в «Древнем патерике» рассказывается, что демоны ночью представили женские образы юноше, воспитанному в монастыре с младенчества и не знавшему, что такое женщина⁶.

Блудная брань бывает мучительной и продолжительной. Бывали случаи, когда монах отрекался от обетов монашеских ради вожделения, и за это благодать отступала от него. Другие же страшно мучили себя, чтобы «огорчить помысл», и лишь тогда прекращалась борьба⁷.

Блудная брань часто бывает следствием услаждения помыслами, когда монах, оставляя заботу о том, чтобы Бог обитал в нем, делает из себя чуждый сосуд, предавая свой ум действию диавола. Бывает это по причине беспечности, по невниманию к себе⁸.

Не быть возмущаемым блудным помыслом – выше природы, но можно противостоять ему. Мужественно подвизающиеся побеждают его⁹.

Как победить блудный помысл? Прежде всего, не следует предаваться ему (услаждаться им), когда он возникает в нас. Если мы не будем предаваться ему, но будем «отрывать его от себя», то он легко сокрушится; если же будем услаждаться им, то, «превратившись, он делается железным и сокрушается с трудом». Предающимся ему нет надежды спасения, а непредающимся предстоит венец¹⁰.

Подвижник – только борец в этой брани, победителем же является Бог. Побеждается помысл блуда, прежде всего, терпением и призыванием помощи Божией.

¹ Духовные беседы. 53. 16.

² Д. п. 4. 50; 11. 2.

³ Д. п. 18. 24.

⁴ Д. п. 10. 61.

⁵ Д. п. 5. 42, 7.

⁶ Д. п. 2. 10; 5. 27, 40, 24.

⁷ Д. п. 5. 15, 17, 41, 25.

⁸ Д. п. 5. 22, 41, 20.

⁹ Д. п. 5. 34, 22, 39.

¹⁰ Д. п. 5. 36.

Блудная брань прекращается по усиленной молитве Церкви. Содействует подвижнику в этой борьбе пост и всякое стеснение телесное¹.

Если же по нерадению и беспечности подвижника мысль «навыкнет срамному помыслу», то отлучить от него душу можно, «положив на мысль горечь – память о смерти и мучениях в будущей жизни»².

Наконец, ничто так не огорчает демона блуда, как открытие дел его, и ничто так не радуется, как угадание помыслов. Добродетели и молитва старцев освобождают от искушения³.

Борясь с блудным помыслом, подвижники прибегали к прямому исполнению евангельской заповеди: «уне бо ти есть, да погибнет един от уд твоих, а не все тело твое ввержено будет в геенну огненную» (Мф. 5, 29–30). Так, один старец, молясь, сжег все свои пальцы на свече, не чувствуя боли от разжжения похоти⁴.

Как ни тяжела брань, однако терпение страданий приносит добрый плод. Преуспевающие монахи просят Господа о даровании терпения переносить искушение, а не об облегчении борьбы⁵.

Падшие же в блудной брани находятся в отчаянии спасения. Восстать возможно лишь усиленными подвигами со слезами. Великое значение в этом имеют молитвы святых, ради которых Бог принимает покаяние⁶.

Сущность нравственного зла, по учению преподобного Макария Египетского, именно в том и состоит, что люди по собственной воле уклонились от «достоюльного помысла». Уклонение это, собственно, состояло в том, что со времени Адамова преступления помыслы души, отторгшись от любви Божией, рассеялись в этом мире и смешались с помыслами вещественными и земными. Душа, не причастная Божественной благодати, наполняется лукавыми помыслами. Делание собственно подвижническое состоит в том, чтобы прилагать всё старание для того, чтобы «противиться лукавым помыслам», отличая естественные помыслы от лукавых, чтобы «непрестанно упражнять и возделывать с разумением ум и помыслы, соглашая их с волею Божией, а хотений [злых] помыслов не исполняя». С другой стороны, и «Дух Святой руководит душой именно посредством достойных души помыслов». Вот почему дело это столь важно и считается вершиной всякого делания. «Некоторые бывают внимательны к помыслам и весь подвиг совершают внутренно», – пишет преподобный Макарий (Зарин С.М. Указ. соч., с. 244–248).

ВРАЧЕВСТВО ПОКАЯНИЯ

Цель дьявола – низвергнуть подвижника в грех. Коль скоро он в этом преуспел, для поверженного нет иного средства восстать, кроме покаяния. Падшего подвижника оставляет Дух Божий, от него отступает благодать, которую возвращает лишь принятое Богом покаяние. Особенно ценны пред Богом труды покаяния, разделенные по любви⁷.

¹ Д. п. 5. 14, 13, 17, 34.

² Д. п. 5. 33.

³ Д. п. 5. 16, 41.

⁴ Д. п. 5. 40.

⁵ Д. п. 5. 23, 7. 12.

⁶ Д. п. 5. 32, 27, 41.

⁷ Д. п. 5. 44; 9. 16.

Падшего по обольщению диавола подвижника враг далее стремится повергнуть в отчаяние и еще большие грехи (например, самоубийства). Противиться этому вражьему действию можно лишь по милости Божией: ради покаяния и слезной молитвы Бог выводит из бездны отчаяния и возвращает Свою милость¹.

Покаяние столь многоценно пред Богом, что Господь награждает воспринявшего таковое и иными, явными дарами. В древности, когда Иисус Навин пал ниц, ему явился Бог. История христианского подвижничества знает множество подобных примеров. Так, по молитве диакона, принесшего истинное покаяние, потекла остановившаяся в реке вода².

Господь принимает покаяние падшего по свойству Божественной любви. Подобно тому, как человек шадит свою одежду, – «тем паче Бог не пощадит ли Свое творение»? «Кто заповедал людям прощать, не Сам ли более исполнит» эту заповедь в отношении к согрешившему и обратившемуся человеку?³

Различно покаяние падшего и восстающего христианина и покаяние человека, лишь обратившегося от греховной жизни к богоугождению. Последнее – подвиг несравненно труднейший, ибо подвижник, впадший в искушение, имеет навык добродетельной жизни и, покаявшись, скоро успеет⁴. Обращающемуся же ко Христу предстоит жестокая борьба.

Авва Иоанн в «Лавсаике»⁵ рассказывает о брате покаявшемся. Демоны искушали его, говоря ему: «Где тот нечестивец, пресыщенный любострастием? Он, теперь негодный для нас, явился целомудренным и добрым, и хочет быть благонравным христианином, когда уже не может...». Претерпев жестокую брань, брат этот достиг чистоты добродетельной жизни и был прославлен от Бога знамениями и чудесами.

Обратившиеся от греховной жизни и принявшие на себя подвиг покаяния (иногда тяжело до этого момента согрешавшие и приведенные к покаянию особым промыслом Божиим) часто получают от Бога дар удивительных чудотворений. Господь так награждает их для того, чтобы всем окружающим очевидна была благодать, даруемая истинно покаявшимся, в которой явлена любовь Божия к падшему Своему творению, для прославления имени Божия⁶.

Каким должно быть истинное покаяние? Покаяние должно исходить от всего сердца, с условием совершенного оставления греха, должно свидетельствоваться делами. Так, например, девица покаявшаяся оставила не только греховную жизнь, но и все свое имение, и всецело доверилась старцу. Для такого покаяния не нужно долгого времени и трудов⁷.

Образы покаяния могут быть различны. Так, один брат, принявший образ покаяния, думал о зле, которое сделал, и о муке, в которую должен идти, и от страха лицо его сделалось печальным. Другой же благодарил Бога, что Он, даровав покаяние, исторг его от

¹ Д. п. 5. 44.

² Д. п. 5. 71, 29.

³ Д. п. 10. 162, 60.

⁴ Д. п. 5. 21.

⁵ Гл. 40.

⁶ См., например, повесть о Патермуфий // Жизнь пустынных отцов. Гл. 9.

⁷ Д. п. 10. 55; 13. 17.

нечистоты мира и от будущего мучения и возвратил к ангельскому жительству; помня о Боге, он радовался. Их покаяние оказалось равным пред Богом¹.

МЕСТО ДУХОВНОЙ БРАНИ

Демоны часто внушают подвижнику мысль оставить место своего подвига². По их действию монах испытывает тесноту души, и это побуждает его последовать их совету. Часто ради той же цели демоны часто возбуждают монаха на благие дела³.

Вражеский помысл, заставляющий инока выйти в мир, бывает мучительным, подобно блудному, и борьба с ним бывает продолжительной. Главное же средство в этой борьбе – терпение⁴.

Место подвига инока – келья. Убеждая братий не оставлять кельи во время искушения, авва Евагрий указывает, что самым тяжелым из нападающих на находящегося в келье подвижника бесов является бес уныния, который зато «делает душу весьма испытанной; избегать же таких борений – значит научить ум быть неискусным, робким и склонным к бегству»⁵.

Коль скоро внушить демоны могут только то, что губительно для человека, нужно «испытывать помыслы» и «иметь силу над ними»⁶. Зная козни дьявола, старцы удерживают новоначальных следовать их внушениям. «Ешь, пей, спи, только кельи своей не оставляй», – говорит искушаемому брату авва Арсений. «Отдай в залог тело твое стенам кельи... – говорит другой старец, – только тела своего не выпускай из кельи»; «лучше сделай себе утешение в келье и не слушай помысла»⁷.

Какое же благо хотят отнять у подвижника демоны, внушая этот помысл, и в какое зло повергнуть? Из самой напряженности указанной брани с врагом очевидно, что пребывание в келье – великое благо для монаха. Келья – это необходимая среда его обитания; оказываясь вне кельи, он гибнет, как рыба, выброшенная на берег⁸. Келью также уподобляют Вавилонской печи, где «три отрока нашли Сына Божия», и столпу облачному, откуда Бог говорил с Моисеем. Келья может всему научить подвижника. Терпение в келье приводит его в должный порядок. Если монах постоянно пребывает в келье ради Бога, мысли его, хотя на время и рассеиваются, но потом возвращаются к нему.

Переходящий с места на место монах, подобно дереву, часто пересаживаемому, не может принести плода. Подобно тому, как яйца делаются бесплодными, когда птица часто поднимается с них, такой монах охладевает и умирает для веры⁹. А монах, надолго оставляющий келью или пребывающий с мирскими людьми, делается неспособным к подвигу безмолвия¹⁰.

¹ Д. п. 5. 37.

² Д. п. 7. 43, 46. См., например, в «Лавсаике» о Нафанаиле (17).

³ Д. п. 10. 158; 7. 21, 32.

⁴ Д. п. 7. 46.

⁵ Евагрий. Слово о духовном делании. 28.

⁶ Д. п. 10. 158; 7. 32.

⁷ Д. п. 7. 32, 43; 10. 158.

⁸ Д. п. 2. 1. Срав. в «Житии преподобного Антония...», гл. 85. Вероятно, «Житие преподобного Антония...» является источником этой апофтегмы.

⁹ Д. п. 7. 41, 22.

¹⁰ Д. п. 2. 1.

«Седение в келье» символизирует нахождение внутри себя, которое и является целью внешнего ограничения. В этом смысле внешнее второстепенно: и в келье Бог, и вне кельи – тот же Бог¹. Вместе с тем «седение в келье» – необходимое условие преуспевания в подвиге, иначе невозможно пребывание внутри себя и внимание к помыслам. Потому-то древние иноки столь усердно относились к этому подвигу. Так, авва Исаак, услышав упрек в боязни выйти из кельи своей, ответил: «Как же мне не бояться, когда диавол, яко лев, рыкая, ходит, иский кого поглотити (1 Пет. 5, 8)»². А у аввы Арсения обычным было слово: «Арсений! Зачем ты вышел из кельи?».

Оставлять место подвига дозволяется лишь тогда, когда случающееся там наносит вред душе, например, если кто-либо не желает примириться в отношении подвижника; к уважительным причинам относится также слава среди людей и блудное искушение³. Однако скорби, не наносящие вреда душе, (как, например, «оскорбление человеческое»), не могут быть поводом к оставлению места⁴.

Что значит для подвижника келья?

Келья – это место духовной брани. Сидя в келье, монах должен плакать пред Богом. Он должен также следить за своими помыслами, и одним помыслам (тщеславия), говорящим: ты возвысился, сделался великим, – представлять грехи свои; а помыслам отчаяния, указывающим на многие его грехи и нерадение, отвечать: но я служу Богу и верую, что Он сотворит со мною милость. Этим оскорбляются демоны⁵.

Келья – лечебница для души. Если не можешь работать, – говорит старец ученику, – то сиди в келье своей и оплакивай грехи свои. Монах, пребывающий в келье, подобен человеку, находящемуся «в глубине тины до самого горла», который «несет бремя на вые своей и вопиет Богу: помилуй меня!»⁶

Келья – место восхождения к Богу. Если бы мы ближе увидели ожидающее упокоение и будущее наказание, то терпели бы, хотя бы и вся келья наполнилась червями. Это и образ будущей жизни в Боге: иные старцы день и ночь проводили в келье в богослужении⁷.

¹ Д. п. 7. 44; 2. 20; 7. 32, 35; 11. 15.

² Д. п. 4. 23.

³ Д. п. 7. 31.

⁴ Повествования об авве Аммене. 5.

⁵ Д. п. 14. 22.

⁶ Д. п. 11. 42; 15. 50.

⁷ Д. п. 7. 33; 11. 44.

Очерк четвертый

Училища добродетелей

Господу благоугодно было так устроить, чтобы путь шествования в Царство Небесное был усеян скорбями и искушениями.

«Желая угодить Богу, – учит преподобный Макарий Великий, – мы прежде всего должны принять скорби, невзгоды и глумления... Господь желает, чтобы ты прошел через эти испытания и в скорбях не забыл о Нем». Скорби от «болезней и страданий, духовные скорби, навлекаемые на нас лукавыми духами, а также телесный ущерб, беславие и глумление, случающееся от людей» – не иное что как «препятствия, отстраняющие душу от Царства Небесного и не позволяющие ей приближаться к Богу». Однако, – продолжает преподобный, – подвижник должен иметь твердое расположение «мужественно преодолеть всякую скорбь». Иначе «не становится он чадом Жизни, ибо не стал подражателем и последователем святых и не направил свой путь по стопам Господа... Души, желающие сочетаться браком с Небесным Женихом и соцарствовать с Ним, обязаны пройти тем узким и тесным путем, которым прошел и Он... И если они свернут на другой путь, не понесут язвы и страсти Господа, то будут причислены к блудницам и извергнуты из Царства Небесного»¹.

Добродетелям непременно сопутствуют страдания, они требуют терпения. «В сих училищах» образовывается душа, ими она усовершенствуется, в них приносит добрый плод, укрепляется духовно, подобно дереву, колеблемому ветром, – отчего оно растет и пускает корни. Как несогретый и неумягченный воск не может принять наложенной на него печати, так и человек, если не будет искушен трудами и болезнями, не может принять силы Христовой².

Часто подвижники добровольно принимали на себя страдания по причине содеянных грехов – ибо имели твердое убеждение, что, подвергнув себя здесь злостраданию («звергнув в заключение»), добровольным приговором можно избавиться от будущего наказания³.

Каковы видимые причины скорбей?

Скорби бывают от болезней. Когда Господь посещает человека болезнью, ее надо переносить с благодарением, как данную нам Богом на пользу и во спасение. Болезнь подавляет страсти, ставит преграду «органам ненасытности» – глазам, суетному слуху. От немощи тела возрастает здравие по внутреннему человеку⁴. Болезнь иногда посылается и добродетельным людям перед смертью – для того, чтобы, как бы солью осолившись здесь, они отошли туда чистыми⁵.

Болезнь – это крест от Бога, дар Божий, подаваемый вместе с благодатью принимающим его с благодарностью. Рассказывают, что когда одного старца оставила

¹ Беседа 53. 1, 5, 17.

² Д. п. 7. 57.

³ Д. п. 7. 25.

⁴ Д. п. 7. 52, 23, 24.

⁵ Д. п. 10. 6.

обычная болезнь и изнеможение, он тяготился этим и говорил: оставил меня Бог и не посетил меня¹.

Скорби бывают от людей. В таком искушении не следует порицать человека, но только самого себя, говоря: «Сие случилось со мной за грехи мои»². Истинная сокровенная причина «здешних наказаний» – греховные страсти и болезни нашей души, которые исцеляются скорбями. «Ибо если бы ты не был болен, – говорит старец, – то и не страдал бы»³.

Упомянем еще скорби от стихийных бедствий, обстоятельств и т.п., которые обыкновенно понимаются как вразумление или наказание за грехи – прежде всего, за грехи отступления от Бога; встречаясь с ними, христиане прибегают к покаянию и молятся о помиловании.

Итак, всякие скорби – это горькие лекарства, посылаемые Господом для врачевания наших греховных язв. Поэтому не следует отвергать страдания. «Хотя я страдаю, но в самом страдании нахожу плод для себя», – говорил брат, отказываясь от облегчения борьбы, но прося Господа даровать ему терпение в искушении⁴.

Мы носим болезни в себе, поэтому изменение внешних обстоятельств нашей жизни (места) не может освободить от них – хотя именно это часто внушают лукавые демоны. По причине искушения (скорби) не следует оставлять места – иначе, куда бы ты ни ушел, увидишь там перед собою то, от чего убегаешь⁵.

«Человеку ничто внешнее не может вредить, – замечает преподобный Макарий Египетский, – вредит же только живой и действенный, в сердце обитающий дух тьмы; а потому каждый должен произвести борьбу в помыслах, чтобы в сердце его воссиял Христос»⁶.

Причиной скорбей внешних бывает чаще всего гордость. Вообще всякое бедствие приключается с нами по нашему высокоумию. Если мы стараемся о смиреномудрии, то не имеем нужды в научении от Бога скорбями. Превозносящимся же дается сатана на злострадание – пока не смиримся⁷.

Страдания подвижников, удалившихся от внешних поводов к искушению, чаще всего внутренние и попускаются промыслом Божиим для их усовершенствования. «Если не нападет на вас искушение, явное или тайное, – пишет святой Аммон, – то не можете вы продвинуться сверх меры, уже достигнутой вами... Все святые, когда они просили у Бога, чтобы вера их приумножилась, оказывались ввергнутыми в искушение». Причина этих искушений – противоборство невидимых врагов, «желающих лишить человека благословения, которым благословил его Бог». Преподобный Макарий Египетский также говорит о том, что подвижники терпят многие скорби по причине искушений от врага, но мужественно претерпевая эти скорби, не отступая в молитве и не оставляя постоянного попечения о душах своих, «те, которые истинно взыскают Господа, принимают в души свои Божественную силу... и ощущают в самих себе вкус и сладость будущего века».

¹ Д. п. 7. 48.

² Д. п. 15. 75.

³ Д. п. 16. 16.

⁴ Д. п. 5. 23.

⁵ Д. п. 7. 37, 38.

⁶ Духовные беседы. 42. 3.

⁷ Д. п. 15, 110.

Преподобный Аммон приоткрывает пути тайнодействия Божия. Святой Дух, даровав всякой душе, взыскующей Бога, в начале духовного преуспевания испытать радость и сладость, затем отходит и оставляет ее, «и это есть знак Его». А делает Он это, «дабы знать, действительно ли человек взыскует Бога, или нет». И если [подвижники], чувствуя непривычную тяжесть и вспоминая о предшествующей ей радости, будут слезно молить Бога и подвизаться в посте, прося Его в правде, отказываясь от всех желаний своих, тогда Бог «дарует им радость больше первой радости и прочно укрепит их в вере»¹.

Итак, подвигающийся для Царства Небесного должен уготовить себя к перенесению многообразных внутренних скорбей. «Что мне делать с этой тяжестью, угнетающей меня?» – говорит один брат. Другой же брат нигде не находил покоя – ни один, ни с другими. «Не для того ли вы пошли в монашество, чтобы переносить скорби?» – был ответ старца, опытного в подвижничестве².

От скорбей внутренних самое действенное средство – смирение и самоуничужение, которыми «попаляются» демоны, доставляющие страдания. На вопрос брата, угнетаемого тяжестью в душе, старец ответил: «Когда нет попутного ветра, то берут судно на канат и бечеву и понемногу тащат; а когда увидят, что настает мрак, тогда пристают к берегу, вбивают кол и привязывают к нему судно, чтобы оно не блуждало по водам. Этот кол есть самоуничужение»³.

В искушениях Господь ждет от человека терпения и упования на Него⁴. Находя эти добродетели в подвижнике, Он Сам облегчает скорби и посылает утешение. Врачевством в скорби является также благодарение, привлекающее особую благодать и милость Божию⁵. Особенно действенно благодарение при внутренней скорби.

¹ Св. Аммон. Послание четвертое. 1, 4, 5; прп. Макарий Египетский. Беседа 51. 3.

² Д. п. 10. 62; 7. 9.

³ Д. п. 10. 62.

⁴ Д. п. 7. 18.

⁵ Д. п. 7. 24, 45, 54.

Очерк пятый

Слаще меда и сота

Подвижник, избравший путь отречения от мира, теряет в нем всякую опору, оставляет всякую временную надежду. Совершая свое земное поприще, он полагает всю свою надежду в Боге, в Нем жаждет найти вечное упокоение, из Его благодатных источников черпает жизнь и крепость, «непрестанно призывая Бога с сокрушением сердца и с истинною любовью... не надеясь на добрые дела свои или служение, но прося непрестанно помощи Божией»¹.

«Сам по себе подвижник не в силах противостоять диаволу, – пишет преподобный Макарий Египетский, – не может он вырвать с корнем из себя греховные помыслы, полностью исполнить волю Божию, в чистоте соблюсти заповедь Божию и окончательно одолеть страсти. Но в его силах вручить свое произволение Богу, молиться Ему и просить Его, чтобы он очистил его от сатаны и от действий лукавого; чтобы Бог соблаговолил, через благодать Свою, войти в душу его и царствовать в ней; чтобы Сам Бог творил в нем Свои заповеди и Свою волю... Получив (от Него добродетели), подвижник уже не сможет хвастливо говорить: я кое в чем преуспел, – но во всякое время будет смиренно благодарить Бога за то, что призванный на помощь, Он все успешно совершил»².

Многообразная помощь Божия в христианском подвижничестве именуется благодатью. Особенно же благодатью именуется та «сила Божественная», которая вселяется в подвижника, «возделывающего» ее в правильном подвиге. Сила эта, – говорит авва Аммон, – рождается от радости Божественной, которая в свою очередь рождается от плача (о грехах), а плач – от страха Божия; вселившись в подвижника, сила эта делает душу плодоносной, и она приносит всякие добрые плоды и умудряет человека во всех делах его. Это тот духовный дар, о котором псалмопевец сказал, что он слаще меда и сота (Пс. 18,11). Для стяжания Божественной силы, продолжает авва Аммон, – требуется более всего «удаление от людей и всякого развлечения»; обрести ее невозможно иначе, как подвизаясь «во многом безмолвии»; ибо сила Божия не вселяется в тех, которые «развлекаются вещами мира сего, возвращаются в страстях души, мнениях человеческих и желаниях ветхого человека»³.

Благодатью именуется также «Дух кротости», «Дух истины». «Дух сей, – пишет святой Аммон, – приближается лишь к душам тех, которые полностью очистились от своей ветхости, ибо Он свят и не может войти в нечистую душу». Он обитает лишь в очень редких душах; к иным же, тоже немногим, приходит Дух покаяния, который «омывает их от нечистоты их»⁴.

Преподобный Макарий призывает христиан приобретать эту силу (благодать) в течение временной жизни, – «ибо, если душа в сем мире еще не примет в себя святыни Духа за многую веру и за молитвы и не сделается причастницею Божественного естества,

¹ Д. п. 1. 7.

² Духовные беседы. 56. 5.

³ Послание первое святого и богоносного отца нашего аввы Аммона о безмолвии. 1, 2, 3, 5; Послание второе, о возделывании благодати. 1. С. 25–27.

⁴ Послание 7. 1, 2.

срастворяясь благодатью, при содействии которой может непорочно и чисто исполнить всякую заповедь, то она непригодна для Небесного Царствия»¹.

Даром Божиим именуется также всякая христианская добродетель, ибо, хотя она и требует труда, однако в конечном итоге даруется по Божией милости.

Некоторые благодатные дары, избыточные с точки зрения спасения души, подаются человеку лишь по особому Промыслу Божию для совершения возложенного на него дела или служения – устройства Церкви Христовой, попечения о Его пастве и т. п. Таковы дар различения духов, дар прозорливости, дар научения от Бога, дар изгнания бесов и исцелений, дар утешения братий². Произвольно стремиться в подвиге к этим дарам в православной аскетической традиции запрещено, искать же следует исполнению заповедей, очищения души от страстей, помощи Божией в этом – иными словами, спасения. «Не взыскуй горних высот, – говорит святой Аммон, – но моли Бога, чтобы Он пришел к тебе, помог тебе и спас тебя от греха. Ибо дары Божии обретаются сами собой, если место для них становится чистым и заповедным». Иначе «еще не обретя самого себя, попадешь в тяжкий и продолжительный плен, имея сердце суетное»³.

В христианском подвиге нельзя преуспеть иначе, как с помощью благодати Христовой. И Господь «не оставляет взыскующих Его». Так, Бог посылает Ангела служить заболевшему старцу, подвизающемуся в отшельничестве⁴. Когда некому открыться в скорби, Господь, по просьбе скорбящего, посылает Свою благодать, и исцеляет сердце⁵.

Многообразны проявления благодати. Особенно явны ее действия в душе, очистившейся от страстей; о таковых сообщает преподобный Макарий Великий. Так, инока часто посещает действие утешения, тогда его охватывает столь великое вожделение к Богу и столь неизреченная радость, что он оплакивает свое бессилие – ибо душа его не может покинуть тело и отойти ко Господу. А иногда, под действием благодати Господней, душа испытывает внутреннюю радость. Однако наступает и тот час, когда благодать Господня попускает сатане вести брань с монахом; тогда на него восстают злые страсти, наводя на него сон, уныние, расслабление и многое другое, что и словом выразить невозможно. Это происходит для того, чтобы подвижник, угнетаемый и одолеваемый страстями, с твердой верой призвал Господа, прося Его облегчить мучения. Ибо благодать желает, чтобы человек тяжким трудом и в борении стяжал ее, но она не хочет, чтобы он всегда пребывал в радости и ум его по этой причине впал в леность. Благодать есть действие в человеке Духа Святого, Который воспринимается ценою крови (потому говорят: «дай кровь и приими дух»). «Воспринимается благодать, – замечает преподобный Макарий, – благодаря непрестанному борению произволения»⁶.

В начале подвига Бог дарует тем, кто со всем усердием жаждет служить Ему, страх Божий и теплоту сердечную. Дух Божий творит в них ненависть ко всему в мире и творит в человеке дело Божие, которое слаще меда и медовых сот, делая сладостным для

¹ Беседа 44. 9.

² См., например, гл. 18 «Древнего патерика»; Лавсаик, гл. 9 (об Оре), Жизнь пустынных отцов, гл. 33 (об авве Иоанне).

³ Слово о желающих безмолвствовать.

⁴ Д. п. 7. 51.

⁵ Д. п. 7. 55.

⁶ Великое послание. XIII. 1.

человека все Божие, т.е. труд поста, бодрствования, безмолвия, служения ближним и милостыни. Затем Дух оставляет человека на испытание, удаляясь от него. И когда подвижник не выдерживает этого испытания, то «лишается mzды за труды свои и подвергается тяжким наказаниям, ибо пренебрег он горней силой и не избрал Ее. Если же человек дал достойный отпор сатане в этом первом искушении, то Бог дарует ему теплоту постоянную, спокойную и невозмутимую»¹.

Без помощи Божией подвижник не может преуспеть в духовной брани, ибо не он в действительности является «искоренителем» помыслов, но лишь «противоборником». В противоборстве с демонами не следует отвечать помыслам, а молиться, падая пред Богом и говоря: «Сыне Божий, помилуй мя!». «Стой и мужайся, и Бог поборет за тебя», – учат опытные подвижники².

Приобретается же благодать, охраняющая человека, более всего тем, что человек уничивает себя пред Богом, не считая труд свой угодным Богу³. Напротив, всякий грех «влечет за собой богооставленность, соразмерную гордыне согрешающих». Благодать оставляет подвижника «ради предотвращения гордыни»; в иных же случаях – «чтобы явлена была скрытая добродетель»⁴.

Утешением в подвижнических трудах часто бывают благодатные видения от Бога, о которых упоминается, например, в житии преподобного Антония. При этом автор жития святитель Афанасий Александрийский замечает, что «Антонию принадлежали только молитва и подвиги, ради которых, пребывая горе, утешаем он был Божественными видениями»⁵.

¹ Прп. Макарий Египетский. Духовные беседы. 56. 7; 57. 1, 2

² Д. п. 5. 19, 35, 18.

³ Д. п. 11. 21.

⁴ Прп. Макарий Египетский. Духовные беседы. 54. 7, 9.

⁵ Житие преподобного Антония... Гл. 65, 66 и др.; Гл. 84.

Очерк шестой

«От словес своих оправдишься»

Особое место в духовном мире и в духовной жизни занимает слово. Жажда слова научения Божия – признак души боголюбивой; начало же богоотступничества – в «омерзении словом» или в «пресыщении учением»¹.

Слово имеет великую силу. Жестокое слово и хороших делает дурными, а кроткое слово приносит пользу всем. Ведущие беседу о душевной пользе восходят на небо, тогда как собирающиеся для пересудов влекут самих себя в глубокую пропасть. Благоразумие в слове свидетельствует о достоинстве человека; так, «уста одного молодого инока сделали то, чтобы звать его аввою». Одним лишь воздержанием и благоразумием в слове ради Господа можно достигнуть спасения. Особую силу имеет «кроткое слово Божие»: как мягкая вода, каплющая на твердый камень пробивает его, так и сердце человека, часто слушающего слово Божие, открывается к приятию страха Божия – основания всех добродетелей².

СЛОВО

Посему при пользовании этим «мечом обоюдоострым» требуются большая осторожность, рассудительность и благоразумие. Говорить полезно только о спасении души, с сознанием и смирением – иначе «земля не примет твоего сеяния»; и благовременно – ибо это признак мудрости³. Вольность в речах истребляет плоды трудов; чрез «дверь язычную» душа теряет «собственную теплоту благодати»⁴. Всюду надо иметь «мудрость пришельца» и не допускать, чтобы слово имело власть над тобой. Признак смирения – не говорить слов сверх слов другого, но более восхвалять (в душе) сказанное им. Если слова праздны, то лучше не говорить их, а если хороши – то следует дать место добру⁵.

Слово бывает высказанное, слово уст, и произносимое в сердце или уме. От избытка бо сердца уста глаголют (Мф. 12, 34). Признанное слово – это выражение слова внутреннего, с точки зрения нравственно-аскетической ему равнозначного. Так, осуждение в сердце – столь же великий грех, как и осуждение, высказанное вслух⁶.

Душе, имеющей благое делание, свойственно слово⁷ – подобно тому, как дерево, имеющее плод, имеет и листья. Здесь речь идет о слове, «растворенном Божественною солью», каково было, например, слово преподобного Антония Великого⁸.

Дело ценится выше слова, хотя иное слово может быть делом. Делом может быть и молчание, тогда как иное слово бывает пустым и не полезным – именно, слово, отделенное от дела. Такое слово подобно пустоцвету, а душа, имеющая лишь слово, без дела, подобна дереву, имеющему только цветы, а не плод. Поэтому важно иметь духовное

¹ Д. п. 10. 92.

² Д. п. 10. 165, 152, 54, 23; 18. 23.

³ Д. п. 11. 10; 15. 27, 28.

⁴ Д. п. 11. 62; 2. 12.

⁵ Д. п. 15. 47, 55; 10. 150.

⁶ Д. п. 10.73.

⁷ Д. п. 10. 116.

⁸ Житие преподобного Антония... Гл. 73.

делание, а не только слова. Добрый опыт выше слов¹. Лучше в чистоте ума приобретать то, о чем надо говорить, и делом показывать добродетель, чем искать изящного слова². Следует приучать сердце свое соблюдать то, чему учит язык, а также «охранять уста свои» и «научать язык на слова Божии», – и тогда ложь убежит от нас³.

Если бы человек всегда помнил, что он оправдывается и осуждается от слов своих (Мф.12, 37), то решился бы лучше молчать⁴. Поэтому, если есть сомнение в пользе слов, то лучше выбрать молчание. «Если молчание мое не приносит пользы, то и слово мое не имеет принести пользы», – отвечает авва Памво на просьбу братий сказать им слово назидания⁵. А авва Арсений замечает, что, говоря, он часто раскаивался, а молча – никогда⁶. Если же возникает необходимость сказать что-либо, то надо прежде испытать себя, «является ли эта нужда разумной и есть ли на то воля Божия», и лишь после такого испытания говорить, «ибо тогда речь твоя будет превыше молчания»⁷. «Молчание собирает сокровище, а говорливость расточает», – учат старцы⁸.

Молчание ради Бога – великая добродетель. Стяжавший ее получает благодать от Бога и Святого Духа⁹. Как и всякая добродетель, молчание истребляется гордостью и превозношением. Вот почему, приобретя молчание, не следует помышлять о себе высоко, считая себя приобретшим добродетель, но думать: «я не достоин и говорить»¹⁰.

Словом пользуется и враг спасения человеческого, чтобы досаждать подвижникам. Он усердствует о пустословии, во время же духовной беседы, будучи врагом всякого духовного назидания, часто наводит сон¹¹.

Празднословие – особенно осуждение и наговоры – привлекает злых духов, тогда как душеполезная беседа радует Ангелов¹². Иногда демоны объясняют подвижнику, «не достигшему возраста», услышанное им слово ко вреду брата¹³. Через слово демоны часто ввергают подвижника в духовную брань, всевая в них помыслы злословия¹⁴. Поэтому монаху нужно остерегаться слушать многие речи и быть многоглаголивым¹⁵.

«Слова мира» несовместимы с Божественным словом. Слушающие и говорящие слова мира не могут иметь дерзновения сердца пред Богом (1 Ин. 3, 21). Чтобы иметь такое дерзновение, нужно всегда помышлять о Божественном, быть мыслью в Царстве Небесном, не позволяя уму своему развлекаться и говорить о делах века сего, ибо вследствие тщетных слов (как и вследствие общения с мирскими людьми, которое обычно

¹ Д. п. 10. 165, 115, 154, 69.

² Д. п. 8. 20; 10. 71.

³ Д. п. 8. 17; 11. 33.

⁴ Д. п. 4. 36.

⁵ Д. п. 15. 56.

⁶ Д. п. 15. 9.

⁷ Св. Аммон. Увещательные главы. 18.

⁸ Д. п. 4. 18.

⁹ Д. п. 10. 168.

¹⁰ Д. п. 15. 95.

¹¹ Д. п. 11. 46.

¹² Д. п. 18. 30, 43.

¹³ Д. п. 10. 151.

¹⁴ Д. п. 5. 8.

¹⁵ Д. п. 10. 146.

связано с земными заботами) ум омрачается, а это удаляет подвижника от познания Бога¹.

Слово – это «двери» ума, подобно тому как чувства – «двери» сердца. Говорить все, что приходит на ум – все равно, что иметь «двор без ворот»: «враг приходит, увлекает ум, пленяет его и уводит от памяти о Боге». Услышанное «прискорбное слово» может прийти на память во время молитвы и стать причиной борьбы с помыслом, поэтому нужно всегда хранить слух².

Невозможно сохранить сердце от греховных страстей, когда отверста дверь языка³. «Строго блюди себя, – наставляет святой Аммон, – чтобы в состоянии угнетенности, печали или гнева не изрекать ничего, кроме необходимого... до тех пор, пока от непрестанной молитвы не смягчится сердце твое... дабы уста твои не изрекли ни одного слова в гневе»⁴.

Напротив, с помощью воздержания в слове можно укротить страсть. Поэтому старцы советуют не имеющим силы преодолеть страсть, по крайней мере, соблюдать язык⁵.

Если бодрствует внутренний наш человек, то можно соблюсти и внешнего⁶ – уста очищаются вместе с сердцем посредством подвига. В то время как «молодость имеет нужду в охранении», старцы преуспевшие не имеют в себе чего-нибудь чуждого на устах своих, чтобы говорить об этом⁷.

Совершенное обладание словом – признак бесстрастия. Кто в слове не согрешает, сей совершен муж, силен обуздати и все тело (Иак. 3, 2). Напротив, кто не может удержать языка своего во время гнева, тот никогда не удержит своих страстей⁸. Старцы, понимая достоинство воздержания в слове, стремились многими трудами и молитвой приобретать его, что весьма непросто. Так, авва Сисой тринадцать лет молился о грехах своих, говоря: «Господи, покрый мя от языка моего! Ибо даже доселе я падаю, согрешая через него»⁹.

БЕЗМОЛВИЕ

Цель духовной брани – очищение ума от всякого зла (от всякой злой мысли) и наполнение его богомыслием, познанием Бога, непрестанным помышлением о Божественном¹⁰. Однако совершенно сохранить ум неразвлекаемым в молитве и богомыслии и избавиться от мысленной брани в этой жизни невозможно. В «Лавсаике» рассказывается об опыте преподобного Макария Александрийского, корорый в продолжение двух дней «не отвлекался умом от Бога, ... не сходил с неба и не впадал в чувственные помыслы». Этим он так раздражил демона, что тот сделался пламенем и сжег все, что было у него в келье, и сам Макарий был как бы весь объятый пламенем. Желая продолжить этот подвиг, он, однако, на третий день оставил свое намерение, потому что

¹ Д. п. 11. 28, 71, 36, 37.

² Д. п. 4. 1; 10. 47.

³ Д. п. 11. 62.

⁴ Увещательные главы. 12.

⁵ Д. п. 10. 153.

⁶ Д. п. 10. 153.

⁷ Д. п. 11. 52.

⁸ Д. п. 4. 57.

⁹ Д. п. 4. 57.

¹⁰ Д. п. 11. 79, 28, 36, 37.

«не смог сохранить ум свой неразвлеченным и нисшел к созерцанию мира сего». Благодаря этому он, заметим, избежал гордости¹.

Ум человека – поле битвы. Враг посеивает в душу многие помыслы и ум помирается вследствие его козней². Основным делом подвижника в мысленной брани является блюдение ума, внутреннее бдение, или безмолвие.

Как делание имеет целью исцеление души от страстей, так подвиг безмолвия – очищение ума от чуждых его природному назначению помыслов. Ум человека предназначен для созерцания Бога (и в Нем логосов тварных вещей, как следствие первого созерцания). Авва Евагрий пишет, что «ум становится сильным (исцеляется от греховной своей немощи) тогда, когда во время молитвы он не представляет в воображении ничего из принадлежащего миру сему». Необходимым условием этого является бесстрастие, достигнув которого «ум начинает зреть собственное сияние...»³.

Впрочем, слово «безмолвие» употребляется в трех значениях, которые взаимно связаны: 1. воздержание от произнесения слов (как устами, так и в уме), 2. отшельничество, удаление от людей, и 3. безмолвие ума, неразвлеченное пребывание ума в Боге.

Воздержание от произнесения слов и отшельничество имеет следствием покой ума. Подобно тому, как ясно видны отражения предметов в устоявшейся воде, так и безмолствующий видит в душе своей грехи, которые среди мира не видны от возмущения. Однако внешнее удаление от людей не является ни совершенно необходимым, ни достаточным для прохождения подвига безмолвия. «И находясь в обществе людей, можно быть иноком в мысли; а будучи отрешенным от людей, жить умом с чернью»⁴.

Принимающий на себя подвиг безмолвия вступает как бы в мысленное море; чтобы переплыть его, необходимо долготерпение, смиренномудрие, бодрствование и воздержание⁵. Уму подвижника, по слову аввы Евагрия, предстоит «отправиться в свое прекрасное путешествие и достичь области нетелесных сущностей». Однако он никогда не сможет достичь этого, если прежде «не наведет порядок внутри себя; ибо домашние неурядицы обычно заставляют его вернуться туда, откуда он вышел»⁶.

Тот, кто неразвлеченно пребывает умом в Боге, исполняет слова Господа: затворись в клети твоей и сотвори молитву втайне (Мф. 6, 6). Безмолвие в этом смысле – это воздержание души от всякого проявления себя⁷. Безмолвие, таким образом, есть внутренний покой души, сосредоточенность ее в себе ради покаяния и богообщения в молитве (по слову Господа: «Царствие Божие внутри Вас есть» – Лк. 17, 21) и, через богообщение, обожения, как конечной цели христианского подвига. Впоследствии, в XIV в., этому понятию было усвоено наименование исихия (греч. *hsusia* – покой, безмолвие).

Безмолвие может быть разрушено не только внешним развлечением, но и всяким возмущением ума вследствие возобладания душой подвижника какой-нибудь страстью –

¹ Гл. 19.

² Д. п. 4. 25; 11. 45.

³ Евагрий. Слово о духовном делании. 65, 64.

⁴ Д. п. 2. 32, 30.

⁵ Д. п. 2. 22.

⁶ Евагрий. Слово о духовном делании. 61.

⁷ Д. п. 2. 11.

ибо ум возмущается от действия страсти, как и от действия воздушных духов. Невозможно безмолвствовать также без «удаления от тела»¹. Поэтому «отцы наши» называют отшельничество «попечением о смерти и бегством от тела»².

Безмолвие приводит к плодоношению Духа. «Как скоро душа удаляется от житейского пристрастия и смущения, приходит к ней Дух Божий, и тогда может она рождать, хотя была бы бесплодна»³. Безмолвием приобретается «Божественная сила», благодаря которой «душа делается плодоносной»⁴.

В «Древнем патерике», в главе «о том, что всем старанием должно искать безмолвия», имеется «песнь безмолвию», восхваляющая его и превозносящая подаваемые им блага. Безмолвствующие подобны мудрым девам, каждые день и ночь ожидающим Христа, всегда готовым принять Божественного Странника, хранящим светильники неугасимыми. Безмолвие – это укрощение помыслов, тихое пристанище, мать сокрушения и податель покаяния, зеркало грехов, «страна Христова, изобилующая благими плодами».

¹ Д. п. 2. 14, 24.

² Евагрий. Слово о духовном делании. 52.

³ Д. п. 18. 34.

⁴ Послание святого и богоносного отца нашего аввы Аммона второе, о возделывании благодати. 1.

Очерк седьмой

Восхождение ума к Богу

Внутренний подвиг постоянного в сердце и уме предстояния пред Богом – это особое, высшее делание, и главное место в нем занимает молитва. Молитва изгоняет из души «слова мира сего», замещая их собою; принадлежа не «веку настоящему», но будущему, возводит душу от земного к небесному. «Молитва есть беседа души с Богом, ... восхождение ума к Богу»¹.

Истинному монаху, стремящемуся к иной жизни, жизни для вечности, нужно стремиться иметь непрестанную молитву в сердце, которая облачает его как бы в огонь, «делает его огнем»².

Молитва – существенное делание безмолствующих. Непрестанная молитва совершается в сердце и предполагает соединение ума с сердцем. Поэтому для чистой молитвы необходимо как сердце, очищенное от греховных страстей, так и ум, свободный от чуждых помыслов. Молитва требует также «удаления от тела», то есть того, чтобы немощи и страсти телесные не воздвигали препятствия молитве; более того, тело должно быть помощником в молитве (воздеяние рук, коленопреклонения, особое положение тела при молитве и под.).

Молитва есть вершина подвигов. В истинной молитве христиан восстанавливается первоизданная целостность человека и иерархия его состава, соответствующая замыслу Божию о человеке.

Однако молитва – это и самое трудное дело. Нет большего труда, как молиться Богу истинно, без развлечения. Ничто так не противодействует демонам, как молитва к Богу, – поэтому всегда, когда человек хочет молиться, враг старается отвлечь его.

«Если занимаешься молитвой, – говорит авва Евагрий, – то приготовься к нападкам бесов и терпеливо переноси удары бичей их». Ибо вообще «всякая брань, возникающая между нами и нечистыми бесами, ведется только из-за духовной молитвы; ведь она для них чрезвычайно неприятна и тягостна, а для нас спасительна и благотворна». Желая воспрепятствовать молитве, они возбуждают в подвижнике страсти блуда, сребролюбия, гнева, памятозлюбия и прочие, дабы ум, одебелившись ими, не мог молиться как должно»³.

Поэтому подвижнику надлежит «постоянно распинать ум свой в молитве». «Зло полагает много препятствий на пути постоянной молитвы, как то: сонливость, уныние, отяжеление тела, блуждание помыслов, смятение ума, нерадение, нетерпение, расслабление и проч. Затем следуют скорби и восстания самих лукавых духов, сражающихся с душой и противоборствующих ей вплоть до крови, когда она начинает истинно и непрестанно взыскивать Бога, ибо они стремятся воспрепятствовать ей приблизиться к Нему». Взятый на себя подвиг молитвы должен «ежедневно противодействовать веществу многих и обильных помыслов зла, принуждая ум всегда устремляться в любовном влечении к Господу, а от Господа взамен получать ощущение благодати». Собственно в этом заключается «духовный труд» молитвы, ее «особый

¹ Евагрий. Слово о молитве. 3, 36.

² Д. п. 12. 6, 9.

³ Слово о молитве. 50, 51, 91.

подвиг». При этом «плоды терпения» молящегося часто бывают явны – в назидание всем остальным братьям¹.

Враг, желая, чтобы мы «последовали его падению», удерживает нас от молитвы, а когда подвижник стоит на молитве, возмущает его помыслы². «Многоразличные страсти», которыми прежде был «заражен» ум подвижника, обычно бывают причиной развлекающих помыслов. «Ум во время молитвы может быть похищен памятью». Пользуясь этими воспоминаниями, враг «не престаёт вызывать мысли о вещах, а с помощью плоти опрокидывает на землю страстями, дабы только помешать шествию благим путем подвижничества и вознесению к Богу... Ибо он весьма завидует молящемуся». Ум такого подвижника вынужден «сражаться, не имея возможности возвести очи горе»³. Тем же, кто меньше вкусил горечи страстей, обрести нерассеянную молитву бывает легче.

Во всяком деле человек в свое время получает успокоение; подвигом достигается, в той или иной мере и даже совершенно, чистота от греховных страстей; но молитва до последнего дыхания требует борьбы⁴. Вместе с тем молитва есть венец подвига, обнаруживая его плоды⁵.

Что значит молиться?

Молиться без рассеяния означает в чистоте внимать заповедям Божиим и всей воле Его. Непрестанная молитва – это «из самой глубины сердца воссылаемое моление к Богу с прошением полезного»; «истинная молитва есть та, когда мы можем всегда молиться в себе»⁶. Молитву называют иногда «размышлением», имея в виду высшую деятельность ума⁷.

«Нерассеянная молитва есть высшее мышление ума», «действие, подобающее достоинству ума, или наилучшее и подлинное его употребление», истинная молитва есть богословие. Вместе с тем «нерассеянная молитва является пищей для ума», подобно тому, как добродетель – пища для души, а хлеб – пища для тела⁸.

Всякая благочестивая беседа души не только с Богом, но и с самой собой привлекает внутреннюю молитву. Один инок так говорил себе в скорби уныния: «Душа, ты знаешь, от коих бед избавил тебя Господь для того, чтобы ты молчала и, не рассеиваясь, молилась Богу: ты не пустословишь, не слушаешь бесполезного, не видишь вредящего тебе; одна у тебя брань сердечная – силен Бог и ее утолить, если будешь просить смирения...». «Когда он говорил так, – замечает автор этого изречения, – много утешения было ему от непрестанной молитвы»⁹. Отметим, что молитва, как и всякая добродетель, с одной стороны, требует от человека усилия, подвига, а с другой является даром Божиим и совершается благодатью. Усилие человека (в данном случае благочестивое размышление) может стать причиной благодатной молитвы.

Каковы плоды молитвы?

¹ Прп. Макарий Египетский. Духовные беседы. 56. 4; Великое послание. IX. 3, 6.

² Д. п. 12. 23.

³ Евагрий. Слово о молитве. 3, 35, 47.

⁴ Д. п. 12. 3.

⁵ Евагрий. Слово о молитве. 17, 1.

⁶ Д. п. 11. 117; 12. 20.

⁷ Д. п. 18. 38.

⁸ Евагрий. Слово о молитве. 35, 61, 84, 101.

⁹ Д. п. 12. 21.

Молитва скоро приводит ум подвижника в исправление.

Молитва не допускает злых духов приблизиться к молящемуся¹ и вообще имеет особую силу против демонов. Так, однажды демон не мог пройти мимо непрестанно молящегося инока-отшельника и десять дней сторожил его. Другой демон отказывался будить монаха, говоря: «Я его пробуждал, а он спалил меня, поя псалмы и молясь»².

Молитва за брата доставляет пользу не только тому, за кого молятся, но и, прежде всего, пользу самому молящемуся «по изволению его любви»: так и наливающий на руку свою елей, чтобы помазать слабого, сам прежде принимает тук от елея³.

Преподобный Макарий называет молитву «наиглавнейшим делом» и указывает, что упорство в молитве является «существом всякого благого усердия и вершиной всех духовных свершений; благодаря ему мы можем, чрез прошение у Господа, стяжать и остальные добродетели». Чрез постоянную молитву возвращаются в душе плоды любви, смиренномудрия, простоты и др. ... «И если молитва наша не будет украшаться (этими плодами), – пишет преподобный Макарий, – то не будет нам от нее никакой пользы, и она станет лишь видимостью молитвы ... и так же напрасны они, если мы не одеваем ими всех братьев наших». Кроме того, подвизающемуся в молитве «благодать Божия являет самые сокровенные тайны Писания», и молящийся достигает того, чего нельзя достичь лишь путем чтения «запечатленного в письменах закона». Молитва – главное служение подвижника Богу, и «именно в этом служении исполняется все»⁴.

Как нужно молиться?

Молиться нужно со страхом и трепетом, трезвенно и бодрственно – по причине «злообразных и злокозненных» невидимых врагов наших⁵. Так, Руфин описывает видение о кознях бесовских святого Макария Александрийского во время богослужения в храме; без таковых, по его свидетельству, не обходится ни одно молитвенное собрание⁶.

В молитве необходима преданность воле Божией. Условие нерассеянной молитвы – отречение от мира, отвержение самого себя и взятие креста. «Если желаешь достохвально молиться, – поучает авва Евагрий, – отвергайся себя каждый час», всецело предаваясь воле Божией⁷.

Не нужно многословить, но часто воздевать руки и говорить: «Господи, как ты хочешь и как знаешь, помилуй!». А в искушении: «Господи, помоги!». Господь знает, что нам полезно и так поступает с нами⁸. Не следует настойчиво просить того, что желательно нам – ибо это может быть нам не полезно⁹. Так, преподобный Антоний «и когда был услышан Господом, не хвалился, и когда не был услышан, не роптал», разумея, что исполнение прошения – от Бога, «Который подает его, когда хочет и кому хочет»¹⁰.

Желания наши «не всегда созвучны Богу... Он желает доброго и полезного душе, а сам человек не всегда ищет этого». Авва Евагрий учит, что молиться нужно, «во-первых,

¹ Д. п. 18. 38.

² Д. п. 12. 12, 19.

³ Д. п. 12. 15, 14.

⁴ Прп. Макарий Египетский. Великое послание. VIII. 3; IX. 6; IX. 9, 10; Духовные беседы. 53. 6, 8.

⁵ Д. п. 12. 4.

⁶ Жизнь пустынных отцов. Гл. 29.

⁷ Евагрий. Слово о молитве. 17, 18, 33.

⁸ Д. п. 12. 11.

⁹ Д. п. 15. 88.

¹⁰ Житие преподобного Антония... Гл. 56.

об избавлении от страстей; во-вторых, об избавлении от неведения и забвения, в-третьих, об освобождении от искушения и богооставленности»¹.

Молитва нелегко дается подвижнику; о самом даре молитвы нужно просить Господа, т.е. молиться. «Если желаешь молиться, – поучает авва Евагрий, – то тебе нужен Бог, дарующий молитву молящемуся; поэтому призывай Его». И не нужно печалиться о том, что не сразу получишь то, о чем просишь. «Ибо Господь желает полнее облагодетельствовать тебя, напряженно молящегося к Нему»².

Молиться нужно непрестанно. Так, например, один брат ел и пил вместе с другими, но молитва его восходила, как огонь, пред Бога. Другой брат творил молитву во время беседы. Некий великий старец во время братской трапезы молился духом, и ему было дивное откровение о братиях. Ему было открыто, что и другие братия молятся за трапезой, а иные благодарят Бога, а иные ропщут; при этом молитва молящихся «с трепетом и духовной радостью», оказывается выше молитвы благодарения за дарованное от Бога, ропот же и недовольство вместо молитвы и благодарения отнимает милость Божию³.

Молитва – общее делание Церкви. Молитвы христиан, взаимно восполняя друг друга, соединяясь вместе, образуют одну общую молитву Церкви, которая, как фимиам, восходит к Богу⁴. «Праведно молиться, – говорит авва Евагрий, – значит молиться не только о собственном очищении, но и о всяком единоплеменнике своем, дабы подражать ангельскому образу жизни»⁵.

Для того чтобы стяжать чистую молитву, надо освободиться от чуждых помыслов – иначе молиться невозможно, как невозможно видеть лицо свое в мутной воде⁶. Молящемуся «должно снять с себя всякую страстную мысль... быть вне всякой страстной мысли... чтобы стать собеседником Того, Кто превышает всякого чувства и мысли». Особенно препятствуют молитве помыслы огорчения на братьев, гнева и памятозлобия. Сделанное в отместку обидчику становится преткновением во время молитвы. «Ибо памятозлобие затемняет владычествующее начало души и омрачает молитвы». Накапливающие в себе огорчения и памятозлобие подобны тем, которые черпают воду и льют ее в продырявленную бочку»⁷.

«Ум, рабски служащий страсти, не может зреть места духовной молитвы, ибо он влачится и кружится страстной мыслью». Также невозможно чисто молиться, если ум поглощен материальными вещами и возбужден постоянными заботами; ибо «молитва есть отрешение ума от всяких помыслов». Ум приближается к молитве лишь тогда, когда «отрешается от плоти и всех мыслей, исходящих от чувства и памяти», когда ум «оказывается превышает созерцания телесного естества... и выше ведения умопостигаемых вещей»⁸.

¹ Евагрий. Слово о молитве. 31, 32, 38.

² Слово о молитве. 59, 34.

³ Д. п. 12. 8, 18; 18. 42.

⁴ См., например, Д. п. 12. 10.

⁵ Евагрий. Слово о молитве. 40.

⁶ Д. п. 12. 16.

⁷ Евагрий. Слово о молитве. 4, 13, 22, 23, 54, 65.

⁸ Там же. 58, 62, 71, 72.

К нематериальному надо приступать «нематериально, и лишь тогда постигнешь Его». Желаящему молиться в духе, не следует «тащить вверх ничего плотского». Демоны прельщают ум молящегося именно материальными образами, чувственными представлениями Божества; притом «начало прельщения – тщеславие». Молящемуся следует иметь «внутреннюю бдительность и различение» и остерегаться ловушек супротивных сил¹.

Особенно следует остерегаться чувственных представлений Божества во время молитвы. «Нельзя представить себе в Божестве ни формы, ни очертания. Он – чувство, разум, о Котором мы можем размышлять в глубине сердца, и Который проникает Собою нашу душу. Но Его нельзя обнять мыслию, ни описать, ни изобразить словом. Поэтому следует приближаться к Господу с возможным благоговением и страхом»².

Тем, кто еще «одержим грехами и гневом», не должно «бесстыдно приступать к нематериальной молитве», ибо «уму страстному и нечистому не принесет пользы мысленное представление о сверхъестественной молитве в духе и истине; наоборот, подобная дерзость навлечет на ум негодование Божие». Таковому надобно прилежать сокрушению о грехах своих, пока не достигнет «совершенного покаяния» и не облечется в смиренномудрие³.

Не только страстная, но и всякая посторонняя мысль, всякое «увлечение влекущими долу помыслами» делает «суетным дело молитвы», – говорит Иоанн Ликопольский. Притом такое падение случается «со всяким, кто не всецело отрекся мира, но еще старается угождать ему; душу его развлекают множеством замыслов различные плотские и земные попечения, и ум, борясь со страстями, уже не может видеть Бога»⁴.

Молиться надо с сознанием, что Бог присутствует и слушает наши слова – однако не забывать о том и тогда, когда грешим⁵.

Молитве должны сопутствовать добродетели и добрые дела, без которых она мертва. Ибо «если Господь не обретает в нас искренности и благочестивости, то признает все деяния наши как бы совершаемыми во сне, и молитва наша тогда становится молитвой только внешней и не засчитывается Богом»⁶.

Ночное время считается более благоприятным для молитвы – но нет большой беды, если в ночной час молитвословия случится быть душе отягченной сном. Тогда, встав утром, нужно, затворив двери и окна, сотворить свое молитвословие – ибо написано: Твой есть день и Твоя есть ночь (Пс. 73,16). Бог славится во всякое время⁷.

Среди древних отцов-подвижников было множество великих молитвенников за мир, чей подвиг был «живительным источником небесной благодати, полагающей семена новой жизни»⁸. Так, однажды брат увидел в окошко кельи авву Арсения за молитвой: он был весь как бы огненный. О том же авве Арсении говорили, что на рассвете воскресного

¹ Там же. 67, 68, 116, 117, 128.

² Жизнь пустынных отцов. 1. С. 13.

³ Евагрий. Слово о молитве. 144, 145, 146.

⁴ Лавсаик. 39.

⁵ Д. п. 12. 22.

⁶ Прп. Макарий Египетский. Духовные беседы. 53. 3.

⁷ Д. п. 10. 139.

⁸ Казанский П.С. Общий очерк жизни иноков египетских в IV и V веках. С. 85.

дня он оставлял солнце позади себя и простирал руки свои к небу, и молился до тех пор, пока не воссиявало в лицо его солнце¹.

¹ Д. п. 18. 2; 12. 1.

Очерк восьмой

«От ближнего нам жизнь и смерть»

Не так много в мире людей, которые истинно беседуют в молитве с Богом, немногие встречают Ангелов. Но все мы неизбежно сталкиваемся с подобными нам людьми, близкими нам по духу и инакомыслящими, своими и чужими. И оказывается, что отношение с другими людьми, которых всех Евангелие называет нашими ближними, имеет решающее значение для нашего спасения. «От ближнего нам жизнь и смерть, – говорят старцы, – ибо если приобретем брата, то приобретаем Бога; если же соблазним брата, то согрешим против Христа»¹.

Словом Божиим так установлено, что любви к Богу предшествует любовь к ближнему, любовь к Богу не может быть истинной, если нет любви к ближнему (Ин. 13, 34–35; 1 Ин. 4, 20). Отношением к ближнему испытывается мера любви, вмещаемая душой человека, мера ее добродетели, качество души. Гнев, малодушие и раздражительность в отношении к брату свойственны душе, мечтающей только иметь познание, но не имеющей такового². По тому, что человек прощает согрешившему против него брату еще прежде его раскаяния пред ним, познается его смирение. Превозношение пред братом показывает дух гордыни, живущий в душе; дух же нищеты и нелицемерной любви бывает очевиден в смирении пред ближним³. Жизнь в подвижничестве, в удалении от всякого зла вместе с хранением своей совести в отношении к ближнему достаточны для спасения⁴.

Смирение перед ближним особенно любезно Богу. «Нужно научать уста свои, чтобы каждый ближний имел у нас свое достоинство», – учат святые подвижники. Авва Пимен никогда не говорил слов сверх слов другого. «Не презирай предстоящего тебе, – говорит некий старец, – ибо не знаешь, в тебе Дух Божий, или в нем»⁵.

Крайне важно во всякое время хранить мир в отношении к ближнему и особенно воздерживаться от злобы и вражды к другим, ибо злоба на человека делает тщетными труды и молитву. Большой вред приносит подвижнику злопомнение к братьям, которое бывает по действию дьявола, также и празднословие о грехах ближнего. Немирствие (осуждение, оговаривание, уничтожение ближнего – все это «исчадия гордыни») бывает причиной страсти уныния. Старцы рассказывают, как огорчение, причиненное одним из приносящих Святые Дары другому брату, невеликое и по видимости извинительное, воспрепятствовало Духу Святому нисходить на просфору⁶.

Особенно тяжким грехом являются наговоры на ближнего: виновник их подобен змию, изгнавшему Еву из рая. Он погубляет душу ближнего, не спасает и своей⁷. «Зло, нанесенное ближнему, ядом своим поражает душу [виновника этого зла] и лукавство подвергает его [самого] смертельной опасности», – говорит св. Аммон⁸.

¹ Д. п. 17. 2.

² Д. п. 11. 26.

³ Д. п. 15. 74, 69.

⁴ Д. п. 15. 74, 69.

⁵ Д. п. 11. 33; 15. 55, 91.

⁶ Д. п. 1. 22, 23; 10. 171; 9. 11; 18. 32.

⁷ Д. п. 4. 60.

⁸ Св. Аммон. Слово о желающих безмолвствовать. 5.

Надо делать усилие над собой, чтобы любить брата – пусть даже на первых порах любовь эта не чиста, пусть к ней примешано человекоугодие и другие страсти. Лучше, «посеяв, собрать малое и нечистое», чем вовсе не сеять и ничего не собрать. Поступая так, можно, например, от милостыни из человекоугодия прийти к страху Божию – основанию всех добродетелей¹.

Однако любовь к ближнему надо отличать от пристрастия. Всякое пристрастие в отношении к ближнему, как и вообще любая страсть, лишают душу спокойствия. В этом смысле сказать в сердце: в мире я один да Бог, – значит отсечь от себя все кумиры (пристрастия, которые мучают нас) и достичь спокойствия. Чтобы спастись, надо быть как бы мертвым, не думать ни об обидах от людей, ни о славе². Отречение от мира не исключает любви к ближнему; напротив, лишь в христианском подвижничестве возможна истинная любовь – ибо если найдем Бога, обретаем и ближнего, как и все вообще сокровища небесные и земные.

«Люди взяли суд Мой»

Самый распространенный грех против ближнего – осуждение. Кто из людей свободен от него? Между тем, грех этот очень страшен. Он показывает, прежде всего, дерзость в отношении Бога: человек, осуждающий ближнего своего, предвосхищает Божий суд («люди взяли суд Мой»)³. Порицание кого-либо в мысли не позволяет человеку видеть свет Божественный. За осуждение от него отступает благодать. Осуждение губительно, тогда как, наоборот, покрытие грехов ближнего – великое добро в очах Божиих: за это имя человека вписывается в книгу жизни. Бог покрывает грехи наши, если мы покрываем грехи наших ближних, и наоборот: когда обнаруживаем грехи брата, Бог объявит наши грехи. Презирающий брата напрасно думает о себе, что он мудр и никогда никого не оскорбил – такой не имеет смиренномудрия, которое всегда винит себя⁴.

Напротив, неосуждение и неуничтожение братьев доставляет спокойствие совести. Почитанием себя недостойным судить и неосуждением приобретается покой здесь и в будущем веке⁵.

Многие знают, что осуждать губительно, и неразумно предаваться этому. Однако все мы обольщаемся. Осуждающий подобен согрешившему, которого он осудил – ибо как тот побежден, так и он, и он так же преступает закон, как и тот согрешивший. Он оказывается и нерассудительным: оставляет «своего мертвеца» (свою душу, мертвую по причине страстей) и идет «плакать над мертвецом другого». Кроме того, «никто ничего не знает»: разбойник был на кресте и за одно слово оправдался; Иуда же был сопричтен апостолам и в одну ночь погубил весь труд свой, и сошел с неба во ад⁶.

Осуждение свидетельствует о живущей в человеке гордости; следующая за осуждением ступень падения – уничтожение ближнего; сродная осуждению страсть – лесть. Следует беречься как «хвалящих тебя братьев», так и «помыслов людей, унижающих ближнего»⁷.

¹ Д. п. 13. 19.

² Д. п. 13. 19.

³ Д. п. 9. 5, 15.

⁴ Д. п. 11. 27; 9. 16, 13, 9; 15. 26.

⁵ Д. п. 9. 4, 8.

⁶ Д. п. 11. 108; 9. 14, 10; 11. 107.

⁷ Д. п. 11. 107.

Дьявол очень усердствует в том, чтобы повергнуть подвижника в осуждение, иногда для этого подсылая рабов своих (людей) с наговорами на других. Часто он обманывает человека, замечая в нем склонность к осуждению. Вот почему не следует говорить с осуждением даже о том, что осязали руками, ибо легко можно оказаться обманутым дьяволом. Часто враг направляет взор подвижника на недостатки других, чтобы отвратить от зрения грехов своих¹.

Вообще инок не только должен воздерживаться от осуждения, но и вообще не взирать далее своего подвига – не заботиться о «ранах, получаемых другими»². Однажды авва Пимен был озабочен поведением своего родного брата, на что авва Аммон сказал ему: «Пимен! Разве ты жив? Поди, седи в келье твоей и положи в сердце твоём, что год, как ты уже в могиле». Авва Коприй, пришедши в собрание для того, чтобы рассуждать о другом брате, так укорял себя: «Горе тебе, Коприй, ты оставил то, что Бог заповедал тебе, а испытываешь то, чего Он не требует от тебя»³.

Лучшее средство против помысла осуждения – воспоминание о своих грехах. «Подумай о себе – не более ли ты сам грешен? И если думаешь, что не более, если думаешь, что делаешь доброе, то не надейся, что угодил Богу – ибо находишься в обольщении». Согрешающего не следует обличать и осуждать, напротив, нужно считать себя грешником более его, вспоминая, что и ты, подобно брату, склонен ко греху, и думая со страхом: «Сей ныне пал, а я завтра»⁴.

Старцы часто образно показывали безрассудство и пагубу осуждения и суда над другими. Однажды авву Моисея пригласили в собрание, на котором судили о брате. Он пришел с худой корзиной с песком за спиной, пояснив: «это грехи мои сыплются позади меня, но я не вижу их, а пришел судить чужие грехи». Подобно же поступил и авва Пиор. Авва Виссарион ушел из киновии вместе с осужденным и изгнанным братом, сказав: «И я также грешник»⁵.

Согрешивший брат «приобретается» не осуждением, а любовью⁶. Осуждение лишь усугубляет бедствие, в котором находится согрешивший, и повергает в еще большее бедствие осуждающего. «Корабль потерпел крушение в море, – сказал инокам, изгнавшим согрешившего брата, авва Антоний, – а вы хотите потопить и то, что спаслось у берега»⁷.

ТЕРПЕНИЕ ЗЛА ОТ ЛЮДЕЙ

Напротив, от других людей мы должны терпеть всякую обиду, всякое причиненное зло. И не только терпеть, но поступать по евангельской заповеди: не противиться злему, но аще тя кто ударит в десную твою ланиту, обрати ему и другую (Мф. 5, 39). Заповедь эта достаточна для спасения: она показывает истинное смирение и преданность Богу. Но если кто не может исполнить этой заповеди, или по крайней мере сносить причиняемое зло безропотно, или не платить тем же, – такой человек немощен в добре. Авва Антоний не мог ничего на это сказать, кроме того, что «нужно молиться»⁸.

¹ Д. п. 8. 6; 9. 21; 3. 22.

² Д. п. 11. 88.

³ Д. п. 16. 10; 15. 36.

⁴ Д. п. 9. 3, 18, 17.

⁵ Д. п. 9. 2.

⁶ Д. п. 9. 12, 2, 19.

⁷ Д. п. 9. 1.

⁸ Д. п. 16. 1.

На иных подвижников Господь возлагает подвиг терпения скорбей от ближних как спасительный крест. Так, авва Иоанн Фивейский двенадцать лет служил старцу, но был как бы пренебрегаем им. Когда же старец умирал, то сказал о нем: «Это Ангел, а не человек». Другой юноша, живший со старцем пьянствующим, за некоторое время спас свою душу терпением. Другой старец терпел великую скорбь от того, что брат постоянно крал в его келье. Он сам наследовал Царство Небесное, а через его терпение исправился и брат. Авва Исидор, пресвитер Скитский, принимал в свою келью спорливых братьев, изгоняемых другими, и через долготерпение спасал их¹.

Авва Евагрий указывает, что терпение зла от ближних в определенной степени приравнивается брани, которую встречают подвижники, уединившиеся от людей; как в пустыне «против отшельников бесы борются сами, [так] против тех, кто добивается добродетели в кинонии, они вооружают наиболее нерадивых из братьев». Притом замечает, что «вторая брань намного легче первой, потому что на земле нельзя найти людей, которые были бы более жестокими, чем бесы, или таких, кто может воспринять сразу все их коварство»².

Другая евангельская заповедь о терпении зла, которую также прилежно исполняли древние подвижники: от взимающего твоя, не истязуй (Лк. 6,30). Так, авва Макарий помогал грабителям навьючивать скот его имуществом, говоря: ничтоже бо внесохом в мир сей (1 Тим. 6, 7); Господь даде: яко Господеви изволися, тако и бысть (Иов. 1, 21). Другой старец догнал разбойников, ограбивших его, желая отдать забытый ими кошелек. Этот его поступок привел их к раскаянию и исправлению (они поняли, что этот человек – Божий)³.

Великая польза бывает нам от всякого терпения, особенно же от терпения унижения и обид. Эта добродетель так любезна Богу, что на имеющих ее почивает Дух Божий. Терпение зла бывает виною духовного преуспевания. Убегающий же полезного искушения убегает жизни вечной. Оскорбляющие для тщательных людей бывают виновниками их исправлений, тогда как ублажающие возмущают душу, по слову: блажация вас льстят вас (Ис. 3,12). Терпеть без возмущения поношения и оскорбления – признак настоящего монаха⁴.

Об оскорбившем или обесчестившем, или порицающем, или причиняющем вред нужно думать как о враче, посланном от Христа, и как о благодетеле. За него надо молиться и принимать от него все, как целительное лекарство, доставляющее нашей тщеславной душе «лекарство безчестия». Поносящий или оскорбляющий тебя – это «прижигатель Иисуса», и оскорбляться против него – значит с силой говорить Христу: «Не хочу принимать врачеваний Твоих, а хочу гнить в ранах моих»⁵.

Как нужно терпеть унижение? Если невозможно совсем не возмущаться, то нужно, подражая авве Моисею, хотя бы поступать по слову псалма: смятохся и не глаголах⁶. «Если кто оскорбляет тебя, – поучает другой старец, – ты благословляй его: если примет тебя, хорошо будет обоим; а если не примет, то он получит от Бога

¹ Д. п. 16. 4, 26, 27, 5.

² Евагрий. Слово о духовном делании. 5.

³ Д. п. 16. 7, 20.

⁴ Д. п. 16. 2, 25, 17, 15, 24.

⁵ Д. п. 16. 16, 17, 18.

⁶ Д. п. 16. 8.

оскорбление, а ты благословение»¹. Полезно в этом случае унижать себя еще более, подобно авве Иоанну Колову. На сказанные ему по зависти слова: «Сосуд твой полон яда», он ответил с кротостью: «Так, отец! И ты сказал это потому, что видишь одну наружность; а что бы сказал ты, если бы увидел внутренность?»² – пример великого смирения старца, не притворного и не ложного, ибо «несть человека, иже поживет, и не согрешит», и меру греха человеческого невозможно измерить.

Живя среди людей, нельзя избежать скорби, а также и того, чтобы быть причиной терпения других. «Болезнуй страстями» и живя в отпадшем от Бога мире, мы должны навикнуть переносить случающееся³ – ибо никто не прошел жизненный путь без преткновений.

«Ты носишь мертвецов? – говорит старец. – Поди, носи живых». Друг друга тяготы носите, – учит Апостол (Гал. 6, 2). Исполняя эту заповедь и терпя друг от друга вольные и невольные оскорбления, можно жить вместе с другими людьми в покое⁴.

Кроме терпения в этой скорби полезно бывает молчание, а также порицание себя. Вместо того, чтобы винить других, нужно постараться увидеть в происходящем промысл Божий о нашем собственном спасении и говорить себе: «Сие случилось со мною за грехи мои»⁵.

Терпящий скорбь от других ради Господа не бывает оставлен Богом. Господь дарует венцы подвижнику и Сам, если это будет Ему благоугодно, может наказать виновников скорби. Желание отмщения – это противление заповеди Христовой. Старец, вразумляя желающего отмщения брата, говорит, что Господь, имея о нас во всем попечение, Сам «делает наше отмщение»⁶. И примеры убеждают нас, что это действительно так. Господь непрестанно имеет попечение о нас. Там, где речь идет об исполнении заповеди евангельской, Он неизменно являет Свое правосудие. Любовь к ненавидящим нас столь ценна пред Богом, что приносит подвижнику великое дерзновение в молитве, особенно же в молитве за согрешивших против них⁷.

¹ Д. п. 16. 14.

² Д. п. 16. 3.

³ Д. п. 16. 22.

⁴ Д. п. 16. 13, 9.

⁵ Д. п. 16. 11; 15. 75.

⁶ Д. п. 16. 12.

⁷ Д. п. 16. 28, 29, 30.

Очерк девятый

Духовное руководство

Издревле среди подвижников утвердилось духовное руководство более опытными подвижниками новоначальных. Главные причины этого установления следующие:

1. Необходимость для спасения оставления своей воли, которая является «медной стеной между человеком и Богом», и подчинения воле Божией¹.

«Отречение от мира, – пишет преподобный Макарий Египетский, – лишь тогда является надежным и истинным, когда ты исполняешь не собственные желания своей души», но уподобляешься веществу в руках ремесленника... Нежелание покоряться воле духовного наставника приравнивается «отречению от обета», ибо отрехшийся от мира «должен вести себя так, как уже не принадлежащий самому себе»².

2. Неопытность новоначальных, трудность и опасность духовного пути, сложность «духовной науки». По этим причинам многие монахи после долгих трудов пали, понадеявшись на свое дело, как угодное Богу, и не вопрошая старцев³.

Так, епископ Палладий рассказывает о некоем Птолемея, который пятнадцать лет прожил в великих подвигах, ни с кем почти не встречаясь, но затем по обольщению диавола сошел с правого пути и «погрузился в бездну погибели». «И это неисцельное бедствие, – говорит Палладий, – постигло несчастного Птолемея за его безумную гордость... потому что никогда не беседовал со святыми отцами, сими мудрыми кормчими, и не внимал их духовному наставлению; за то, не имея кормчего и постигнутый мрачною бурей, низринулся в крайнюю пучину смерти»⁴.

Потому-то старцы говорили: «Если увидишь юношу, по своей воле восходящего на небо, удержи его за ногу и сбрось оттуда: ибо это ему не полезно»⁵.

3. Для новоначального инока полезно общение с опытным подвижником, ибо примером старец учит его тем добродетелям, которые имеет сам. Поэтому св. отцы советуют прилепляться к хорошо живущему. От жительства с добрыми делателями бывает великая польза; напротив, если делатель окажется в месте, где нет таковых, то ему вряд ли удастся преуспеть: он должен стараться по крайней мере не сойти вниз⁶.

4. Наконец, новоначальный нуждается в молитве опытного подвижника, которую скорее, чем его собственную, услышит Господь. В «Древнем патерике» находим множество примеров действенности молитвы старцев об учениках⁷. Старческая молитва привлекает на ученика благодать, наставляющую его в добродетели. Происходит взаимодействие воли ученика, старца и Божественной воли о спасении ученика. Старец является посредником между Богом и новоначальным, как бы проводником воли Божией.

Отметим, что установление это (будем называть его по древней традиции старчеством) Божественное. В этом смысле оно есть некое таинство, устроенное по особым законам, не похожим ни на какие человеческие правила и законы, регулирующие

¹ Д. п. 10. 85.

² Духовные беседы. 53. 10, 11.

³ Д. п. 11. 1.

⁴ Лавсаик. 31.

⁵ Д. п. 10. 159.

⁶ Д. п. 11. 55; 15. 49; 10. 114.

⁷ Напр., Д. п. 14. 24.

обычные отношения между людьми. Связь старца и ученика осуществляется при содействии Божественной силы (благодати), их отношения – «о Господе». Отношения эти простираются также и в жизнь будущую. «Все (руководимые тобою), сколько ты приобретешь здесь, будут повиноваться тебе в будущем веке», – говорит Ангел авве Ору Нитрийскому¹.

СТАРЕЦ И УЧЕНИК

Каким должен быть старец?

Старец должен быть опытным в духовной жизни, прошедшим деятельную жизнь, духовным и рассудительным, искусным в рассуждении о помыслах или делах². Приступающий к духовному руководству другими должен прежде сам построить прочное здание добродетелей – иначе он рискует уподобиться ветхому дому, который, приняв в себя странников, погубит их в случае своего падения³. Вот почему отцы настоятельно предупреждают не учить прежде времени. Опасно быть под руководством старца, неопытного в рассуждении, ибо многие от этого вместо врачевания впадали в отчаяние⁴. Старец должен иметь смиренномудрие, без которого невозможно послушание ученика. Так, авва Атр, ученик аввы Ора, имевший великое послушание, говорит: «Послушание не мое, но старца, стяжавшего великое смиренномудрие»⁵.

Как должен он руководить учеником?

1. Старец должен действовать не от себя, но «по Боге», со страхом Божиим и смирением. Он должен быть посредником между учеником и Богом: «старец не вдруг говорит, а если внушит ему Бог». «Если кто со страхом Божиим и смирением поручит брату совершить дело, – говорит авва, – то слово, исходящее по Боге, делает брата покорным к исполнению; а если кто хочет приказывать брату не по страху Божию, а по своей силе, желая властвовать, то Бог, видящий сокровенное сердца, не даст ему услышать или исполнить. Дело Божие смиренно, с утешением, а дело по власти – со страхом и смущением; оно от лукавого»⁶.

Истинные наставники монахов отличались глубоким смиренномудрием. Смиренномудрие старцев прилепляло к ним учеников. Так, авва Пимен, начинал свое поучение брату, страдавшего блудной похотью, словами: «Мы с тобою находимся в блуде»⁷.

2. Важно, чтобы наставление старца было не только лишь словом, но чтобы слово подтверждалось примером добродетели (делом). Так, один ученик аввы Антония не имел нужды спрашивать своего старца, для него достаточно было лишь видеть его⁸.

3. Долг старца – испытывать сокровенные помыслы⁹, для чего ему необходимо иметь дар рассуждения. Труд духовного руководства требует великой мудрости и «научения от Бога», ибо нет сложнее «науки», чем наука о спасении человека.

¹ Лавсаик. 9.

² Д. п. 10. 100; 5. 4; 10. 96.

³ Д. п. 10. 100.

⁴ Д. п. 5. 4; 10. 96.

⁵ Д. п. 15. 57.

⁶ Д. п. 10, 90; 15. 89.

⁷ Д. п. 5. 9.

⁸ Д. п. 10. 105; 17. 5.

⁹ Д. п. 10. 86.

Часто старцы отвечают на один и тот же вопрос по-разному, смотря по мере вопрошающего; а в иных случаях старец предоставляет ученику выбирать из нескольких возможностей лучшую – уча его рассуждению¹. Видя внутреннее устройство ученика, старец не возлагает на него требований непосильных. Например, старец разрешает брату удерживать монеты, видя его желание удерживать их, хотя и знает, что нехорошо удерживать свыше нужды телесной². Старец не принуждает ученика, а как бы сопутствует ему, направляя или подталкивая его, сообразно с его мерой добродетели, к спасению.

4. Старцы не бросают слов на ветер, но говорят слово Божие лишь делателям, приходящим к ним ради Бога³. Говоря, они не угождают любопытству вопрошающих, но всегда имеют в виду их душевную пользу. Так, авва Пимен не вдруг говорил от Писания, а отвечал лишь тем, кто говорил с ним «о душевных страстях»⁴.

5. Старец должен требовать от ученика послушания. «Не даю вам заповедей, – говорил авва Исаак братьям, – потому что вы не храните их»⁵. Поэтому прежде чем взять на себя попечение об ученике, старцы обычно проверяют, готов ли он им повиноваться (говоря им, например, превратное)⁶.

Как может старец понести труд, возложенный на него Богом – руководить порой столь великим множеством людей? Для человека это невозможно, но Господу все возможно (ср. Мф. 19, 26). Старец действует по благодати Божией, а благодать не оскудевает. Старец подобен светильнику, который «ничего не терпит», когда от него зажигаются другие светильники. «Хотя бы и весь Скит ходил ко мне, – говорит преподобный Иоанн Колов, – не воспрепятствовал бы мне в благодати Божией»⁷. «Число приходящих не больше числа демонов, с которыми ведем брань в горах», – замечает преподобный Антоний Великий⁸.

Каким должно быть отношение ученика к старцу?

Ученики должны любить своих наставников как отцов и бояться как начальников. Необходимо полное доверие ученика к старцу. Отсутствие доверия ведет к непослушанию⁹, непослушание же влечет за собой многие беды¹⁰. Главное же, что требуется от ученика – послушание. Душа его должна быть полностью открыта пред старцем. Другое, после послушания, дело ученика – откровение помыслов¹¹.

О пользе откровения помыслов, даже безотносительно к старческому руководству, говорит ученикам преподобный Антоний Великий: «Пусть каждый из нас замечает и записывает свои поступки и душевные движения, как бы с намерением сообщать это друг другу... Тогда легче соблюдем себя от нечистых помыслов, стыдясь известности»¹². Уклонение от откровения помыслов, – замечает св. Амон, – обличает в человеке

¹ Д. п. 10. 30; 10. 80.

² Д. п. 6. 26, подобный пример: 10. 63.

³ Д. п. 14. 3.

⁴ Д. п. 10. 52.

⁵ Д. п. 6. 10.

⁶ Д. п. 10. 37.

⁷ Д. п. 11. 39.

⁸ Житие преподобного Антония... Гл. 70.

⁹ Д. п. 10. 40; 14. 29.

¹⁰ См. напр., Д. п. 5. 38.

¹¹ Д. п. 4. 27; 5. 4.

¹² Житие преподобного Антония... Гл. 55.

тщеславие, кто же «прямодушно открывает помыслы своим отцам, отгоняет прочь эти помыслы от себя»¹.

ПОСЛУШАНИЕ

В одном из изречений говорится о «трех чинах, существующих на Небе»: 1) человек немощствующий и благодарящий Бога, 2) заботящийся о страннлюбии и 3) пребывающий в послушании и повинующийся своему духовному отцу по Господу. При этом наибольшую славу имеет пребывающий в послушании².

Почему так велик этот подвиг? Потому что драгоценнее всего пред Богом оставление своей воли ради Него. И не только драгоценно, но и необходимо для духовного преуспеяния, которое без оставления своей воли просто невозможно. Подвижнику, поступающему по своей воле, «Бог не содействует... не посылает Своей Божественной силы, делающей преуспевающими пути человеков». Напротив, такие подвижники впадают во множество зол и бывают обольщаемы диаволом. Для стремящихся к богоугождению из трех волей, непрерывно сопутствующих человеку: внушаемой врагом, рождающейся из сердца человека и «посеваемой Богом», необходимо избирать последнюю, ибо «Богом принимается только та воля, которая принадлежит Ему Самому»³. Следует всегда избирать волю Божию и искать ее, потому что «воля Божия есть подлинное Царство Небесное и венец жизни»⁴.

Отрицание своей воли для ближнего есть признак истинного делателя⁵. «Отказ от своей воли ради ближнего свидетельствует о том, что ум зрит добродетели, а утверждение собственной воли за счет ближнего является неведением»⁶.

Тем более это относится к послушанию старцу. Всякая добродетель ради исполнения заповеди драгоценна пред Богом, ибо подвижник отсекает свою волю ради заповеди, но высшая добродетель – послушание старцу. Отсекшие свою волю и исполняющие волю другого, если соблюдут послушание до конца, суть исповедники⁷.

Послушание предпочтительнее всякому подвигу телесному, ибо последнее учит высокомерию, а первое показывает смиренномудрие⁸. Отцы говорят, что подвижничество доводит только до середины пути, чистота достигает небес, послушание же «с дерзновением приводит к Богу». От послушания «насадились» и им «усовершились» все святые. Оно – «питатель всех святых»⁹.

Послушание старцу понимается как послушание Самому Богу, действующему через старца, – поэтому послушание старцу есть «послушание истины», «благое послушание». Имеющий его исполнен всех заповедей Божиих. Послушание рождает все добродетели: смирение, терпение, великодушие, сокрушение, братолюбие, любовь. Дарует и великое дерзновение пред Богом: кто через послушание духовному отцу слушает Бога, того послушает и Бог. Имеющего послушание Бог любит. Стяжавший эту

¹ Св. Аммон. О радости. 24.

² Д. п. 14. 28.

³ Св. Аммон. Послание. 5. 2, 3, 4.

⁴ Св. Аммон. Увещательные главы. 14.

⁵ См. Д. п. 11. 26.

⁶ Св. Аммон. О радости души... 21.

⁷ Д. п. 14. 14, 28.

⁸ Д. п. 14. 16.

⁹ Д. п. 14. 13, 28.

добродетель с дерзновением предстанет пред Распятого, ибо Распятый Господь послушлив был даже до смерти¹.

Послушание – это, прежде всего, дело монашеское. Для монаха оно столь важно, что не имеющий послушания монах пребывает в состоянии бедственном. А некоторые отцы говорят, что без старческого руководства вообще невозможно исполнить дело «совершенно монашеское». Не имеющий послушания и смирения не знает, что такое монах. Монах не должен даже в малейшем исполнять своей воли, но должен вполне полагаться на старцев: сколько ему ходить шагов или сколько пить капель воды в келье. Особенно же от новоначальных монахов Бог ничего так не требует, как труда послушания².

Человек не может постичь волю Божию, если не отречется от всех хотений своих и не будет в полном послушании у духовных родителей своих», – пишет святой Амон³.

Послушание, как и всякий подвиг, исполнено трудов и скорбей. Путь этот тесный и скорбный. Вместе с тем послушание – наиболее удобный и беспреткновенный путь к Богу. Преподобный Антоний Великий учит: «Желающий в возможной скорости достигнуть совершенства, не должен быть ни учителем сам себе, ни следовать собственным желаниям, как бы они ни казались правильными, но, по заповеди Спасителя, отречься прежде всего от самого себя и отвергнуть свои желания»⁴.

Сам Спаситель в начале Своего учения положил скорбь и тесноту. Кто избегает этого начала – тот убегает ведения о Боге. Монах, с трудом и скорбями имеющий послушание, бывает сонаследником Христа и чадом Божиим⁵.

¹ Д. п. 14. 7–9, 11, 18.

² Д. п. 11. 2; 14. 8, 23.

³ Послание 5. 5.

⁴ Жизнь пустынных отцов. 31. С. 111.

⁵ Д. п. 14. 25.

Очерк десятый «Врата к Богу»

СМИРЕННОМУДРИЕ

Труд подвижничества, сколь бы ни был он тяжел и продолжителен, оказывается бесполезным, если совершается без смирения. Смирение многоценно пред Богом, оно выше всех подвигов и трудов. Так, некий брат предпринял великие труды, чтобы получить от Бога желаемое, однако они не приблизили его к Богу, когда же он смирил себя, Бог послал Ангела возвестить ему об исполнении его просьбы. Одна лишь рогожа, сделанная со смирением, в очах Божиих дороже многих рогож, делаемых с гордостью. Не имея смирения, многие пали, совершив великие подвиги¹.

Смирение – это врата к Богу, через которые «отцы наши, многими скорбями, радуясь, вошли в град Божий». Без смирения невозможно спастись, как невозможно построить корабль без гвоздей. Нет иного пути к спасению, кроме пути смирения, без него невозможно сколько-нибудь возвыситься в делах по Богу².

Заповедь о смирении – первая заповедь Спасителя (блажени нищии духом – Мф. 5, 3); смирение вместе со страхом Божиим выше всех добродетелей³, «предшествует» таковым⁴. Претерпевший унижение, поругание и вред без иных трудов может спастись⁵.

Смирение и страх Божий необходимы спасающемуся как дыхание, исходящее из ноздрей его. Особенно же насущно смирение для монаха – оно его печать⁶. Монах должен сокрушиться подобно попанному куколю. Монаха, во всем примерного, но не могущего перенести унижения и презрения, авва Антоний Великий уподобляет селу, которое спереди красиво, а сзади разграблено разбойниками⁷.

Смирение – первое и незаменимое орудие в духовной брани. Гордость диавола низлагается ничем иным, как Христовым смирением. Это было открыто свыше преподобному Антонию. Старец ужаснулся, увидев сети диавола, распростертые по земле. «Кто же обходит их?» – воздохнул он и услышал голос: «смиренномудрие»⁸. Не имеющие же смирения находятся в великой опасности. Более всего нужно остерегаться впасть в самообольщение и думать, что достиг добродетелей⁹. Несмиранный образ мыслей о своих добродетелях не только отнимает плод их, но и обращает их в «повод к падению», причиной которого является гордость¹⁰.

Без смирения и сознания своего недостойнства не приносит душевной пользы и труд служения литургии¹¹.

¹ Д. п. 15. 64, 21; 15. 104, 87; 11. 1.

² Д. п. 15. 32, 63, 29, 43.

³ Д. п. 15. 34, 33.

⁴ Св. Аммон. О радости души того, кто начал служить Богу.

⁵ Д. п. 29, 10.

⁶ Д. п. 15. 46; 4. 67.

⁷ Д. п. 8. 2.

⁸ Д. п. 15. 14, 38, 3.

⁹ Д. п. 11. 76.

¹⁰ Лавсаик. 29.

¹¹ Д. п. 15. 21.

Помимо главного – спасения – смирение доставляет подвижнику и многие другие духовные блага: открывает ему истинное познание о себе, защищает от демонов и страстей, становясь как бы шлемом, или покровом. Стяжавший его познает свои грехи. Смиреномудрие вместе со скорбью о грехах изгоняют из души всякий демонский помысл и питают ее собственно собою и от святых добродетелей. К имеющему их не могут приблизиться страсти зависти и гнева¹.

Смирение – основание покоя душевного. Если человек соблюдает свой чин, не превозносясь и не преступая его, то он ничем не смущается². Вообще причина смущения – отсутствие смирения.

По мере приобретения смирения в человеке истребляется гордость – страсть, столь опасная для подвижника, что, по слову старца, лучше человек согрешающий и сознающий свой грех и смиряющийся в мыслях своих, чем не согрешающий и не смиряющийся, а представляющий себя праведником и превозносящийся³. Высокоумие – порождение гордости, и оно, естественно, не одобряется: рассуждению о добрых делах предпочитают сами добрые дела. «Брат еще не приобрел корабля... и прежде плавания приплыл в город», – говорит старец брату, рассуждавшему о делах, которыми сам не занимался⁴. По причине гордости случаются тяжкие падения подвижников, прежде удостоившихся великих даров от Бога (например, дара чудотворения)⁵. Поэтому Иоанн Ликопольский советует, «коль скоро кто приметит в себе движение гордости», удалиться в глубокую пустыню, чтобы избежать поводов превозноситься своими подвигами пред другими⁶. Однако и внешнее удаление в пустыню не избавляет от превозношения в мыслях.

Что означает смирение и по каким признакам оно узнается в человеке?

Смирение означает то, чтобы представлять себя грешнее всех людей и унижать самого себя, как не делающего ничего доброго пред Богом. Путь смирения есть труды телесные и почитание себя грешником ниже всех, а это значит не обращать внимания на грехи других, но лишь на свои и непрестанно молиться Богу, прося Его помощи. Смирение – это возложение греха своего на себя (а не обвинение других, хотя бы они были и не правы). Бог хочет этого от человека, и это есть исцеление. По причине отсутствия такого настроения часто бывают преткновения, устраиваемые свыше⁷.

Уста смиренных поучаются премудрости (Притч. 11, 2). Смирение учит человека мудрости; оно и есть истинная мудрость. Поэтому смирение часто называют смиреномудрием. Смиреномудрие – «конец» всякому труду подвижничества и «лучшее на пути сем». Смиреномудрие учит человека порицать самого себя, быть ниже ближнего и прилепляться к Божеству, постоянно обвинять и осуждать самого себя, полагать грех свой на главу свою, представлять себя грешнее всех людей⁸. Состоит оно в том, чтобы не преступать чина своего: не стремиться взойти на высоту и, находясь в унижении, не

¹ Д. п. 15. 22.

² Д. п. 15. 53.

³ Д. п. 10. 50.

⁴ Д. п. 8. 10.

⁵ Д. п. 8. 1.

⁶ Лавсаик. 39.

⁷ Д. п. 15. 28, 24, 99, 106.

⁸ Д. п. 15. 28, 29, 2, 24, 99.

смущаться; все попечение полагать в том, чтобы просить Бога до тех пор, пока он не избавит нас от ветхого человека¹.

Смиренномудрие – это знание о своем незнании. Однажды преподобный Антоний Великий, желая проникнуть в глубину судеб Божиих, вопрошал об этом Господа, и Господь ответил ему: «Антоний, себе внимай! То суды Божии, а тебе нет пользы знать это». Сознующий свою нищету в знании, ничего более к сему не прилагая, совершает все Писание. Такой человек находится на истинном пути².

Смиренномудрие не имеет языка говорить о ком-нибудь как беспечном или противоречить кому-либо. Не имеет глаз, чтобы видеть недостатки другого или примечать за кем-нибудь. Не имеет ушей слышать, что не полезно душе его. Не имеет дела с кем-нибудь, а лишь со своими грехами. Смиренномудрый миролюбив со всеми людьми по заповеди, а не по пристрастию. Смиренномудрие состоит в том, чтобы благодарить делающего тебе зло. Оно составляет истинное благородство человеческой души³.

Одного смиренномудрия достаточно для спасения, ибо оно содержит в себе все остальные добродетели. Смиренномудрие достигается трудами; чтобы приобрести его, требуется часто долгий и усиленный подвиг. К смиренномудрию это относится более, чем к любой другой добродетели. Приобретя смиренномудрие, нужно непрестанно заботиться о сохранении этого драгоценного дара, утверждаться и укрепляться в нем.

Как приобрести смиренномудрие?

Прежде всего, следует усердно исполнять заповеди, особенно, заповедь о непротивлении злу. Совершенное исполнение этой заповеди свидетельствует об утвердившемся в душе смиренномудрии⁴.

Смиренномудрие достигается чрез страх Божий, а страх Божий достигается тем, чтобы уничивать себя при всяком деле и предаваться телесному труду до самого исхода своего отсюда и суда Божия. К смиренномудрию приводит почитание себя ниже всякой твари и труд телесным. Путь к смиренномудрию: воздержание, молитва к Богу и почитание себя ниже всякого человека⁵. Для стяжания смиренномудрия полезно, чтобы тебя обвиняли во всевозможных грехах; исключение составляет лишь ересь, которая значит отлучение от Бога⁶. Перенесение порицания есть вообще признак истинного делателя⁷.

Почитание себя последним из всех грешником, ниже всех людей – это действенное средство стяжания смирения, вселяющегося лишь в сокрушенное сердце; его особенно рекомендуют отцы, и оно требует непрестанного понуждения себя и охранения. «Всегда с прилежанием старайся усвоить себе смиренный образ поведения, – поучает св. Амон, – и побуждай себя к этому с сокрушением, покорностью и чистосердечно, как почти уже умерший и погибший для мира сего и как самый последний грешник. Такое поведение принесет великую пользу твоей душе... Строго блюди себя... чтобы мыслью, словом и делом, одеянием и поведением смирять себя, презирая себя, словно навоз, пыль и прах, а

¹ Д. п. 15. 76.

² Д. п. 15. 1, 57, 4.

³ Д. п. 15. 21, 77, 30.

⁴ Д. п. 15. 68, 14.

⁵ Д. п. 15. 35, 62, 58.

⁶ Д. п. 10. 12.

⁷ Д. п. 11. 26.

также считая себя последним из всех и рабом всех; чтобы от всей души и всегда правдиво относиться к себе, как к самому последнему и грешному из христиан... Держа душу в таком сокрушении и смирении, ожидая ежедневно смерти, изо всех сил возопи к Богу, дабы по великой милости Своей исправил Он душу твою и сжалился над тобой... Со всем смиренномудрием, кротостью, благоговением предстою пред Вззирающим на тебя, не имей никогда дерзновения, помня о грехах своих, обращать взор свой горе... Трепещи перед Ним и бойся Его, зная, что в сравнении с неопикуемой славой Его ты – ничто, земля и пепел, гниль и червь»¹.

Бывает, Господь испытывает смирение подвижника. Так, когда некий отшельник думал о себе, что он исполнил все добродетели, то Бог, желая смирить его помысл, через архимандрита послал его пасти свиней; когда же увидел его смирение, освободил его от этого дела².

В «Древнем патерике» содержится множество примеров смиренномудрия отцов. Так, авва Антоний молился: «Боже, не оставь меня; я не сделал пред Тобою ничего доброго, но даруй мне по благодати Твоей положить начало». Авва Арсений, знающий учение греческое и римское, спрашивал у египетского старца о помыслах, говоря, что не постиг еще и азбуки «этого несведущего». Он никогда не говорил из Писания, хотя и мог, также не сразу писал письмо. Когда же приходил в церковь, становился за столбом, чтобы никто не видел лица его. Старцы по смирению иногда отказывались молиться об исцелении людей. Иные по смирению отказывались от священнослужения, почитая себя недостойными. Авва Макарий претерпел оклеветание в прелюбодеянии, но ради его смирения Бог обличил оклеветавших его³.

Старцы, святость которых была явна и подтверждалась многими милостями и дарами от Бога, считали себя последними грешниками и, когда их обвиняли, не поднимали и малого слова в свою защиту. Отцы старались держаться смиренного образа мыслей из опасности впасть в гордость. Но есть и другая существенная причина такого смирения святых: известно, что насколько приближается человек к Богу, настолько сознает он себя грешником⁴. Получив от Господа дар смирения, как талант, который должно «пустить в оборот» и приумножить, следует постоянно являть его на деле, чтобы не заслужить порицания и наказания от Господина и не лишиться данного Им таланта (ср. Мф. 25, 14–30).

По смирению отцы носили худые одежды, иные же по смерти завещали попать тело свое, как недостойное почестей (авва Арсений)⁵.

Учить послушников смирению – главная обязанность духовных наставников, ибо без этих «азов» невозможно вступить на поприще духовной жизни; смирением должны быть растворены всякая добродетель и всякий дар. Так, когда один послушник сподобился видения и открыл это старцу, тот, сказав ему, что видение от Бога, добавил: «но иди и будь послушен отцу своему»⁶.

¹ Св. Аммон. Увещательные главы. 2, 4, 7, 12.

² Д. п. 15. 67.

³ Д. п. 15. 5, 7, 10, 14, 31, 37.

⁴ Д. п. 15. 39.

⁵ Д. п. 15. 6, 9.

⁶ Д. п. 15. 16.

Не утвердившемуся в смирении опасно получить власть – такой человек быстро сокрушается¹.

ИСКУШЕНИЕ СЛАВОЙ

Мир, не терпя смирения, воздвигает ему великие и часто изощренные препятствия. Излюбленным его орудием в этом является прельщение подвижника славой человеческой.

Любовь славы человеческой, или тщеславие, является, таким образом, одним из главных препятствий к стяжанию смирения. Тщеславие часто влечет за собой зависть. Зависть же не допускает в душу смиренномудрия; предавшийся ей человек предаёт душу врагам, которые вовлекают ее во всякое зло и погубляют. Человек, впавший в руки злой страсти тщеславия отчуждается мира сердечного, ожесточается к святым людям и впадает в высокоумие и гордость – матерь всех зол².

Работающий тщеславию (творящий дела ради прославления от людей), – замечает авва Аммон, – как и всякой страсти, «деяния свои совершает не по вере, но по ветхому человеку; поэтому и сила Божия не вселяется в них, но являются они недужными во всех делах своих...»³

Люди часто прельщаются славой человеческой по неведению истинного добра – не понимая того, что она лишь тешит злую страсть в душах их, не доставляя им никакого блага: слава человеческая ничего не значит, если Сам Бог не прославит человека⁴. Напротив, слава человеческая приносит много вреда подвижнику, особенно если кого почитают и ценят выше его достоинства. Тот же, кто несовершенно почтен от людей, прославляется свыше⁵.

Любовь к славе человеческой несовместима со славой Божией в будущем веке⁶, а также и в настоящем. «Не желай быть другом славных мира, чтобы слава Божия не оскудела от тебя», – говорит авва Исаия⁷. Домогающийся любви человеческой лишает себя любви Божией – поэтому нехорошо всем нравиться. Тщеславие истребляет добрые дела. Человекоугодие – порождение тщеславия – погубляет мзду делания подвижника. Открывающий и разглашающий добрые дела свои подобен сеющему на поверхности земли; тогда как скрывающий житие свое подобен сеющему на браздах пашни: он пожинает обильный плод⁸. Любовь славы человеческой рождает ложь, отвержение же ее в смирении производит в сердце большой страх Божий⁹. Добродетель узнаваемая и разглашаемая помрачается, подобно тому, как оскудевает открытое сокровище. Так и душа рассеивается и теряет свою силу от похвал, подобно тому, как воск тает от огня. При окружающей мирской славе невозможно сотворить плод небесный¹⁰.

¹ Д. п. 15. 66.

² Д. п. 8. 5, 4.

³ Св. Аммон. Послание 6. 2.

⁴ Д. п. 8. 19.

⁵ Д. п. 15. 70.

⁶ Д. п. 8. 6.

⁷ Д. п. 15. 19. Срав.: Св. Аммон. Слово о желающих безмолвствовать. 5.

⁸ Д. п. 8. 16, 4, 29.

⁹ Д. п. 15. 19.

¹⁰ Д. п. 8. 23, 24.

Тщеславие губит плод добрых дел. «Люди считают, – заемчат св. Амон, – что имеют плод, но пред Богом они ничего не имеют; поэтому Он не дарует им силы Своей и оставляет их пустыми»¹.

Тщеславие может принимать личину смирения. Так, некий брат по тщеславию называл себя грешником, но от вразумления огорчился, чем и обличено было живущее в нем тщеславие².

Говоря о нравах «беса тщеславия» авва Евагрий замечает, что он «изгоняется почти всеми другими бесами, а когда они терпят крах, то он бесстыдно подступает к монаху, являя ему величие его добродетелей».

Как избежать этой страсти и избавиться от нее?

Нужно остерегаться приобретать пустую громкую славу, на которую бегут мирские люди. Свое делание следует держать в сокровенности, ибо только делание втайне – истинное делание. Если же желаешь сохранить свой образ жизни, не нарушая его, то нужно сидеть в келье своей и никуда не выходить. Когда же это невозможно, то лучше нарушить свой образ жизни ради того, чтобы избежать тщеславия. Так, один брат не ел вареного, и это было возглашено во время трапезы. Старец сказал ему на это: «Лучше бы тебе есть сегодня в своей келье мясо, чем услышать такое слово пред всем собранием»³.

Нужно беречься хвалящих нас и, делая добро, остерегаться хвалить себя⁴. Если кто принесет возвеличивающее нас слова, лучше молчать, ничего не отвечая: на похвалу лучше не отвечать, чтобы не оказаться принявшими похвалу. Чтобы не трогаться похвалой, нужно размышлять о грехах своих и думать, что мы не достойны того, что о нас говорят⁵.

Чтобы стяжать истинное смирение, надо учиться твердо переносить сказанное другими оскорбительное или обличающее слово и не говорить праздных слов, обличающих тщеславие⁶.

Авва Евагрий замечает, что совершенно «не поддаваться убеждениям беса тщеславия, предлагающего все утехи мира», может только «достигший ведения и испытавший наслаждение от плодов его... Ибо что может обещать он более великое, чем духовное созерцание?»⁷ Но редкие подвижники «отведали ведения», и потому нет человека, который бы избежал искушений от этого помысла.

Старцы обычно «бегали тщеславия» и славы человеческой, иногда исполняя это буквально⁸. Совершенно избежать славы человеческой, однако, весьма трудно. Для этого требуются чрезвычайные подвиги. Так, некоторые старцы совершенно удалялись от людей, другие «шутили с миром», делая из себя юродивых⁹. Когда нет возможности удалиться от людей, Господь часто указывает Своим избранникам путь юродства. Примеры этих двух путей – авва Арсений и авва Феодор. Оба они более всего ненавидели

¹ Св. Аммон. Послание 6. 3.

² Д. п. 8. 11.

³ Д. п. 8. 13, 4, 7, 26, 25.

⁴ Д. п. 10. 107.

⁵ Д. п. 15. 73, 52, 103.

⁶ Д. п. 8. 11.

⁷ Евагрий. Слово о духовном делании. 32.

⁸ Д. п. 6. 19, 21; 8. 12, 14, 22.

⁹ Д. п. 8. 30.

славу человеческую, но избегали ее по-разному: первый «бегал людей», другой же был для них «как меч»¹.

Потому-то и в древние времена, и в последующие было множество тайных подвижников, подвиг которых был сокровен от мира. Так, скитские подвижники скрывали свои добрые дела, а если кто видел их, то считали их уже не добродетелью, а грехом². Авва Иосиф и его ученики предлагали в утешение странникам все, что имели, и не молились перед ними, но пили с ними «чашу любви» – малую чашу вина. Обычно же они пили речную воду, смешанную с морской, и пели псалмы, и молились втайне от всех. Бывает, однако, что Господь промыслительно открывает тайную добродетель подвижника к пользе других³.

Заметим, что «путь делания, растворенного смирением», «в сокровенной пустыне спасения» Христова, по предречению древних и современных святых, оставлен в особенности верным служителям Бога последних времен⁴.

¹ Д. п. 8. 3.

² Д. п. 8. 6.

³ Д. п. 8. 7.

⁴ Прп. Нифонт Цареградский (VI в.) // Преподобных отцов Варсануфия Великого и Иоанна Руководство к духовной жизни. М., 2001, ответ прп. Нифонта 4. С. 657–658; Молитва преподобного Нектария Оптинского.

Очерк одиннадцатый «Совершенное общение»

Вершина подвижничества – христианская любовь. «Любовь есть порождение бесстрастия, которое есть цвет делания, – указывает авва Евагрий. – Духовное делание же создается соблюдением заповедей, стражем которых является страх Божий, рожденный правой верой...»¹. «Душа, уготовившая себя в невесту Небесному Жениху, – пишет преподобный Макарий Египетский, – приемлет залог Духа, дарования или исцелений, или ведения, или откровения; но не успокаивается сим, пока не достигнет совершенного общения, то есть любви, которая, будучи неизменною и непреткновенною, возжелавших ее делает бесстрастными и неколебимыми»².

С другой стороны, христианская любовь – это драгоценнейший дар благодати Божией, внутреннее достояние души, ее вечное наследие. Любовь Божия, замечает современный исследователь богословия святых отцов, «сообщается и передается людям, становится их внутренним достоянием, живой силой, определяющей, проникающей и образующей всю их жизнь... Полнота и изобилие любви Божией изливается на людей в виде живой и полномощной Божественной силы, которая есть собственно благодать...»³.

Проявляется же любовь в отношении к Богу и ближним, то есть всем вообще людям.

ЛЮБОВЬ К БЛИЖНЕМУ

Евангелие открывает нам, что любовь к Богу невозможна без любви к ближнему: ненавидящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, Которого не видит (Ин. 4, 20). Древние подвижники ревностно исполняли заповедь Христову о любви. «Дело брата моего есть дело плодоношения моего», – говорит некий старец. Любовь к ближнему превыше поста и всех телесных подвигов: если бы даже брат, который держит пост в течение шести дней, за ноздри повесил себя, и тогда не мог бы он сравняться с тем, который по любви обслуживает больных⁴.

Христианская любовь к ближнему есть образ любви Божией к человеку и должна быть подобной любви Небесного Отца (см. Мф. 5, 45); имеющие такую любовь, по замечанию аввы Аммона, «всех любят, всех жалеют и о всех молятся»⁵.

Как возможна такая любовь к творению Божию, обезображенному грехом? Любовь видит во всяком человеке, даже самом последнем грешнике, образ Божий, по которому он сотворен и который в нем неистребим. «Дело любви, – пишет авва Евагрий, – представлять себя каждому образу Божию почти так же, как и Первообразу, даже если бесы и стараются осквернить эти образы»⁶.

¹ Слово о духовном делании. 81.

² Беседа 45. 7.

³ Зарин С.М. Аскетизм... С. 400.

⁴ Д. п. 17. 27, 21.

⁵ Св. Аммон. Из поучений. 4.

⁶ Евагрий. Слово о духовном делании. 89.

Как ученики Христа и чада Божии, мы должны подражать Божественной любви. Бог призывает человека терпением и благостию – так же и мы должны «приобретать» ближнего¹.

Любовь, как сила, или энергия, Божественная, совершенно недоступна для демонов. Дьявол может подражать любым подвигам – любви же подражать не может, как и смирению². Этих двух добродетелей он лишился навсегда и поэтому, завидуя любви братьев, всячески старается разрушить ее.

Эти две высшие христианские добродетели, любовь и смирение, являются начатками будущей жизни, прорастаниями семени вечной жизни, посеянной в мире Словом Божиим.

Подвиг любви к ближнему безмерно высок пред Богом. Ради любви братьев Господь отнимает брань от подвижника. За любовь несогрешившего брата Бог прощает согрешившего. Шаги, которые делаются ради любви к брату исчисляются и считаются пред лицом Господа за великую цену³.

Любовь к ближним высоко ценилась и процветала среди древних подвижников. Так, деланием скитян было «ободрять искушаемых и делать себе принуждение, чтобы приносить друг другу пользу»⁴. Правилom для пустынников было посещать новоначальных братьев, живущих в пустыне: не повредился ли кто умом от тяжелой брани, искушаемый демонами? Когда находили поврежденного, его приносили в церковь, и, по молитве отцов, брат исцелялся⁵. Авва Серапион по устроению Божию пришел к блуднице, чтобы спасти ее душу; вняв старцу, она изменила свою жизнь и все остальное время проводила в подвигах богоугождения⁶.

Любовь нужно проявлять ко всем, независимо от их образа жизни, особенно же к грешникам. Душа согрешившего брата требует ободрения, да не како многою скорбию пожерт будет таковой (2 Кор. 2, 7). «Если делаешь доброму брату малое добро, – говорил один старец, – то вдвое должен сделать брату, о котором слышал какое-либо падение, ибо он немощен». Любовь учит не уклоняться от греха брата, а брать его на себя, как свой собственный, и нести. Иногда старцы по любви делили с братом его грех. Это и есть то, чтобы полагать душу свою... за други своя (Ин. 15, 13). Видя такую любовь, Господь прощает согрешившего⁷.

Подвижники соревновались в любви к ближним, стараясь превзойти друг друга. Такое соревнование богоугодно и всячески одобряется старцами. «Имел я сокровище, и ты захотел похитить его», – говорил один брат, сделавший доброе дело ради любви, другому брату, пожелавшему сделать то же. «Где написано, что тесные врата тебе одному открыты?» – ответил ему брат; и спор их «восшел как воня благоухания» ко Господу⁸.

Как приобретается любовь к ближнему?

¹ Д. п. 5. 31.

² Д. п. 17. 32, 31.

³ Д. п. 5. 31; 17. 16; 5. 30; 17. 39.

⁴ Д. п. 11. 30.

⁵ Д. п. 17. 24.

⁶ Д. п. 17. 33; см. также: 17. 6, 9, 10, 40.

⁷ Д. п. 10. 17; 17. 12, 17, 26; 5. 30.

⁸ Д. п. 17. 39.

Эта добродетель требует большого труда и принуждения себя. Для начала нужно «поступать так, чтобы сила твоя не сделала никому зла и чистым сделать сердце твое для всякого человека». Не нужно допускать в сердце укорение ближних, злобу и лукавство, и все прощать должникам нашим (Мф. 6,12). Желательно без принуждения, от всей души, давать братьям все, что бы они ни попросили (Мф. 5. 41). Если случится скорбь или гнев – ибо совершенно ничем не обуреваться или не опечалить никого, или не быть опечалену свойственно лишь Ангелам, – то нужно тотчас мириться. Держащий скорбь и гнев отпадает от любви, становится братом демонов и другом дьявола, и не может получить от Бога отпущение грехов до тех пор, пока не простит брату¹. Нужно смиряться пред братьями и отсекал для них собственные желанья, не принимать в сердце помыслы подозрения, терпеть по произволению все, что бы ни случилось от братьев. Положение ближнего должно считать своим собственным и сострадать ему во всем, радоваться с ним и плакать, и так жить, «как бы нося то же самое тело». Если же случится какая скорбь ближнему, то заботиться о нем, как о себе самом, по написанному: едино тело есмы во Христе (Деян. 4, 32)².

В христианской любви «свое» не различается от «чужого», и братья едины во Христе, взаимно восполняя недостатки и немощи друг друга³. Преподобный Макарий, наставляя братию пребывать всегда во взаимной любви, приводит следующее рассуждение. «Сокровище, которым владеет брат мой, – говорит работающий о молящемся, – есть общее; следовательно, владею им и я», и другие должны рассуждать подобным образом. Когда же нет взаимной любви между братьями, а вместо нее «ропот, упреки, клевета и превозношение друг пред другом», тогда «в Теле Христовом наблюдается раскол, и невозможно нам получить духовного назидания, и воля Божия не может совершиться в нас»⁴.

Евангельская любовь являет нам образ сокровенной жизни Пресвятой Троицы.

СОВЕРШЕНСТВО ДОБРОДЕТЕЛЕЙ

Заповедь о любви к ближнему невозможно исполнить в чистоте и истине, если она совершается без любви к Богу и не «по Боге». Ревность о любви к ближнему по заповеди происходит из любви к Богу, а любовь к Богу выражается в чистой любви к ближнему – например, в том, чтобы искать пользы ближнего, а не своей⁵.

Преподобный Макарий говорит, что любовь к Богу есть «первая и великая заповедь», а «первое должно поставляться на первое место... Если бы кто захотел пренебречь великой и первой заповедью – заповедью о любви к Богу... и вместо нее устремился бы ко второй заповеди (о любви к ближнему), только внешне радея о служении ближним, то для него будет невозможно осуществить неповрежденно и чисто и эту заповедь». Следствием же «памятования о Боге и любви Божией всегда является чистая любовь к брату»⁶.

¹ Д. п. 17. 11, 15, 18, 34.

² Д. п. 17. 38, 35.

³ Д. п. 17. 23.

⁴ Прп. Макарий Великий. Духовные беседы. 3. 2; Великое послание. XI. 7.

⁵ Д. п. 17. 16.

⁶ Великое послание. VII. 2, 3, 6.

С другой стороны, любовь к ближнему учит любви к Богу. Господь дарует любовь к Себе за исполнение заповеди о любви к ближнему. «Как может человек получить дар любить Бога?» – вопрошал брат. – Старец же отвечает: «Если кто видит брата своего в прегрешении и возопиет о нем к Богу, тогда получает разумение, как должно любить Бога»¹.

Совершенная любовь – вершина лестницы добродетелей, «главное из благ», ибо написано: Бог любви есть (1 Ин. 4, 8)². Как достичь этой вершины? Святые старцы испытали, что любовь Божественная вселяется в подвижника, когда он в смиренномудрии повергает себя пред Богом с сознанием и повинованием заповедям³. Образовывается любовь Божия, по наблюдению преподобного Макария, «из внутреннего благого расположения... с помощью благодати Божией... преумножается и увеличивается посредством постоянного и непрерывного памятования о Господе и небесного желания... через благодать Божию»⁴.

Любовь рождает бесстрашие. Лестница добродетелей ведет к любви и вместе с тем ни одна из добродетелей не совершенна без любви, никакой подвиг не приносит пользы без любви: «ничто пост, ничто бдение, ничто труд при отсутствии любви»⁵. Из любви рождаются, – пишет преподобный Макарий Великий, – «истинная простота, кротость, смирение, непорочность, доброта, молитва и все последующие святые заповеди, которые осуществляются в своей полноте лишь посредством единственной и первой заповеди – заповеди любви к Богу... Благодаря нашей любви к Богу [делаются] легкими, доступными и простыми все прочие заповеди»⁶.

Любовь имеет свойство увлекать ближнего горе. «Почему мы, трудясь, не получаем благодати, как древние?» – спросил некто. «Тогда была любовь, – ответил старца, – и каждый увлекал ближнего горе, а ныне, когда охладела любовь, каждый влечет ближнего своего долу – и потому мы не получаем благодати»⁷. Благодать особенно споспешествует делам любви.

Любовь освобождает от всяческого рабства, дарует свободу⁸, заменяет собою в душе подвижника страх Божий (1 Ин. 4,18). «Я уже не боюсь Бога, но люблю Его», – говорил авва Антоний.

Любовь – это размышление о Боге с непрестанным благодарением. Благодарение же есть «знак успокоения», которому «радуется Бог»⁹. Молитва святых – их таинственное общение с Господом – совершается в неизреченной любви. «В молитве тех [которые усовершенались духовно], – указывает преподобный Макарий Египетский, – действие святости направлено лишь на одного Бога... и через такое действие обретается некое таинственное общение с Господом в неизреченной любви...»¹⁰.

¹ Д. п. 17. 29.

² Д. п. 17. 30.

³ Д. п. 15. 23.

⁴ Прп. Макарий Великий. Великое послание. VII. 2, 3, 6.

⁵ Д. п. 15. 23; 17. 30.

⁶ Великое послание. VII. 6, 8.

⁷ Д. п. 17. 22.

⁸ Д. п. 4. 26.

⁹ Д. п. 17. 8.

¹⁰ Великое послание. VIII. 3.

Любовь и молитва приносят в мир начаток новой жизни, жизни будущего века. Так исполняется благая весть, возвещенная в Евангелии – о том, что приблизилось Царство Небесное (Мф. 4,17).

Заключение

Путь скорбей

О подвижничестве последних времен

Однажды ученики преподобного Антония Великого, видя в пустыне безчисленное множество иноков, украшенных добродетелями и ревнующих о преуспейании в святом отшельническом житии, спросили своего авву, долго ли это продлится. Человек Божий с вздыханием и слезами ответил им: «Придет время, когда монахи оставят пустыни и потекут вместо них в богатые города, где вместо этих пустынных пещер и тесных келий воздвигнут гордые здания, могущие спорить с палатами царей; вместо нищеты возрастет любовь к собиранию богатств; смирение заменится гордостью; многие будут гордиться знанием, но голым, чуждым добрых дел, соответствующих знанию; любовь охладает; вместо воздержания умножится чревоугодие, и очень многие из них будут заботиться о роскошных яствах не меньше самих мирян, от которых монахи ничем другим отличаться не будут, как одеянием и наглавником; и, несмотря на то, что будут жить среди мира, будут называть себя уединенниками («монах» значит уединенный)... Но будут в то время и такие, которые окажутся гораздо лучше и совершеннее нас; ибо блаженнее тот, кто мог преступить и не преступил, и зло сотворить и не сотворил (Сир. 31, 11), нежели тот, кто влеком был к добру массою стремящихся к тому ревнителей»¹.

Итак, уже древние отцы во время расцвета монашества предсказывали его оскудение, измену основной массы иноков духу истинного монашества, пришествие тех времен, когда «останется одна личина благочестия, сила же иссякнет». Однако они говорили, что и тогда сохранится, «как величайшая редкость, какой-либо остаток прежнего».

Об оскудении – не только монашества, но и вообще подвижнического духа христиан, а вместе с тем и христианского духа в среде человечества – святые отцы свидетельствовали и в позднейшие времена. «Христианство, как Дух, – отмечал в свое время (середина XIX в.) святитель Игнатий (Брянчанинов), – неприметным образом для суевающейся и служащей миру толпы, очень приметным образом для внимающих себе, удаляется из среды человечества, предоставляя его падению его...»² Святитель говорит, что нет в основной массе христиан истинного решительного отречения от мира и энергии, порождаемой таковым³.

Царство Мое не от мира сего, – говорит Господь (Ин. 18, 36). Всякая душевная привязанность к «миру сему» является препятствием к достижению Царства Небесного. Особое значение условие мироотреченности приобретает в связи с последними судьбами мира и пребывания Церкви на земле. «Многие имеют веровать в антихриста и станут славить его, как Бога крепкого, – пишет один блаженный инок. – Имущие Бога всегда в себе и просвещенные сердцами увидят истину чистою верою и познают его. Всем бо, имущим боговидение Божие и разум, тогда разумно будет пришествие мучителя. Имущим же присно ум в вещах жития сего и любящим земная непонятно сие будет: привязаны бо

¹ «Добротолюбие». Т. 1, М., 1895. С. 129.

² Собрание писем святителя Игнатия (Брянчанинова) / Сост. игумен Марк (Лозинский). М.-Спб., 1995. Письма к мирянам. Письмо № 302.

³ Там же. Письмо № 559.

суть в вещах житейских. Аще и услышат слово: но не имут веры, но паче омерзит им глаголяй сия»¹. И епископ Феофан Затворник пишет, что во времена, предшествующие антихристу, немалая часть христиан «будет по имени только правоверными, в сердце же не будет иметь того строя, который требуется верою, возлюбив нынешний век»².

Однако древние отцы оставили и людям «последнего поколения» надежду спасения. Им даются крылья не огненные, но «слабые и немощные», которыми они смогут спастись, хотя и «с большою скорбию». «Люди рода онного» не совершат тех подвигов, которыми взошли на небо древние святые, даже и вовсе не будут иметь дел, «но придет на них искушение, и оказавшиеся достойными в оном искушении окажутся выше» и древних подвижников, и следующих за ними³.

¹ Из писем Георгия, Затворника Задонского. Цит. по: Святитель Игнатий (Брянчанинов). Поучение в понедельник 26-й недели, о Царствии Божием // Сочинения. Т. 4. Спб., 1886. С. 271.

² Толкование посланий св. апостола Павла к Солунянам. М., 1895. 2 Сол., 2, 3–5. С. 309–310.

³ Древний патерик, 18. 10, 11.

Литература

1. Древний патерик, изложенный по главам. Перевод с греческого. М., 1899.
2. Аммон, святой. Повествования об авве Аммоне; Послания (1–7); Наставления: 1. Из поучений 2. Увещательные главы 3. О желающих безмолвствовать 4. О радости души того, кто начал служить Богу // Творения древних отцов-подвижников. Изд. «Мартис», 1997.
3. Афанасий Великий, святитель. Житие преподобного отца нашего Антония... 2–3 // Творения, т. 3. Троице-Сергиева Лавра, 1903. С. 180–181.
4. Евагрий. Слово о духовном делании; Слово о молитве // Творения. Аскетические и богословские трактаты. М., 1994.
5. Зарин С.М. Аскетизм по православно-христианскому учению. СПб, 1907. Т. 1. Ч. 2.
6. Иоанн Мосх. Луг духовный. Сергиев Посад, 1915.
7. Казанский П.С. Общий очерк жизни иноков египетских в IV и V веках. М., 1872.
8. Макарий Египетский, преподобный. Духовные беседы (беседы 1–50) / Перевод с греческого. Троице-Сергиева Лавра, 1904.
9. Макарий Египетский, преподобный. Духовные беседы (беседы 51–57); Великое послание // Творения древних отцов-подвижников. Изд. «Мартис», 1997.
10. Палладий, епископ Еленопольский. Лавсаик. Почаев, 1914.
11. Руфин, пресвитер. Жизнь пустынных отцов. Троице-Сергиева Лавра, 1898.

Православный Свято-Тихоновский Богословский институт

Кафедра
истории Церкви, патрологии и канонического права

**Аскетические воззрения древних египетских
отцов-подвижников IV–V вв.**

по руководству «Древнего патерика»

Дипломная работа

Руководитель: профессор А.И.Сидоров

Москва – 1998

ОТЗЫВ

на дипломную работу

**Аскетические воззрения древних египетских отцов-
подвижников IV - V вв.**

по руководству «Древнего патерика»

Работа представляет собой опыт систематического изложения аскетики древнеегипетских отцов-подвижников, в основу которого положен интереснейший памятник монашеской письменности - «Древний Патерик».

Прочитав эту работу с огромным удовольствием, могу выразить только самое лестное мнение о ней. В этой работе поражает четкость и ясность православного мирозерцания и мироощущения автора, органичность видения самых фундаментальных основ древнего аскетизма и пронизанность духом его. Это позволяет излагать взгляды древних отцов-подвижников, как свои собственные, выстраданные и пережитые, мысли. Очень удачно дополняют основное изложение и подстрочные примечания.

В целом, считаю работу блестящей и по замыслу, и по исполнению. Полагаю, что при сравнительно небольшой переработке она может быть записана в качестве кандидатской диссертации.

Профессор

А. И. Сидоров